

1 (45) 2010

MOZIYDAN SADO

ECHO OF HISTORY
ЭХО ИСТОРИИ

21 МАРТ – НАВРЎЗ БАЙРАМИ

21 МАРТА – ПРАЗДНИК НАВРУЗ

21 MARCH – CELEBRATION OF NAVRUZ

Р. АБДУЛЛАЕВ
ШЕДЕВРЫ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ

R. ABDULLAEV
MASTERPIECES OF
CULTURAL HERITAGE

М. ИНОЯТОВ
УЗБЕКСКОЕ НАРОДНОЕ
ПЕШОПЕНИЕ

M. INOYATOV
UZBEK FOLK SINGING

М. ФАЙЗУЛЛАЕВА
ТРАДИЦИИ ВЫПЕЧКИ ХЛЕБА

M. FAYZULLAEVA
BREAD BAKING TRADITIONS

У. МАНСУРОВ
ИЗ ИСТОРИИ МАРГИЛАНА

U. MANSUROV
FROM THE HISTORY OF MARGILAN

Л. ХОЛНАЗАРОВА
ИСКУССТВО КНИГИ В БУХАРСКОМ
ЭМИРАТЕ

L. KHOLNAZAROVA
BOOK ART IN THE BUKHARA
EMIRATE

Ш. ЮСУПОВ
ИНТРИГИ СЫНОВЕЙ ХАНА

Sh. JUSUPOV
INTRIGUES OF KHAN'S SONS

О. ТОЖИБОЕВА
«КУРКУТ ОТА КИТОБИ»

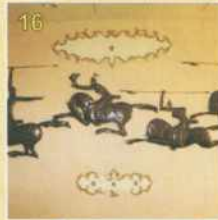
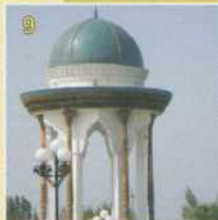
O. TOZHIBOIEVA
«KURKUT OTA KITOB!»

М. ЮЛДОШЕВ, С. ЮЛДОШЕВА
ОБЩЕТЮРКСКИЕ ТЕРМИНЫ
В ДРЕВНИХ ИСТОЧНИКАХ

M. JULDOSHEV, S. JULDOSHEVA
COMMON TURK TERMS IN ANCIENT
SOURCES

О. ГЛОВАЦКИЙ, С. УМАРОВА
ИЗ ИСТОРИИ ИРРИГАЦИИ
УЗБЕКИСТАНА

O. GLOVACKIY, S. UMAROVA
FROM THE HISTORY OF
IRRIGATION OF UZBEKISTAN

А. УБАЙДУЛЛОХ
КАЛЛИГРАФЫ НАМАНГАНА

A. UBAYDULLOKH
CALLIGRAPHERS OF NAMANGAN

И. ЮСУПОВ, Э. МИРЗААЛИЕВ
АХСИКЕНТ

I. JUSUPOV, E. MIRZAALIEV
AKHSIKENT

Д. ГОИПОВ
ДЕВАН ОТАНИЁЗА НИЁЗИ

D. GOIPOV
DIVAN OF OTANIYOZ NIYOZI

О. БАХТИЁРЗОДА
НАУЧНАЯ ШКОЛА
ИБРАГИМА ХАМРАБАЕВА

O. BAKHTIYORZODA
SCIENTIFIC SCHOOL
OF IBRAGIM HAMRABAEV

Ф. БАХРИДДИНОВА
АРХЕОЛОГ-ВОСТОКОВЕД

F. BAKHRIDDINOVA
ARCHEOLOGIST-ORIENTALIST

М. МАХМУДОВА
ВАКФЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

M. MAKHMUDOVA
VAKFS OF MIDDLE AGE

А. ЭРГАШЕВ
КАРТА ДЖЕЙХУНА

A. ERGASHEV
MAP OF DZHEYHUN

Б. АХМЕДОВ
ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ
ТЕЛЕФИЛЬМ УЗБЕКИСТАНА

В. АХМЕДОВ
DOCUMENTARY FILM
OF UZBEKISTAN

1 (45) 2010

MOZIYDAN
SADO ECHO OF HISTORY
ЭХО ИСТОРИИ

«МОЗИЙ – ИСТИҚБОЛИМИЗНИНГ ТАРОЗИСИДИР».

Маҳмудхўжа Бехбудий

MOZIYDAN SADO

ECHO OF HISTORY
ЭХО ИСТОРИИ

1.(45).2010

ТАЪСИСЧИЛАР: Ўзбекистон Республикаси
Маданият ва спорт ишлари вазирлиги,
Бадиий академияси, Матбуот ва ахборот агентлиги

УШБУ СОНДА:

Рустам АБДУЛЛАЕВ МАДАНИЙ МЕРОС ДУРДОНАЛАРИ.....	2
Миробид ИНОЯТОВ ЎЗБЕК ХАЛҚ ҚЎШИҚЧИЛИГИ.....	5
Мавлуда ФАЙЗУЛЛАЕВА НОН БИЛАН БОҒЛИҚ АНЪАНАЛАР.....	7
Улугбек МАНСУРОВ МАРГИЛОН ШАҲРИ ТАРИХИДАН.....	9
Латофат ХОЛНАЗАРОВА БУХОРО АМРЛИГИДА КИТОБАТ САНЪАТИ.....	11
Шариф ЮСУПОВ ХОН ЎФИЛЛАРИ ФИТНАСИ.....	13
Олғиной ТОЖИБОЕВА «ҚЎРҚУТ ОТА КИТОБИ».....	16
Махмуд ЙЎЛДОШЕВ, Света ЙЎЛДОШЕВА ҚАДИМИЙ МАНБАЛАРДА УМУМТУРКИЙ СЎЗЛАР.....	18
Олег ГЛОВАЦКИЙ, Сурайё УМАРОВА ЎЗБЕКИСТОННИНГ СУФОРИШ ТАРИХИДАН.....	21
Ахмад УБАЙДУЛЛОХ НАМАНГАН ХАТТОТЛАРИ.....	24
Иброҳим ЮСУПОВ, Эркин МИРЗААЛИЕВ АХСИКЕНТ.....	26
Дилшод ҒОЙИПОВ ОТАНИЁЗ НИЁЗИЙНИНГ ДЕВОНИ.....	29
Ойдинхон БАХТИЁРЗОДА ИБРОҲИМ ҲАМРОБОВЕВ ИЛМИЙ МАКТАБИ.....	31
Феруза БАХРИДДИНОВА АРХЕОЛОГ-ШАРҚШУНОС.....	33
Мухайё МАҲМУДОВА ЎРТА АСР ВАҚФЛАРИ.....	37
Аббос ЭРҒАШЕВ ЖАЙҲУН ХАРИТАСИ.....	41
Баходир АҲМЕДОВ ЎЗБЕКИСТОН ҲУЖАТЛИ ТЕЛЕФИЛЬМИ.....	44

Журналдан кўчириб босилганда манба қайд этилиши шарт. Таҳририятга келган мақолалар такриз қилинмайди, қайтарилмайди ва ёзма жавоб берилмайди. Ссылка на журнал обязательна. Рукописи не рецензируются и не возвращаются, письменные ответы не высылаются.

Reference to the magazine is required. Manuscript copies are neither reviewed nor returned back, the written responses are not sent.

Илмий-амалий, маънавий—
маърифий, рангли журнал

1999 йилдан чоп этила бошлади.
Уч ойда бир марта
ўзбек-инглиз-рус
тилларида чиқади

БОШ МУҲАРРИР
Зафар ҲАКИМОВ

ТАҲРИР ҲАЙЪАТИ

Дилором АЛИМОВА
Шодмон ВОҲИДОВ
Анатолий САГДУЛЛАЕВ
Бахтиёр САЙФУЛЛАЕВ
Темир ШИРИНОВ
Усмон ҚОРАБОЕВ
Нозим ҲАБИБУЛЛАЕВ
Акбар ҲАКИМОВ
Маҳмуджон ҲАСАНОВ
Саидбек ҲАСАНОВ

**ЖАМОАТЧИЛИК
КЕНГАШИ**

Роберт АЛМЕЕВ
Мариника БОБОНАЗАРОВА
Исмоил БОТИРОВ
Равиан МАНСУРОВ
Зокиржон МАШРАБОВ
Маҳмуд БОБОЁРОВ
Наби ХУШВАҚТОВ
Иброҳим ЮСУПОВ

Бош расом

Даврон ҲАМИДУЛЛАЕВ

ТАҲРИРИЯТ МАНЗИЛИ:

100129, Тошкент ш.,
Навоний кўчаси, 30.
Тел: 244-34-65, 244-74-19.
Факс: 244-74-19.

E-mail: moziyansado@mail.ru

Индекс: 1074-шахсий обуначилар,
1047-ташкilotлар учун.

О'ЗБ.-GERM.
MCHJ «KAMALAK-PRINT»
босмахонасида чоп этилди.
Буюртма №75

Адади 1500.

ISSN 2010-5258

«Қағаз», «Ташкilotлар»

хотираси» музейи

КК 9362

Инв: № 1259

МАДАНИЙ МЕРОС ДУРДОНАЛАРИ

Рустам АБДУЛЛАЕВ

Сурхондарё вилоятининг Бойсун маданий мақони, Бухоро «Шашмақом»и, Фарғона водийсининг Катта ашула кўшиқ жанри ҳамда умуммиллий Наврўз байрами ЮНЕСКО томонидан «Инсониятнинг оғзаки ва номоддий маданий мероси дурдоналари» сифатида тан олинган.

Ўзбекистонда маданий ёдгорликларни асраб-авайлаш давлат сиёсати даражасига кўтарилган. 2009 йил февралда «Катта ашула» лойиҳаси Япониядаги АССИ конкурсда «Номоддий маданий меросни тиклашнинг илғор тажрибаси» АССИ – ЮНЕСКОнинг Осиё-Тинч океан маданий Маркази муқофотига сазовор бўлди. 2009 йил ноябрь ойида Токушимада (Япония) «Катта ашула – Ўзбекистоннинг кўшиқчилик мероси» презентацияси бўлди ва у сазовор бўлган АССИ (Япония)нинг Олтин медали ҳамда дипломи тошпирилди.

Катта ашула – ўзбек халқ анъанавий жанри бўлиб, ўзига хос мусикий-поэтик тил, ижро услуби, мактаблари ва таомил шаклига эга. Ушбу жанрнинг яна бошқа оммавий номи – патнис ёки патнисаки ашула. Катта ашуланинг шаклий тузилиши анъанавий шарқ поэзиясининг лиро-фалсафий мавзуси билан чамбарчас боғлиқ. Ижро ашулачидан кучли ва кенг диапазонли баланд овоз соҳиби бўлишлик, алоҳида тайёргарлик, маҳорат ва санъаткорликни, шунингдек, импровизация кўникмаларини талаб қилади. Катта ашула ўрта асрларда чолғу асбоблар жўрлигисиз айтиладиган қадимий халқ маросим ва меҳнат кўшиқлари, «мадҳия» кўшиқлари асосида шаклланиб, асрлар давомида сайқалланиб, такомиллашиб борди. Ушбу жанр билан номоддий маданий мероснинг барча шакллари алоқадор (музыка, халқ ва шарқона поэзия, анъанавий кўшиқчилик). Бу анъана намояндлари анъанавий «устоз-шоғирд» мактабини ўтаган ҳофизлар (*катта ашулачи*)дир. Кўшиқчилик кўникма ва техникасининг устадан шоғирда оғзаки ўтиши хали-хануз музыка ва унинг маънавий бойлик сифатида сақланиш услуби бўлиб хизмат қилади. Катта ашула икки ёки ундан ортик (бештагача) ижрочилар томонидан галма-галдан, чолғу асбоби жўрлигисиз, овозни йўллаш ва баланд-пастигини сақлаш мақсадида қўлда мўъжаз патнисча ёки ликопча ушлаган ҳолда айтилади. Катта ашула ижроси профессионал тайёргарликдан ўтган халқ ҳофизларига раво қўрилади.

Катта ашуланинг ўзига хос хусусиятлари: ҳудудийлиги (Фарғона водийси), ижронинг ўзига хослиги (икки ёки ундан ортик хонанда чолғу жўрлигисиз ижро этиши), ҳамнафаслик.

Халқ ўртасида катта ашула хали-хануз муқим яшаб келмоқда. Ушбу жанр ашулаларининг ижроси кўпинча катта маъракалар билан боғлиқ: Наврўз байрами, халқ сайиллари, тўй маросимлари. XX асрдан катта ашула ижросида аёллар ҳам иштирок эта бошлади, чунончи, ҳам опера, ҳам анъанавий санъат шакллари ўзида мужассамланишига олган Халима Носирова мисол бўла олади.

Ижро маданиятининг ривожланиши ушбу жанрнинг ҳар хил турларини пайдо бўлишига имкон берди: анъанавий, «ёввойи мақом» (ёввойи Ушшук, ёввойи Чоргоҳ), «ёввойи ашула» ва «ликوبي ашула» (ёввойи Танавор, ёввойи Муножот), «яккахонлик» – вокал-чолғу катта ашула, «чолғу йўли» – чолғу ижроли версиялар.

XX асрнинг 70-йилларидан ўзбек анъанавий мусикасининг уйғониш босқичи бошланди, бу Тошкент Консерваторияси ўқув жараёнига анъанавий ижрочилик малака ва билимларини олиб кириш билан боғлиқ. Катта ашула намуналарини тўплаш учун Фарғона водийси туманлари бўйлаб илмий сафарлар ўтказила бошланди. Қўқон, Марғилон, Андижон ва Тошкент мақомлари радиода ёзиб

олиниб, илмий мақолалар ва китоблар нашр этилди. 1984 йилда Марғилонда ўтказилган катта ашула ижрочиларининг биринчи республика танлови анъанавий бўлиб қолган эди. Бастакорлар ҳам бу кўшиқ жанрига кизиқиш билан қарай бошладилар. 90-йиллардан катта ашула ижрочилиги Фарғона ва Тошкент мусика коллежлари ўқув жараёнига киритилди.

Сўнгги йилларда Ўзбекистонда катта ашула анъаналарини сақлаб қолиш бўйича олиб борилаётган ишлар фаоллашди. Аммо бу санъат намояндлари – хонандалар кам қолгани боис «Катта ашула» лойиҳаси ишлаб чиқилди, унинг асосий мақсади Ўзбекистон мусика санъатидаги бу ноёб ва ўзига хос ҳодисани қайта тиклаш. Лойиҳани муваффақиятли амалга ошириш учун жанрни тарғиб қилиш ва оммалаштириш жиддий аҳамият касб этади. Бунда радио ва телеканаллар яхши ёрдам бериши мумкин, улар маълум даражада мусикий дид, тингловчи, айникса, ёш авлод кизиқиши ва эҳтиросини шакллантиради.

* * *

Наврўз – Марказий Осиё бутун минтақаси халқлари анъанавий маданиятининг ажралмас қисми. Наврўз – шамсий тақвим бўйича Янги йилнинг бошланиши, ҳаётнинг рамзий янгиланишидир. Расм-русмлари ва Наврўз байрамининг маъноси: тани соғлиқ, фаровонлик, ижодий муваффақият, рўзғор мўл-кўллиги, юқори ҳосил, бахт ва иқбол тилаш. Ўтмишда Наврўз байрами кунларида урушлар тўхтатилган, оилаларда эса баҳс-можаролар, уриш-жанжалларга барҳам берилган ва ҳ.к.

Номоддий маданий мерос сифатида Наврўз башариёт ва маданиятнинг энг қадимги таркибий қисмларидан бири ҳисобланади. Унда мусикий, шеърят ёдгорликлари, томоша ва рақс санъати, анъанавий хунармандчилик, халқ маросимлари ва байрамларнинг барча турлари жамланган. Шунинг хисобга олган ҳолда, БМТ 2010 йил 23 февралдаги қарори билан 21-мартни «Халқаро Наврўз кунини» деб таъинлади. Ўзбекистон ҳудудида ҳам ҳар йили 21-22 март кунлари Наврўзни байрам қиладилар. Наврўзда кишлоқ ва шаҳар маҳаллаларида байрам дастурхони ёзилади. Халқ хонанда ва ашулачилари ўз санъатларини намойиш этадилар, томоша усталари (дорбозлар, кизиқчилар, қўғирчоқбозлар, масхарабозлар, аскиячилар), раққос-ўйинчилар (яккахон ва гурухли рақслар), халқ анъанавий ўйинлари (кўпкари, кураш, хўроз, кўчкор уриштириш) ижро этилади.

Кейинги йигирма йил атрофида Ўзбекистонда моддий ва маданий қадриятларни қайта баҳолаш, олис ўтмишдаги воқеа-ҳодисаларни қайта ўрганиш борасида кенг қўламли илмий-амалий тадқиқотлар олиб борилмоқда.

Номоддий маданий мерос, жумладан, Бойсун маданий мақони, Шашмақом, Катта ашула ва Наврўз сингари дурдоналарнинг ҳозирги аҳволини тадқиқ этиш ва улар билан боғлиқ мактаблар анъаналарини янада такомиллаштириш қонун доирасида ҳимояланган. Узоқ муддатли истиқбол режасини ишлаб чиқиш ҳам маданий анъаналарни авлоддан-авлодга олиб ўтишни такомиллаштиришга, умуман, Ўзбекистон номоддий маданий меросининг нодир қатламларини қайта тиклаш ва муҳофаза этишга имкон беради.

ШЕДЕВРЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Решением ЮНЕСКО «Шедевром устного и нематериального культурного наследия человечества» были признаны культурное пространство Байсунского региона Сурхандарьинской области, бухарский «Шашмаком», песенный жанр Ферганской долины «Катта ашула» и общенациональный праздник Навруз.

Охрана культурных памятников в Узбекистане возведена в ранг государственной политики. В феврале 2009 г. проект «Катта ашула» на конкурсе АССИ (Япония) «Передовой опыт возрождения нематериального культурного наследия в сообществах» удостоен приза АССИ – Азиатско-Тихоокеанского культурного центра ЮНЕСКО. В ноябре 2009г. в Токусима (Япония) состоялась презентация «Катта ашула – песенное наследие Узбекистана» и вручение Золотой медали и диплома АССИ (Япония).

Катта ашула (букв. – большая или возвышенная песня) – своеобразный жанр узбекской традиционной музыки, обладающий специфическими особенностями музыкально-поэтического языка, манерой исполнения, школой и формой бытования. Другое популярное название этого жанра – патныс или патнусахи ашула (буквально – песня с подносом или тарелкой). Образный строй катта ашула связан с традиционной восточной поэзией лирико-философского содержания. Исполнение требует специальной подготовки, мастерства и виртуозности певцов, владеющих сильным и высоким голосом широкого диапазона, а также навыками импровизации. Катта ашула сформировалась в средние века на основе древнейших народно-обрядовых и трудовых песен, «хвалебных» песнопений, исполняемых без инструментального сопровождения, и на протяжении веков отшлифовывалось и совершенствовалось. С этим жанром связаны все формы нематериального культурного наследия (музыка, народная и восточная поэзия, традиционное пение). Носителями её традиции являются певцы-хафизы (катта ашулачи), прошедшие традиционную школу обучения «устоз-шогирд» (мастер-ученик). Устная передача навыков и техники пения от мастера к ученику до сих пор остается основным способом сохранения и передачи музыки и её духовной ценности. Катта ашула исполняется двумя или более певцами (до пяти) попеременно, без инструментального сопровождения, держа в руках небольшой металлический поднос или тарелку для направления и усиления звука. Пение катта ашула доступно профессионально подготовленным народным певцам.

Характерными особенностями катта ашула являются: локальность (Ферганская долина), своеобразие исполнения (пение двумя или более певцами поочередно без инструментального сопровождения), импровизационность; хамнафаслик (формы и нормы устного музицирования певцов должны быть созвучны).

Катта ашула широко и устойчиво бытует в народе. Исполнение песен этого жанра часто связано с большими событиями: праздник Навруз, сбор урожая, саил (народное гуляние), свадебные обряды. В XX в. к пению катта ашула стали

MASTERPIECES OF CULTURAL HERITAGE

Uzbekistan is one of the first in region of Central Asia which ratified UNESCO CONVENTION in 2003 «On Protection of a non-material cultural heritage» (November,2007). The Parliament of Uzbekistan was adopted a bill «On guarding and using the objects of cultural heritage» on April 2009. UNESCO programm on declaration of «The Masterpieces of an oral and non-material cultural heritage of mankind» stimulated government actions, public organizations and funds. By UNESCO decision «The Masterpieces of an oral and non-material cultural heritage of mankind» on May 2001 cultural space of Baysun region of Surkhandarya region, on November 2003 Bukhara «Shashmakom», on October,2009 song genre of Fergana valley and national holiday of Navruz were recognized.

The protection of cultural monuments in Uzbekistan is erected in a state policy rank. On February, 2009 the project «Katta ashula» at competition of ASSI (Japan) «The Best practices of revival of a non-material cultural heritage in communities» is awarded with a prize of ASSI-The Asian Pacific cultural centre of UNESCO.

On November, 2009 the presentation «Katta ashula- a song heritage of Uzbekistan» and delivery of the Gold medal and Diplom of ASSI (Japan) took place in Tokushima (Japan).

Katta ashula (i.e.- the big or exalted song) is an original genre of Uzbek traditional music, possessing specific features of musical-poetic language, a manner of execution, school and form existence. Another popular name of this genre patnis or patnusaxi ashula (literally- song with a tray or a plate). The figurative system «katta ashula» is connected with the traditional east poetry of a liriko-philosophical harmony. Execution demands special preparation, skills and virtuosity of the singers owning strong and a high-pitched voice of a wide range, and also skills of improvisation.

Katta ashula was generated in the Middle Ages based on the most ancient national-ceremonial and labour songs, «the laudatory» church chanting, executed without instrumental accompaniment and through out centuries was improved. All forms of non-material cultural heritage are connected with this genre (music, the national and east poetry, traditional singing). Carriers of its traditions are the singers-hafizi (katta ashulachi), who have passed traditional school of training «ustoz-shogird» (master-pupil). Oral transfer of skills and techniques of singing from the master to the pupil remains the basic way of preservation and transfer of music and its spiritual value. Katta ashula is executed by two or more singers (to five) in turn without instrumental accompaniment, having control over a small metal tray or a plate for a direction and sound strengthening. Singing katta ashula to the well professionally prepared national singers.

Prominent features are: locality (Fergana valley), an execution originality (singing by two or more singers in turn without instrumental accompaniment; improvisation; hamnafaslik (forms and norms of oral playing music of singers should be conformable).

Katta ashula widely and steadily occurs in the people. Execution of songs of this genre is connected directly with great occasions: the Navruz holiday, harvesting, sail, public holiday, wedding ceremonies. Women began to join singing, also Halima Nasirova, simultaneously owning forms of opera and traditional art. Development of performing culture promoted occurrence of versions of it genre: traditional, «yovvoi makom» (Yovvoi Ushshok, Yovvoi Chorghoh), «yovvoi ashula» or «likobi ashula» (Yovvoi Tanovar, Yovvoi Munojot), «yakkaxonlik»- vocal-instrumental katta ashula, «cholg'u yuli»- instrumental versions.

Since the 1970-s XX century the stage of revival of the Uzbek traditional music which is connected with introduction in educational process of Tashkent conservatory of skills and knowledge of traditional performance begins. Scientific expeditions around areas Fergana valley's regions for gathering of samples katta ashula began to be spent.

Famous singers of Kokand, Margelan, Andizhan and Tashkent are recorded on radio, scientific articles and books are published. In 1984 in Margelan the first republican competition of performers katta ashula was held, which became traditional. And composers began to show interest to this song genre. Since the 1990-s the performance of katta ashula is entered into educational process of musical colleges in Fergana and Tashkent.

приобщаться женщины, в т.ч. Халима Насырова, одновременно владеющая формами оперного и традиционного искусства. Развитие исполнительской культуры способствовало возникновению разновидности этого жанра: традиционный, «ёввои маком» (Ёввои Ушшок, Ёввои Чоргох), «ёввои ашула» или «ликоби ашула» (Ёввои Тановар, Ёввои Муножот), «яккахонлик» – вокально-инструментальные катта ашула, «чолгу йули» – инструментальные версии.

С 70-х годов XX в. начинается этап возрождения узбекской традиционной музыки, которое связано с введением в учебный процесс Ташкентской консерватории навыков и знаний традиционного исполнительства. Стали проводиться научные экспедиции по районам Ферганской долины для сбора образцов катта ашула. На радио записываются известные певцы Коканда, Маргилана, Андижана и Ташкента, издаются научные статьи и книги. В 1984 г. в Маргилане был проведен первый республиканский конкурс исполнителей катта ашула, который стал традиционным. И композиторы начали проявлять интерес к этому песенному жанру. С 90-х годов исполнительство катта ашула вводится в учебный процесс музыкальных колледжей Ферганы и Ташкента.

В последние годы в Узбекистане активизировалась работа по сохранению традиций катта ашула. Но певцов, владеющих этим искусством, осталось мало, поэтому был подготовлен проект «Катта ашула», основной целью которого является возрождение уникального и самобытного явления в музыкальном искусстве Узбекистана. Для успешной реализации проекта существенное значение имеют рекламирование и популяризация жанра. В этом существенную поддержку могут оказать радио- и телевизионные каналы, в определенной мере формирующие музыкальный вкус, интересы и пристрастия слушателей, в особенности, молодого поколения.

* * *

Навруз – важнейший атрибут традиционной культуры народов всего региона Центральной Азии. Навруз – наступление Нового года по солнечному летосчислению, символическое обновление жизни. Смысл обрядовых действий и само празднование Навруза заключается в пожелании здоровья, благополучия, творческих удач, хозяйственного изобилия, высоких урожаев, добра и счастья. В прошлом в дни празднования Навруза прекращались войны, в семьях – раздоры, ссоры и др.

Навруз как нематериальное культурное наследие, является одной из самых древних составных частей человеческой культуры. В нём сосредоточены все виды памятников музыкально-поэтического, зрелищного и танцевального искусства, традиционного ремесла, народных обрядов и праздников. Исходя из этого, по решению ООН от 23 февраля 2010 года 21 марта признан «Международным днём Навруза». И в территории Узбекистана, ежегодно празднуют Навруз 21-22 марта. В кишлаках и махаллях городов в Навруз устраивается общая праздничная трапеза. Своё искусство показывают народные певцы и музыканты (повсюду звучат народные песни и инструментальная музыка), мастера зрелищных представлений (канатоходцы, кизикчи, кукольники, масхарабозы, аскиячи), танцоры (сольные и групповые танцы), устраиваются народные игры (копкари – козлодрание, кураш – народная борьба, бои петухов и баранов и др.)

На рубеже двух столетий в Узбекистане активно идет переоценка материальных и духовных ценностей, переосмысление событий исторического прошлого, ведутся ширококомасштабные научно-исследовательские работы.

Изучение современного состояния нематериального культурного наследия, в частности, таких шедевров как культурное пространство Байсуна, Шашмаком, Катта ашула и Навруз закономерно входит в круг проблем национальной художественной культуры, особенности ее развития. И разработка долгосрочной стратегии будет способствовать совершенствованию передачи культурных традиций, а в целом возрождению и охране уникальных пластов нематериального культурного наследия Узбекистана.

Last years in Uzbekistan the work on katta ashula preservation became more active. But the singers, owning this art remained a little. According to the project was initiated which main goal is revival of this unique and original phenomenon in musical art of Uzbekistan. For successful realization of the project has essential value of advertising and genre popularization. In it essential support forming musical tastes, interests and predilections of the listener, in particular young generation can render radio and television channels in a certain measure.

* * *

Navruz is a major attribute of traditional culture of the people of all region of the Central Asia. Navruz is approaching of New Year on solar chronology and symbolical updating of a life. The sense of ceremonial actions and celebrating of Navruz consists in a wish of health, well-being, creative successes, economic abundance, big crops, good and happiness. In days of celebrating of Navruz wars, contentions, quarrels in families stopped in past.

Navruz which is the non-material cultural heritage is one of the most ancient components of human culture. All kinds of monuments of the musical, poetic, entertainment and dancing art, traditional craft, national ceremonies and holidays are concentrated in it. Based on the decision of the United Nations from February, 23rd, 2010, the 21st of March is recognized as «The International day of Navruz». And the people occupying territory of Uzbekistan, annually celebrate Navruz on March 21-22. General celebratory meal is arranged in kishlaks and mahalljahs of cities during Navruz. National singers and musicians (national songs and instrumental music everywhere sound) show the art, masters of entertainment representations (ropewalkers, kizikchi, puppeteers, masxarabozi, askiyachi), dancers (solo and group dances) are arranged national games (kopkari, kurash- national struggle; cockfights and rams and others).

On the boundary of two centuries in Uzbekistan there is an active reassessment of material and cultural wealth, reconsideration of events of the historical past, also large-scale scientific research works are held.

Principles and mechanisms of functioning of traditional culture which are directly connected with their actualization, are in the centre of attention of the government of Uzbekistan, its state and non-state and public funds. Studying of a current state of a non-material cultural heritage, in particular, such masterpieces as cultural space of Bajuna, Shashmakom, Katta ashula and Navruz naturally are included into a circle of problems of national art culture, feature of its development. And working out of long-term strategy will promote perfection of transfer of cultural traditions, and as a whole revival and protection of unique layers of a non-material cultural heritage of Uzbekistan.

ЎЗБЕК ХАЛҚ ҚЎШИҚЧИЛИГИ

Миробид ИНОЯТОВ

Халқ қўшиқларида турмушнинг барча соҳаларига оид панд-насихатлар, ибратли ўғитлар мужассам. Зеро, халқимиз қўшиқни «дил таржимони» деб бежиз айтмаган.

Халқ қўшиқлари соддалиги, мўъжаз шакли, оммавийлиги ва халқчиллиги билан ажралиб туради.

Қўшиқчилик санъати халқ ижодиётининг энг қадимги поэтик шакли сифатида ҳозирги давргача етиб келди. Бошқа фольклор жанрлари сингари махсус шаронтни талаб этмасдан, меҳнат, маросим, мавсум, урф-одат, шодлик, кулфат каби инсон турмуши билан боғлиқ ҳолатларда ҳам айтилаверади.

Халқ қўшиқларининг «Ёр-ёр», «Ўлан», «Лапар», «Лирик терма», «Байт-ғазал», «Келин салом», «Алла», «Ё рамазон», «Сус хотин», «Халфа қўшиғи» каби турлари кенг тарқалган. Қадим даврлардан бугунга қадар куйлаб келинган «Бекасам тўнлар кийиб», «Хон зулми», «Вах, вах, тўрам», «Омон ёр», «Ёр-ёр», «Танавор», «Воҳай бола», «Ҳилила ёр», «Золим ҳоким» ҳамда нисбатан кейинги даврларда яратилган «Тўйлар муборак», «Меҳрибонлар хормангиз», «Дўстлик қўшиғи», «Қизлар қўшиғи», «Чаманда гул», «Ой бўстон», «Тўқувчи қиз қўшиғи» сингари кўплаб халқ қўшиқлари халқимизнинг маънавий мулки бўлиб қолган. Халқ қўшиқларининг яна бир хусусияти шундаки, улардаги мавзулар ҳамма даврларга мос, айни пайтда, кишининг ўзи яшаб турган жамиятга, замонга нисбатан фикр-мулоҳазаларининг камол топишига ҳам ёрдам беради. Зеро, уларда халқ тафаккурига оид ибратли фикрлар, миллий ахлокий ақидалар мужассам бўлиб, булар барча даврлар учун долзарб бўлиб қолаверади.

Шуни алоҳида таъкидлаш лозимки, кейинги йилларда

ҳукуматимиз томонидан қўшиқ санъатига эътибор кучайиб, уни янада ривожлантириш тўғрисида қатор қарорлар қабул қилинди. Жумладан, «Ўзбекистон Ватаним маним» номли Республика кўрик-танловининг ўтказилиши ва, умуман, мамлакатимизда кенг қулоч ёзган турли танлов ва кўриклар қўшиқчилик санъатининг тараққиётига катта ҳисса бўлиб қўшилмоқда.

Аксарият халқ қўшиқларида некбинлик, келажакка ишонч руҳи ифода этилган. Қўшиқлардаги бундай кўтаринки кайфият, халқ фалсафасининг лирик туйғулар ёрдамида акс этиши уларнинг жозибасини янада оширади. Айниқса, поэтик такрор, ўхшатиш, қочирим, образлар пухталиги, вазнларнинг мутаносиблиги, кофияларнинг оҳангдорлик касб этиши халқ бадий мероси бу турининг ўзига хос хусусиятларидир.

Халқ жуда қадимдан она-табиатга муҳаббат ғоясини ўз қўшиқларида акс эттириб келмоқда.

Ўзбекистоннинг ҳар бир вилоятида ўзига хос урф-одатлар, халқ қўшиқлари, ижрочилик йўллари, анъаналари мавжуд. Масалан, Фарғона водийсида айниқса катта ашула халқ ижрочилиги кенг тарқалган. Бунда бир ёки бир неча хонанда чолғу жўрлигисиз қўшиқ ижро этадики, бу ноёб ижро услубидир. Водийлик аёллар доира жўрлигида ашулалар, лапарлар, яллалар ижро этишади.

Бухорода халқ мавриги қўшиқлари оммалашган. Бу ҳам қўшиқчиликнинг рақсбоп йўли бўлиб, якка ҳамда оммавий тарзда ижро этилади.

Хоразм воҳасида халфачилик, дostonчилик ва айтишув йўллари кенг тус олган. Бу ерда ҳам доира, гармонь ва тор жўрлигида ёхуд жўрсиз, якка ёки жуфт бўлиб қўшиқ айтишади.

Сурхон воҳасида эса анъанавий қўшиқчилик, бахшичилик ва чанковузда куй ижро этиш оммалашган.

Тошкент атрофида бир вақтлар кўпроқ халқ қўшиқлари липопча ва чолғулар жўрлигида ижро этилиши удум бўлган. Айниқса, уч соз: танбур, дутор ва доира жўрлигида яккахон ёки бир неча хонанда жўровоз қўшиқ ижро этиши кузатилади.

Халқ қўшиқлари, биринчидан, халқ қўшиқчилик санъати ўзининг бадий-ғоявий шакли билан маданий-оммавий тадбирлар савиясини ўстиришга ёрдам беради, иккинчидан, ўтмиш аждодларнинг моддий дунёга нисбатан барқарор қарашларини баён этишда муҳим роль ўйнайди, учинчидан, халқимизнинг миллий турмуш тарзини кейинги авлодларга етказиб берувчи восита сифатида катта аҳамият касб этади.

УЗБЕКСКОЕ НАРОДНОЕ ПЕСНОПЕНИЕ

UZBEK FOLK SINGING

Народная песня в краткой, символической форме может передать внутренний мир человека. Не без основания в народе песню называли «дил таржимони» - «переводчик души».

Простая по исполнению, но глубокая по содержанию песня оказывает влияние на формирование личности, художественно отражая реалии жизни.

A folk song can convey the inner world of a man in a brief symbolic form. Not without reason the song is publicly known as «did tarzhimoni» - «an interpreter of a soul».

Easy to perform but deep with content, the song had influence on formation of the personality artistically reflecting the realities of life.

Vocal art is one of the most ancient poetic forms of folk art. The song has always been accompanying a man. These were ritual,

Песенное искусство – одно из самых древних поэтических форм народного творчества. Песня сопровождала человека всегда, это были обрядовые песни, календарные, бытовые. Подобно другим фольклорным жанрам, песня не требует особых данных от исполнителя, поется в различных условиях – во время работы, в радостные и скорбные дни и пр.

Широко распространенные виды песен, это: «Ёр-ёр», «Улан», «Лапар», «Лирик терма», «Байт-газал», «Келин салом», «Алла», «Ё рамазон», «Сус хотин», «Халфа кушиги». Песни, дошедшие до нас с древнейших времен – «Бекасам тунлар кийиб», «Хон зулми», «Вах, вах, турам» «Омон ёр», «Ёр-ёр», «Танавор», «Вохай бола», «Хилила ёр», «Золим хоким» а также созданные в последующие годы – «Туйлар муборак», «Мехрибонлар хормангиз», «Дустлик кушиги», «Кизлар кушиги», «Чаманда гул», «Ой бустон», «Тукувчи киз кушиги» стали поистине духовным богатством народа. Еще одна особенность народных песен заключается в том, что их тематика не устаревает, более того, способствует формированию мировоззрения человека в соответствии с временем и обществом, в котором он живет.

В последние годы возросло внимание к песенному искусству и принят ряд постановлений о развитии этого жанра. В частности, проведение республиканского смотра-конкурса «Узбекистон ватаним маним», множество других конкурсов и смотров способствуют развитию песенного искусства. В большинстве народных песен повествуется об оптимизме, уверенности в будущем. Возвышенность духа в песнях, отображение народной философии приумножают их красоту. Песни присущи поэтический повтор, уподобления, остроты и намеки, завершенность образов, соотношение категорий, звучность рифмы.

Народ с древнейших времен вкладывал в песни идею любви к природе.

В каждой области Узбекистана свои традиции, свой стиль исполнения народных песен. Например, в Ферганской долине широко распространен стиль «Катта ашула», когда сольные или хоровые песни исполняются без музыкального сопровождения. А женщины исполняют песни, лапары, яллы в сопровождении звуков дойры.

В Бухаре популярны народные песни мавриги – зажигающие сольные или хоровые песни.

В Хорезме популярен стиль «халфачилик», «достончилик» и «айтишув». Песни исполняются сольно или хором под аккомпанемент дойры, гармони и тара (струнно-ударного музыкального инструмента) или же без музыкального сопровождения.

В Сурханском оазисе очень популярно традиционное пение, пение бахши или исполнение мелодий на чанковузе.

В Ташкенте в свое время исполняли народные песни при помощи тарелочки и в сопровождении музыкальных инструментов. Чаще всего сольное или хоровое пение нескольких певцов сопровождалось исполнением музыки на трех инструментах – танбуре, дутаре и дойре.

Народные песни своим идейно-художественным содержанием способствуют повышению уровня культурно-массовых мероприятий, патриотическим – влияют на взгляды поколений о материальном мире, фольклорные песни передают будущим поколениям традиции и образ жизни народа.

celebratory, and everyday songs. Like other folk genres, the song does not require specific qualities from the artist, it is sung in different conditions – at work, on joyful and sorrowful days, etc.

Widespread kinds of songs are: «Yor-Yor», «Ulan», «Lapar», «Lyric terma», «Biyt-gazal» «Kelin salom», «Alla», «Yo Ramazon», «Sus khotin», «Khalfa kushigi». The songs «Bekasam tunlar kiyib», «Khon zulmi», «Wah, wah, turam», «Omon Yor», «Yor-Yor», «Tanavor», «Vokhai bola», «Hilila yor», «Zolim khokim» that have reached us from ancient times, as well as created in the following years – «Tuylar Muborak», «Mehribonlar hormangiz», «Dustlik kushigi», «Kkizlar kushigi», «Chamanda gul», «Oi Buston», «Tukuvchi kiz kushigi» became truly spiritual wealth of the nation. Another feature of folk songs lies in the fact that their subject is not obsolete, in fact, it promotes formation of a person's world in accordance with the time and society in which he lives.

In recent years, attention to the singing art has increased and a number of decisions on development of this genre was adopted. In particular, holding of the republican competition «Uzbekistan vatanim manim», as many other competitions and parades contribute to development of song art. Most of the folk songs narrate about optimism, confidence in the future. Loftiness of spirit in songs and reflection of the folk philosophy magnify their beauty. Poetic repetition, assimilation, severity and hints, completeness of images, relation of categories and rhyme sonority are inherent to the songs.

Since ancient times, people put the idea of love to nature into the songs.

Each region of Uzbekistan has its own traditions, its own style of performance of folk songs. For example, in the Fergana Valley there is widely spread the singing style «Katta ashula» when the solo or choral songs are performed without musical accompaniment. And women sing songs, lapar, yala accompanied by sounds of the doira.

In Bukhara, there are popular folk songs mavrigi – incendiary solo or choral songs.

In Khorezm the popular styles are «halfachilik», «dostonchilik» and «aytishuv». Songs are performed in solo or in chorus with the accompaniment of the doira, harmonica and tar (a string-percussion musical instrument) or without musical accompaniment at all.

Traditional singing, singing of bakhshi or performance of melodies on chankovuz are very popular in the Surkhan oasis.

In Tashkent, once there were sung the folk songs with plates and accompanied by musical instruments. Mostly, the solo or choral singing of several singers were accompanied by performance of music on three instruments – tanbur, dutar and doira.

Folk songs with their ideological and artistic content improve the standards of cultural events and patriotically affect the attitudes of generations of the material world. Folk songs convey the traditions and lifestyles of the people to the future generations.

НОН БИЛАН БОҒЛИҚ АНЪАНАЛАР

Мавлуда ФАЙЗУЛЛАЕВА

Халкимизнинг: «Уйингда бошқа таом бўлмаса бўлмасин, бироқ бир бурда ноннинг бўлсин», деган ҳикматиға кўра Сурхон воҳасида ҳам қадим замонлардан бери нон энг улугъ неъмат сифатида эъзозлаб келинади. Нон эъзозини икки ёшнинг фотиҳа тўйида нонни жуфт қилиб синдиришларида ҳам кўриш мумкин. Нон мўътабар неъмат сифатида узок сафарға чиққанда олиб юрилган, оналар ўғлини ҳарбий хизматға жўнатаётганда ризк-насибаси узилмасин, ёш болаларни суннат қилдираётганда эса серфарзанд, сердавлат бўлсин деб, албатта, нон тишлатиб, уйнинг тўрига илиб қўйилган. Нон тотувлик, иноқлик белгиси эканлигини одамлар орасида низо, келишмовчилик ва ишончсизлик содир бўлганда нонни ўртаға қўйиб яраштириш ва онг ичишлар бўлганда кузатилади.

Воҳада *кўтқан нон*, *ширмай нон*, *кунжутли нон*, *эсиззали нон*, *қайирманон*, *седанали нон*, *товатош нон*, *кўмач нон*, *тиёзли нон*, *қадилли нон*, *патир*, *қаттипатир*, *қуруқ патир* (*тош патир*, *кўр патир*), *сутли патир*, *эсиззали* (*эсиззиқли*) *патир*, *қайма патир*, *кўк патир*, *қозон патир*, *қотирма*, *қатламма* каби кўшлаб нон турлари тайёрланган. Шунингдек, воҳада жўхори унидан *зогора нон*, арпа унидан *арпа нон*, тарик унидан *тариқ нон*, *тариқ зогора* ҳамда қурғоқчилик келган йилларда кепакдан *кепак нон* истеъмол қилишган.

Нон асосан тўрт хил усулда: тандирда, товатошда, қозонда, чўғ (кўр)ға кўмиб ёпилган. Чўғ (кўр)ға кўмиб ёпилган нонлар тожикларда *нони оштонни*, *нони табазни*, *нони дегни*, *нони кўмма* деб аталган.

Ноннинг сифатли чиқиши кўп жиҳатдан хамиртурушға боғлиқ бўлганлиги учун ирим-сиримларға қатъий амал қилинган. Нон «гуллаб» қолади деб, хамиртуруш устидан мушук сакраб ўтишидан ёки куёш нури тушишидан эҳтиёт қилинган. Хамиртурушни ивитиш пайтида ҳам хамир

қориладиган идиш атрофидан «эминг-диминг шу бўлсин», деб уч марта айлантириб олинган. Хамирнинг ошишиға қараб, хамир муштлаган аёлға баҳо берилган. Халқ орасида: «Кўнгли қора, кўли оғир аёлнинг хаамири тезда кўпчимаиди, кўнгли тоза, кўли енгил аёлнинг хаамири тезда кўпчиди», деган нақл юради. Воҳа қорвадорларида узатилаётган кизнинг белиға «хамирдай етилиб, ўзингдан кўпайгин», деб хамиртурушдан бир парча боғлаб юбориш одати ҳозиргача сақланиб қолган.

Хамирни қоришдан бошлаб, тандирға ёпиб олгунча турли хил удумларға амал қилинган. Одатда хамир супра ёйилиб, қорсан (катта) товоқда қорилган. Хамирдан зувалалар қилиш учун пичок ишлатилмасдан кўл билан узилган.

Ноннинг ризқ-рўз сифатида ниҳоятда эъзозланишини фотиҳа тўйларидаги «нон синдириш» маросимида ҳам кўриш мумкин. Ушбу удум ҳар икки томоннинг қариндошчилик рамзи ҳамда серпуштглилик ғояси билан боғлиқ бўлиб, бу қадим анъана ҳалигача давом этиб келади. Бешиқ тўйи маросимида бешиққа беланаётган чақалок онасига «нон куч-қувватинг бўлсин, насибанг қўша-қўша бўлсин», деган ниятда бир жуфт нон тишлатишган. Бешиқ бошиға ҳам бир жуфт қулча қўйишган.

Нонға ҳосилдорлик рамзи сифатида ҳам қаралган. Йил боши Наврўзда ва экин-тикин билан боғлиқ маросимларда турли хилдаги нонлар пиширилган.

Воҳада қадимдан анъана сифатида тайёрлаб қилинадиган нонлардан бири *қайирма*дир. Қайирмани фарзанд кўрган аёллар «чилла»си чиққунча истеъмол қилишган. Қайирма нонни тайёрлаш учун бир зувалани етти бўлиб ясаб, яна зувала қилиб, бу холини етти мартагача қайтаришгач, сўнг ёпишган.

Нонларни тандирда ёки қозонда пиширишдан ташқари, «товатош»да ҳам пиширилганлар. Одатда, товатошда пиширилган нонлар ўн кун турса ҳам қотмаган. Иккинчидан, ноннинг иккала томони ҳам бир хил кўринишда бўлиб, унинг ўнг томони фақат бош бармоқнинг қолган излари орқалигина билини турган. Товатош нон воҳанинг Бойсун туманининг Шўроб, Чилонзор, Шеробод туманининг Хомкон қишлоқларида ҳозиргача тайёрланади.

Қорвадор аҳолининг кундалик нонларидан бири бугунги кунда унутилиб кетган *кўмоч* (*кўмма*) бўлган. Унинг сувда, сугда қорилган турлари бўлиб, чўғ кўриға кўмиб пиширилган. Кўшчинор ва Вахшивор қишлоқларида кўмочни *гунди нон* деб аташган. Қадимги халқ эпоси «Алпомиш» достонида ҳам кўмоч ҳақида маълумотлар учрайди, демак, аждодларимиз қадимдан бу нон турини тайёрлаб келган.

Хуллас, халкимиз орасида энг муқаддас ва улугъ таом сифатида эъзозлаб келинган нон билан боғлиқ турли хил урф-одат ва анъаналарнинг аҳоли ҳаётидан чуқур жой олганлигини кўриш мумкин.

ТРАДИЦИИ ВЫПЕЧКИ ХЛЕБА

С древних времен в Сурханском оазисе хлеб почитали в качестве великого дара и во все времена там бытовала народная поговорка «пусть всегда в доме будет кусок хлеба». Хлеб рассматривали и как знак дружбы и согласия, когда между людьми возникали конфликты, недоверие и разногласия, при хлебе проводились перемирия и давались клятвы. Насколько был почитаем хлеб можно проследить и по обряду бракосочетания, при котором одновременно ломали две хлебные лепешки. Хлеб в качестве оберега от различных бед и напастей носили с собой во время дальних путешествий и поездок, матери давали сыновьям надкусить лепешку

BREAD BAKING TRADITIONS

Since ancient times in Surhan oasis bread was esteemed as a great gift and there always was a national saying «let a piece of bread always be in a house». Bread also was considered as a sign of friendship and consent; and when between people there were conflicts, mistrust and disagreements, armistices were spent and oaths were given with bread. We can consider how much it was esteemed according to wedding ceremonies where two grain flat cakes are simultaneously broken. Bread as amulet protecting from various troubles and misfortunes was carried with oneself during distant travel and trips, mothers allowed

перед отправлением сыновей на воинскую службу, чтобы они живыми и невредимыми возвратились домой, во время проведения обряда «суннат туйи», чтобы они были богатыми и имели много детей, а потом подвешивали эти лепешки на стену в комнате.

В оазисе выпекали хлеб различных видов — *купкан*, *ширмай* (сдобная лепешка из муки высшего сорта с примесью гороховой муки и аниса), *жиззали* (хлеб со шкварками), *кайирма*, *седанали* (хлеб с семенами чернушки), *товатош*, *кумач* (лепешки, испеченные в горячей золе), *пиезли* (лепешки с луком), *кадили*, *патир* (лепешки из пресного теста с примесью сала и молока), *катпатир* (то же, только слоеное), *курук патир* (тош патир, кур патир) (без примеси сала и молока), *сутли патир* (лепешки на молоке), *жиззали патир* (такие же лепешки со шкварками), *кийма патир* (лепешки с мясным фаршем), *кук патир* (лепешки с зеленью), *козон патир*, *котирма*, *катлама* и др. Также в оазисе выпекали хлеб из кукурузной муки (*зогора нон*), из ячменной муки (*арпа нон*), из просяной муки (*тарик нон*), из смеси просяной и кукурузной муки, а в трудные годы хлеб пекли из отрубей (*кепак нон*).

Хлеб выпекали четырьмя способами: в тандыре, на сковороде, в котле, в золе. Выпекаемый в золе хлеб у таджиков назывался — *нони оштони*, *нони табагин*, *нони дегин*, *нони кума*.

Качество хлеба во многом зависело от качества дрожжей, поэтому все твердо соблюдали связанные с закваской приметы. Например, нельзя было допускать, чтобы через закваску прыгнула кошка, или на нее попадали прямые солнечные лучи, так как из-за этого лепешки могли подгореть или впоследствии заплесневеть. Во время замачивания закваски со словами «эминг-диминг шу булсин» ею совершали три круговых движения вокруг посуды, в которой замешивалось тесто. Люди верили преданию о том, что у женщин с чистой душой и легкой рукой тесто поднимается быстро, и плохо поднимается у неумелых, злых женщин. До нынешних времен дошел бытовавший среди животноводов обряд — невестам перед бракосочетанием в пояс клали кусок закваски «чтобы она была, словно поднятое тесто и у нее были дети».

Различные обряды совершались в течение всего процесса приготовления хлеба — от замешивания теста до его выпечки. Как правило, расстилалась супра (скатерть для просеивания муки) и тесто замешивалось в большой посуде. После замешивания теста, женщины, не вымыв рук, не могли заниматься другими делами, это считалось «трехом». Тесто делилось на куски без употребления ножа, считалось, что если тесто режется ножом, то урезается достаток (можно стать обездоленным).

Насколько хлеб почитался самым большим даром можно судить по обряду «разламывания лепешки» во время церемонии помолвки. Этот обряд, существующий с древних времен и уже ставший традиционным, связан с идеей продолжения рода и является символом вступления двух сторон в родственные отношения. Во время церемонии «бешик тоя» матери младенца давали надкусить пару лепешек, чтобы «хлеб придал ей силы и достаток». Пару маленьких «кумач» клали и в изголовье бешика.

Хлеб рассматривался и в качестве символа урожайности. В начале года (в период Навруза) во время посева пекли лепешки разнообразных видов.

Традиционно в этом оазисе пекли хлеб «кайирма». Этот вид хлеба ели родившие ребенка женщины в течение всего периода «чилла» (сорока дней после родов). Для того, чтобы приготовить этот хлеб, кусок теста делили на семь частей, затем их скатывали, этот процесс повторялся семь раз, и только потом приступали к выпечке, таким образом хлеб из хорошо вымешанного теста способствовал вскармливанию ребенка, еще не адаптировавшегося к внешней среде.

Кроме тандыров и котлов, хлеб выпекали и в «товатош»ах (сковородах). Как правило, такой хлеб, сохранял свежесть в течение десяти дней и был очень вкусным. Обе стороны хлеба были одинаковыми, только на правой оставался след от большого пальца. До нынешних времен хлеб по этому методу выпекают в кишлаках Шуроб, Чилонзор Байсунского района и кишлаке Хомкон Шерабадского района.

Среди населения, занимающегося животноводством, выпекали ныне забытый хлеб «кумоч» («кума»). Тесто замешивали на воде или на молоке, выпекали в золе. В кишлаках Кушчинор и Вахшивор этот хлеб называли «гунди нон», таджики — «нони кумоч». Сведения о хлебе «кумоч» встречаются в народном эпосе «Алпамыш», следовательно можно утверждать, что наши предки использовали подобный способ выпечки хлеба. У памирских таджиков в каждой семье в Навруз выпекали «кумоч» больших размеров из замешанного на молоке теста, с пожеланиями богатого урожая в новом году.

Обряды, обычаи и традиции связанные с хлебом, который среди народа почитался священным и великим достоянием, занимают важное место в жизни народа.

sons to take a bite of a flat cake before departure to military service that they come back home alive and safe; and during circumcision ceremony in order they were rich and had many children, and then hanged these flat cakes on a wall in the honour part of a room.

In the oasis bread of various kinds was baked, such as *kupkan*, *shirmaj* (fancy pastry flat cake of premium flour with an impurity of pea flour and anise), *zhizzali* (bread with cracklings), *kajirma*, *sedanali* (bread with seeds fennelflower), *tovatosh*, *kumach* (flat cakes baked in hot ashes), *piyozli* (flat cakes with onions), *kadili*, *patir* (flat cakes from fresh dough with impurity of bacon and milk), *katpatir* (the same, but with puff paste), *kuruk patir* (tosh patir, kur patir) (without bacon and milk), *sutli patir* (flat cakes with milk), *zhizzali patir* (the same flat cakes with cracklings), *kijma patir* (flat cakes with a mincemeat), *kuk patir* (flat cakes with greens), *kozon patir*, *kotirma*, *katlama*, etc. Also in the oasis there were baked such bread as from corn flour (*zogora non*), from barley flour (*arpa non*), from millet flours (*tarik non*), from mix of millet and corn flour, and in lean years bread was baked from bran (*kepak non*).

Bread was baked in four ways: in tandyr, on a frying pan, in a cattle, in ashes. Bread baked in ashes Tadjiks called as - *noni oshtoni*, *noni tabagin*, *noni degin*, *noni kuma*.

Quality of bread in many respects depended on quality of yeast, therefore everybody strictly observed appropriate omens. For example, it wasn't let a cat jump over leaven, or sunlight get it directly, because it could result its burn or subsequently grow mouldy. During soaking of leaven with words «эминг-диминг шу булсин» they made three circular movements by it around of utensils in which dough was kneaded. People believed the legend that dough prepared by women with pure soul and light hand grew quickly, and prepared by inept and malicious women it grew badly. Cattle breeders still have a ceremony in which a piece of leaven was put to the belt of brides before wedding with wishes «that she looks like lifted dough and had many children».

During all process of preparation of bread various ceremonies were made - from kneading of dough up to its baking. As a rule, it was lied a supra (a cloth for flour sifting) and dough was kneaded in big utensils. After kneading women shouldn't do anything without washing of hands, it was considered as a «sin». The dough was divided on pieces without a knife, considered, that if dough is knifed, prosperity was cut down (one could become unfortunate).

We can consider how bread was esteemed as a greatest gift observing the ceremony of «dividing of flat cakes» during betrothal ceremony. This ceremony which exists since ancient times and has already become traditional is connected with idea of continuation of a kin and is a symbol of originating of two parties' relationship. During «beshik toj» ceremony mother of a baby was allowed to take a bite of a pair flat cakes that «bread would give her force and prosperity». Pair small «*kulchas*» was put to a headboard of beshik (cradle).

Bread was considered as a symbol of productivity too. At the beginning of a year during crop (Navruz) various kinds of flat cakes were baked.

Traditionally in this oasis «*kajirma*» bread was baked. This kind of bread was eaten by women recently confined during all period of «chilla» (forty days after childbirth). For preparing this bread, a piece of dough was divided into seven parts, then they were rolled out; this process was repeated seven times, and only then baking was started; thus bread from good kneaded dough promoted feeding of a child who was not adapted yet to an environment.

Besides tandyr and kettles, bread was baked in «*tovatosh*» (frying pans) too. As a rule, such bread baked in a frying pan, kept freshness within ten days and was very tasty. Both sides of bread were identical, only on the right side there was a trace of a thumb. Till present time this method is used such kishlaks as Shurob, Chilonzor of Bajsun region and Homkon of Sherabad region.

Among those, who are engaged in animal husbandry, «*kumoch*» bread («*kuma*») which is forgotten nowadays is still baked. Dough was kneaded by water or milk and baked in ashes. This bread was named as «*gundi non*» in Kushchinor and Vahshivor kishlaks, Tadjiks called as «*noni kumoch*». Data about «*kumoch*» bread are met in «*Alpamysh*» national epics; hence it is possible to affirm that our ancestors used a similar way of bread baking. In each family of Pamir Tadjiks during Navruz they baked big sized «*kumoch*»s kneaded with milk and wished rich crop in a new year.

Ceremonies, customs and traditions connected with bread esteemed in people as the most sacred and great property, take the important place in the life of people.

ИЗ ИСТОРИИ МАРГИЛАНА

В 1876 г., когда Российская империя захватила и ликвидирована Кокандское ханство, Маргилан — центр Маргиланского бекства, был введен в состав Ферганской области Туркестанского генерал-губернаторства.

С этого времени Маргилан утратил статус административного центра. Центр уезда переместился на 12 км и назывался Новый Маргилан, Скобелев. А старый Маргилан, несмотря на утрату административного статуса, сохранил свое социально-экономическое значение.

Маргилан издревле известен как центр торговли, ремесленничества и культуры, здесь занимались шелководством, изготовлением тюбетеек.

В начале прошлого века активно развивались торговые отношения между Маргиланом и Кашгаром. Товары из Кашгара завозились на рынки Ферганской области, затем развозились по территории всего Туркестана. Производившиеся в Маргилане шелковые ткани пользовались большим спросом в России, Индии, Иране и в Европе. Предприниматели вносили весомый вклад в решение социально-экономических проблем города. Они выделяли значительные средства на развитие и благоустройство города. В работе «Тарихи Азизий» Мухаммада Азиза Маргилони, работавшего в тот период в управлении Маргиланского уезда, приводятся конкретные сведения о состоянии города в этот период.

В 1918г. Маргилан считался центром Маргиланского уезда, в нем действовал орган уездно-городского управления. Из года в год увеличивалось население города. В 1914 г. численность населения составляла 46.613 чел. в 1917г. — 49.319, а в 1919 г. — 51.000 тыс.чел. В 1921г. население города обслуживали 15-местная больница, 25-местная детская больница и амбулатория.

В 1917-1920 гг. в трудные годы Туркестане в Маргилане были организованы 4 бесплатных центра питания для малолетних детей, 2 — для взрослых и один детский дом.

Администрация Маргилана мало уделяла внимания развитию системы образования. Городские медресе действовали за счет поступающих вакуфных средств. В 1913 г. в Маргилане было 38 медресе. Помимо этого действовали школы для мальчиков и девочек. В 1908 г. в городских школах обучались 1245 мальчиков и 330 девочек.

После революционных событий 1917 г. в России, жители Маргилана принимали активное участие в социально-политических процессах в Туркестане, в т.ч. в чрезвычайном 4 курултае мусульман Туркестанского края, который состоялся 9-11 декабря 1917 г. в Коканде, и поддержали создание Туркестанского правления. 28 ноября 1917 г. было сформировано правительство Туркестанской автономии в составе 8 членов Временного совета Туркестана. Среди избранных на курултае 38 членов Национального Мажлиса были представители Маргилана — Обиджон Махмудов, Миродим Мирзаахмедов, Собиржон Юсупов.

Как и во многих городах Туркестана, в Маргилане состоялось тысячные демонстрации в поддержку автономии. Но большевики как опасную угрозу восприняли создание Туркестанской автономии. Весной 1918 г. по всей территории Ферганской долины началось движение за национальную независимость, в рядах которого были тысячи маргиланцев. Вооруженными действиями в уезде руководил начальник Маргиланской милиции Мухаммад Аминбек Ахмадбек углы Мадаминбек (1892-1920).

Сформированные под его руководством отряды осенью 1918 г. освободили Маргилан от большевиков. Но большевики вновь атаковали и заняли Маргилан. В 1919 г. Мадаминбек освободил от большевиков несколько городов, среди которых — Маргилан, Ош, Андижан. До 1924 г. Маргилан был одним из важнейших очагов борьбы против советской власти. К концу 1924 г. в Маргилане и в целом по всей Ферганской области была установлена власть большевиков.

Социально-экономические и политические преобразования, происходившие в начале XX в., отразились и на жизни Маргилана. В условиях экономической зависимости и политического бесправия население Маргилана не могло полностью использовать свой потенциал, но, тем не менее, проявляя свои лучшие качества — трудолюбие и гуманизм, сохранило национальную культуру и ценности.

МАРФИЛОН ШАХРИ ТАРИХИДАН

Улуғбек МАНСУРОВ

Марфилон шаҳри тарихида XIX асрда юз берган муҳим ўзгаришлардан бири 1876 йили Қўқон хонлигининг Россия империяси томонидан босиб олинishi ва тугатилиши билан боғлиқ. Қўқон хонлиги тугатилиб, Марфилон беклигининг маркази бўлган Марфилон шаҳри Туркистон генерал-губернаторлигига қарашли Фарғона вилоятининг таркибига киритилди.

Шу даврдан бошлаб Марфилон шаҳри ўзининг маъмурий марказ макomini йўқотди. Уезднинг маркази Марфилондан 12 км масофада жойлашди ва у Янги Марфилон деб атала бошлади. 1907 йилдан эса Янги Марфилон шаҳри Скобелев деб юритила бошлади. Эски Марфилон шаҳри ўз маъмурий макomini йўқотишига қарамай, ижтимоий-иқтисодий мавқени сақлаб қолди.

Тарихдан маълумки, азалдан савдо, хунармандчилик ва маданият маркази бўлган Марфилоннинг аҳолиси бу даврда ипакчилик, дўппидўзлик ва савдо-сотик билан шуғулланган.

Марфилон шаҳри ўтган асрларда бўлганидек, бу даврда ҳам Кошғарбилан савдо муносабатларида муҳим ўрин тутган. Кошғардан олиб келинган моллар Фарғона вилояти бозорларига келиб тушган ва шу ердан бутун Туркистонга тарқалган. Марфилонда ипакчилик ривожланган бўлиб, ипак матоларга Россия, Ҳиндистон, Эрон ва Европа давлатларида ҳам эhtiёк юқори даражада эди. Шаҳардаги ижтимоий-иқтисодий муаммоларни ҳал этишда тadbиркор ва нуфузли сармоядорларнинг саховати муҳим ўрин тутган. Улар шаҳар тараққиети ва ободончилик ишларига катта маблағ ажратилган. Ўша даврда Марфилон уезди бошқармасида фаолият юритган Мухаммад Азиз Марфилоний «Тарихи Азизий» номли асарига марфилонлик 15 та савдогар ва шаҳарнинг бошқа нуфузли кишилари тўғрисида маълумот берган.

Марфилон шаҳри 1918 йилда Марфилон уездининг маркази хисобланиб, унда уезд-шаҳар бошқарув органлари фаолият юритган. Марфилон шаҳри аҳолиси йил сайин ўсиб борган. Унинг сони 1914 йилда 46.613 кишини, 1917 йилда 49.319 кишини,

FROM THE HISTORY OF MARGILAN

In 1876, when the Russian empire invaded and eliminated the Kokand Khanate, Margilan – the Center of the Margilan bek-land, became a part of the Fergana Oblast of the Turkestan general-governorship.

Since that time on Margilan has lost its status of the administrative center. The County Center moved 12 miles away and was called New Margilan, Skobelev. And old Margilan, despite the loss of its administrative status, retained its socio-economic importance.

Margilan was known since olden days as a center of trade, crafts and culture, silk-production and manufacture of tubeteikas flourished here.

Trade relations between Margilan and Kashgar actively developed in the early 20th century. Products were exported from Kashgar to the markets of the Fergana region, and then distributed to the entire territory of Turkistan. Silk fabrics produced in Margilan were in great demand in Russia, India, Iran and Europe. Entrepreneurs made significant contribution to regulation of the socio-economic problems of the city. They allocated significant resources to development and improvement of the city. The book «Tarikhi Aziziy» by Mukhammad Aziz Margiloniy, who worked in that period in the management of the Margilan county, presents specific information about the state of the city during this period.

In 1918 Margilan was considered as the center of the Margilan county, there operated the county-city authority control. The city population increased from year to year. In 1914 the population was 46,613 people, in 1917 - 49,319 people, and in 1919 - 51,000 people. In 1921, a 15-bedded hospital, a 25-bedded children's hospital and a clinic were serving the population of the city.

In 1917-1920 during the hard years of famine in Turkestan, 4 free nutrition centers for young children, 2 – for adults and one orphanage were established in Margilan.

The Margilan Administration paid little attention to development of the education system. The town medrese operated thanks to the Endowment funds. In 1913, Margilan had 38 medrese. Besides, there were acting schools for boys and girls. In 1908, 1245 boys and 330 girls were studying in those urban schools.

After the revolutionary events in 1917 in Russia, the inhabitants of Margilan actively participated in the socio-political processes in Turkestan, including the 4th extraordinary kurultai of the Muslims of the Turkestan land which was held in December 9-11, 1917 in Kokand, and they also supported the establishment of the Turkestan government. The Government of the Turkestan autonomy, consisting of 8 members of the Provisional Council of Turkistan, was formed in November 28, 1917. Among the 38 members of the National Majlis elected during the kurultai there were the representatives from Marghilan - Obidjon Makhmudov, Mirodim Mirzaakhmedov, Sobirjon Yusupov.

Thousand-people demonstrations supporting the autonomy were held in Margilan, as in many other cities of Turkestan. But the Bolsheviks accepted the creation of the Turkestan autonomy as a dangerous threat. The movement for national independence consisting, among the others, of thousands Margilan-inhabitants started all over the Fergana Valley in the spring of 1918. The Chief of the Margilan Police, Mukhammad Aminbek Akhmadbek ougly Madaminbek (1892-1920), headed the armed actions in the county. In autumn of 1918 the army units formed under his leadership freed Margilan from the Bolsheviks. But the Bolsheviks again attacked and occupied Margilan. In 1919 Madaminbek freed from the Bolsheviks several cities, among them there were Margilan, Osh and Andijan. Margilan was one of the most important centers of struggle against the Soviet rule until 1924. By the end of 1924 the Bolshevik government held the entire power in Margilan and almost all over the Fergana region.

The socio-economic and political reforms that occurred in the early 20th century were also reflected on the life of Margilan. In terms of economic dependence and political powerlessness, the Margilan population could not reach its full potential, but, nevertheless, showing their best qualities – diligence and humanity, they preserved their national culture and values.

1919 йилда эса 51.000 кишини ташкил этган. Марғилон шаҳри аҳолиси учун 1921 йилда 15 ўринли касалхона, 25 ўринли болалар шифохонаси ва амбулатория хизмат қилган.

1917-1920 йилларда Туркистон ўлкасига вабодек ёрилган очлик балосидан халқ оммаси, жумладан, Марғилон шаҳри аҳолиси ҳам жабр кўрган. Архив ҳужжатларида қайд этилишича, 1922 йил бошларида Марғилон шаҳрида ёш болалар учун 4 та, катталар учун 2 та бепул овқатланиш маркази ва битта «болалар уйи» ташкил этилган.

Марғилонда таълим тизимига маъмурият, умуман, эътибор бермаган. Шаҳарда мавжуд мадрасалар вақф мулкларидан тушган даромад ҳисобидан фаолият юритган. 1913 йилда Марғилонда 38 та мадраса бўлган. Бундан ташқари, шаҳарда ўғил ва қиз болалар мактаблари фаолият кўрсатган. 1908 йилда шаҳар мактабларида 1245 та ўғил бола ва 330 та қиз бола таълим олган.

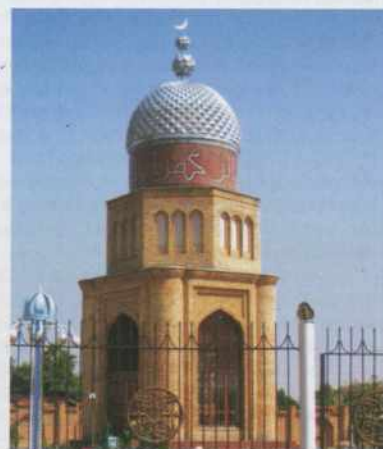
Россияда амалга оширилган Февраль инқилоби (1917) ва Октябрь тўнтариши (1917) Марғилон шаҳрига ҳам ўз таъсирини ўтказган. Марғилон шаҳри аҳолиси Туркистонда совет ҳокимияти ўрнатилганидан кейин содир бўлган ижтимоий-сиёсий жараёнларда фаол қатнашган. Марғилон аҳолиси вакиллари 1917 йил 9-11 декабрда Қўқон шаҳрида бўлиб ўтган Туркистон ўлкаси мусулмонларининг фавқуллода 4-қурултойида иштирок этиб, Туркистон ҳукуматини тузишни қўллаб-қувватлаганлар. 1917 йил 28 ноябрда Туркистон Муваққат кенгашининг 8 нафар аъзосидан иборат таркибда Туркистон Мухторияти ҳукумати тузилган. Қурултойда сайланган 32 кишидан иборат Миллий мажлис таркибда Обиджон Махмудов, Мiroдим Мирзаахмедов, Собиржон Юсупов каби Марғилон вакиллари ҳам бўлган.

Туркистон ўлкасининг турли шаҳарларида бўлгани каби, Марғилонда ҳам Мухториятни олқишлаб кўп минг кишилик намоёнлар бўлиб ўтган. Бироқ большевиклар Туркистон Мухторияти ҳукуматига қатта вафв сифатида қарадилар. 1918 йил баҳорида бутун Фарғона водийсини қамраб олган миллий озодлик ҳаракати сафларида минглаб марғилонлик йигитлар ҳам бўлган. Скобелев уездига қизил армияга қарши қуролли ҳаракатни Марғилон милициясининг бошлиғи Муҳаммад Аминбек Ахмадбек ўғли Мадаминбек (1892-1920) бошлаган. Мадаминбек бошчилигида тузилган қуролли отрядлар 1918 йил қузда Марғилонни большевиклардан озод қилганлар. Бироқ большевиклар Марғилонга қарши ҳужум қилиб, шаҳарни қайта эгаллаганлар. Мадаминбек 1919 йили Марғилон, Ўш ва Андижон каби бир нечта шаҳарларни большевиклардан озод қилган.

Марғилон шаҳри 1924 йилгача шўро ҳокимиятига қарши қурашнинг энг муҳим ўчоқларидан бири бўлиб келган. 1924 йил охирига келиб Марғилон ва, умуман, Фарғона водийсида большевиклар ҳокимияти барқарорлашган.

Хулоса қилиб айтганда, мустамлака ва шўро даврида мамлакатда содир бўлган ижтимоий-иқтисодий ва сиёсий ўзгаришлар Марғилон шаҳри ҳаётида

ҳам ўз аксини топган. Иқтисодий қарамлик ва сиёсий ҳуқуқсизлик шароитида Марғилон аҳолиси ўзларининг салоҳиятини тўла рўёбга чиқара олмасда, меҳнатсеварлик ҳамда эрқарварлик фазилатларини намоён этиб, мавжуд миллий маданиятлари ва қадриятларини сақлаб қолганлар.

БУХОРО АМИРЛИГИДА КИТОБАТ САНЪАТИ

Латофат ХОЛНАЗАРОВА

Бухоро амирлигида араб ёзувига асосланган китобат, унинг техника ва технологияси илмий ва махсус адабиётда яхши ўрганилган. XIX аср иккинчи ярми – XX аср бошларида котиб ва хаттотлар маҳаллий қоғозлардан кўра рус фабрика қоғозларидан кўпроқ фойдалана бошлади муносабати билан рус фабрика қоғозлари Ўрта Осиёда кенг тарқала бошлади.

Ўзбек, тожик ва араб тилларида китобларнинг кўчирлиши, безаклари ва миниатюралари, хати ва муқоваларидаги ўзига хослик, китобларнинг кенг китобхон оммасига етиб бориши, нархи арзонлиги асосий хусусият саналади. Шунинг ҳам таъкидлаш лозимки, бу даврда китобларнинг арзонлашуви уларнинг сифатини пасайишига олиб келди; унинг безаклари, тиллакорлиги, қоғози, хати ва муқовасининг сифати олдинги даврлардан анча фарқ қилади. Бухорода чарм муқовалар ўрнига лакланган картонли (кашмирий усулдаги) муқовалардан фойдаланиладиган бўлди.

Мазкур даврда қўлёзма китобларнинг ҳажми кичиклашиб, уларнинг таркиби ва маълумоти кўпайиш томонга ўзгарган. Аммо, сарой кутубхоналари учун тайёрланган қўлёзма китоблар жуда юқори сифатда бажарилган.

Бухоро амирлигида китоб санъатида иккита йўналиш бўлган: бири зодагонлар учун тайёрланадиган юқори санъат даражасидаги анъанавий китоблар, иккинчиси эса, кенг оммага мўлжалланган бўлиб, уларнинг диди ва маънавий талабларига жавоб берадиган арзон китоблар. Бу ўзгаришлар кўпинча хаттот ва котиблар, муқовасозлар, умуман, китоб санъати билан боғлиқ бўлган шахсларнинг фаолияти, талаблари, ҳаётини ва касбий мавқелари, моддий ҳавасмандликлари билан боғлиқ бўлган. Маҳоратли хаттот ва котиблар эса кўпинча буюртма олмай, ўз маънавий эҳтиёжлари ва атрофдагиларнинг талаб ва истакларига қараб, асосан, диний, халқ китоблари, дуолар, турли рисоаларни кўчириш билан машғул бўлганлар.

Шу билан бирга, Бухоро амирлигида пойтахт китобат санъати мактабидан ташқари Шарқий Бухородаги тоғли туманлар саналмиш Дарвоз ва Қалъаи хумбада ҳам шу ҳудудларга хос мактаб шаклланди. Бухородаги хаттотлар амирлик кутубхоналаридан ташқари алоҳида амалдор ва бой шахсларнинг буюртмаси асосида китоб кўчирганлар. Асардан нусха кўчириш муддати бир кеча-кундуздан бир неча йилни ташкил қилиши мумкин эди. Жумладан, «Мухтасар ул-викоя»ни кози Ҳидоятуллоҳ амир Ҳайдар учун

Искусство книги в Бухарском эмирате

В научной и специальной литературе подробно изучено основанное на арабской графике книгоиздание. Во второй половине XIX – начале XX вв. книгоиздатели и каллиграфы вместо бумаги местного производства начали использовать бумагу, завозимую из других стран, в основном из России.

Книги на узбекском, таджикском и арабском языках были каллиграфическими со обложками, наличием миниатюр. Стоили они относительно дешево, поэтому хорошо раскупались. Однако по качеству – оформлению, золотой росписи, бумаге – они уступали книгам предыдущих эпох. В Бухаре вместо кожаных переплетов стали применять лакированный картон (по кашмирскому методу).

В этот период объем рукописных книг сократился, и наметилась тенденция к их количественному увеличению. Рукописные книги, которые готовились для дворцовой библиотеки, отличались очень высоким качеством.

В книжном искусстве Бухарского эмирата два направления: книги высокого искусства для высокопоставленных лиц, и дешевые книги, рассчитанные на массового читателя, соответствующие его вкусам и требованиям. Талантливые каллиграфы, как правило, не брали заказы, а в соответствии со своими духовными потребностями в основном занимались переписью религиозных книг, различных брошюр.

Помимо школы книжного искусства в Бухарском эмирате, своеобразная школа книгоиздания была сформирована в горных районах Восточной Бухары Дарвозе и Қалъаи хумбе. Кроме книг для эмирской библиотеки бухарские каллиграфы готовили книги по заказам отдельных высокопоставленных лиц. При этом срок переписи мог продолжаться от одного дня до нескольких лет. Например, кази Хидоятуллоҳ амир Ҳайдар вместе со своими учениками за один вечер переписал «Мухтасар ул-викоя», а писарь Фозил девона 40 суток переписывал произведения Бедия «Куллиёт» и «Нукот».

Во второй половине XIX в. создавались и миниатюрные произведения, хотя их было меньше, чем в предыдущие времена. Из записей Садри Зиё, известные лица причастные к бухарской школе каллиграфии и книжного искусства. Ярким образцом бухарской школы каллиграфии и книжного искусства являются произведения, переписанные одним из известных каллиграфов Бухары Ахмадом Донишем (1827-1897). Он работал в дворцовой библиотеке и за оформление одной книги получал 100 диремов. В фонде Института востоковедения АНУз хранятся переписанные им произведения «Шоҳ ва дарвеш» (№2349), «Девон» Джамии (№9636) и другие книги из библиотеки Садри Зиё.

Во второй половине XIX – нач. XX вв. в Бухаре обложки изготавливали из картона и кожи. Из кожи овец изготавливали обложки «мешин» (красные, черные и коричневые), из козьей кожи – «сахтиён» (коричневые и бежевые), из удобной для нанесения узоров лошадиной и ослиной кожи – «сагри» и «кемухт» (черный кемухт), из сайгачьей кожи – «раг». Из кожи ослиц изготавливали особо ценные и дорогие обложки «савра» (сине-зеленая).

Картонные обложки изготавливались методом «сохта» и «рехта», по краям по методу «лабакий» отделялись кожей. В большинстве случаев такие обложки покрывали лаком – «жилди равганий». Иногда обложки обтягивали тканями (бахмалем, бекасамом, адрасом, ситцем). Самые лучшие рукописи в Бухаре украшались эмалью по серебру.

Центр обложки украшался «турунжами» в виде миндаля и других форм. Часто по обеим сторонам обложки писали имена переплетчиков и книготорговцев, дату изготовления. А иногда в турунжах ближе к лабаку наносили тесненные узоры «накши куба». Начиная со второй половины XIX в. стали появляться обложки, изготовленные по кашмирскому методу – лакированные, с изображением деревьев, плодов граната и других деревьев. В рукописях Бухары встречаются литографические и другие, подобные европейским, обложки.

Book Art in the Bukhara Emirate

Book publishing based on the Arabic script is extensively studied in the scientific and specialist literature. In the second half of the 19th – early 20th centuries the calligraphers and book publishers began to use the paper imported from other countries mainly from Russia instead of the paper of local production.

Books in the Uzbek, Tajik and Arabic languages were calligraphically performed with covers-leaves and with lots of miniatures. They were relatively cheap that's why they were easily and quickly sold out. However, their quality – design, gold paintings, paper – was poorer than the books of previous times. Bukhara instead of leather bindings started to use lacquered cardboard (in the Kashmir method).

During this period the volume of manuscripts declined, and there appeared the tendency to their quantity increase. The manuscripts prepared for the palace library differed with their very high quality.

In the book art of the Bukhara Emirate there were two directions: books of fine art for dignitaries and cheap books meant for public according to their taste and requirements. Talented calligraphers as a rule did not take orders and in accordance with their spiritual needs were mainly engaged in rewriting the religious books and various brochures.

Apart from the school of book art in the Bukhara Emirate, a unique school of book publishing was formed in the mountainous regions of Eastern Bukhara – Darvoz and Kalai Khumb. In addition to books for the Library of the Bukhara emir, the calligraphers prepared books under order of some senior officials. And the duration of copying could last from one day to several years. For example, kazi Khidoyatullokh amir Khaidar together with his students rewrote «Mukhtasar ul-vikoya» in one evening, and a copyist Fozil Devona copied the works of Bedil «Kulliet» and «Nukot» in 40 days.

In the second half of the 19th century there were also created miniature works, although there were fewer than in previous times. The records of Sadri Zia mention the people involved in the Bukhara school of calligraphy and book art. Striking examples of the Bukhara school of calligraphy and book art are the works copied by one of the famous calligraphers of Bukhara, Akhmad Donish (1827-1897). He worked in the palace library and for designing one book he would receive 100 dirhams. The fund of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan stores the books «Shokh va darvesh» (№ 2349), «Devon» Jami (№ 9636) and other books from Sadri Zia's library copied by him.

In the second half of the 19th – early 20th centuries Bukhara produced the cover-leaves from cardboard and leather. From sheep skin there were made covers «meshin» (red, black and brown), from goat skin – «sakhtiyon» (brown and beige), from horse and donkey skin suitable for applying the patterns – «sagri» and «kemuht» (black kemuht), from saigak skin – «rahg». From asses skin there were made particularly valuable and expensive cover leaves «savra» (blue-green).

Cardboard covers were made in the style «sohkta» and «rekhta», at the edges they were fobbed off with skin in the method «labaki». In most cases these covers were varnish – «zhildi ravgany». Sometimes the covers were snug with fabrics (bahmal, bekas amom, adras, chintz). The best manuscript in Bukhara were decorated with enamel on silver.

The center of the cover was decorated with «turunzh» in the form of almonds and other forms. Often the names of bookbinders and booksellers as well as the date of manufacture were written on both sides of the cover. And sometimes in turunzh closer to labak there were applied the stamping patterns «nakshi kuba». Starting from the second half of the 19th century there began to appear the covers made in the Kashmir method – lacquered with pictures of trees, pomegranates and other trees. The Bukhara manuscripts also contain the lithographic covers as well as the other ones like the European.

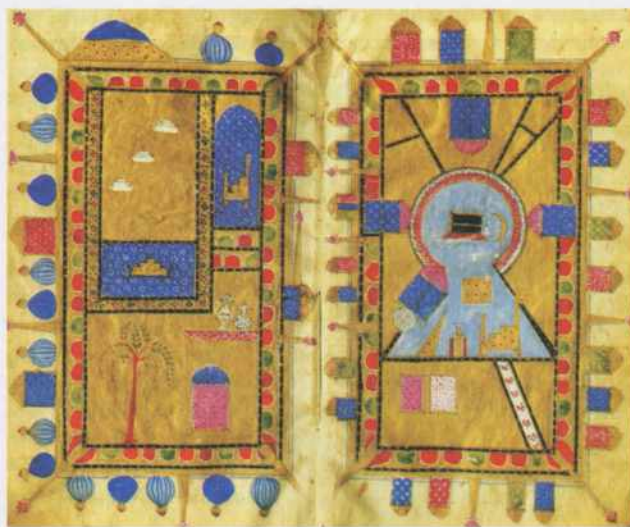
шоғирдлари билан бир кечада кўчирган, Фозил девона котиб эса, Бедилнинг «Куллиёт» ва «Нукот» асарларини 40 кечакундузда кўчириб берган. Бедил «Куллиёт»нинг бир нусхаси саккиз йил давомида кўчирилган.

XIX асрнинг иккинчи ярмида олдинги даврларга нисбатан кам бўлса ҳам, миниатюра асарлар ҳам яратилган. Ўрганилаётган даврда Бухоро хаттотлик мактаби ва китобат санъатига дахлдор шахслар хақида биз Садри Зиёнинг эсдаликлари орқали маълумот олганмиз. Бухорода энг машхур хаттот ва ижодкорлардан бири Аҳмад Дониш (1827-1897) кўчирган асарлар Бухоро хаттотлиги ва китобати мактабининг ёрқин намунасиدير. У сарой кутубхонасида ишлаб, бир китобни безатиш учун 100 дирхам хизмат хақи олган. ЎзФА Шарқшунослик институти хазинасида Аҳмад Дониш томонидан оро берилган асарлар «Шоҳ ва дарвеш» (№ 2349), Жомийнинг «Девон» (№ 9636) ва Садри Зиёнинг кутубхонаси орқали келиб тушган бошқа китоблар ҳам мавжуд.

XIX асрнинг иккинчи ярми – XX аср бошларида Бухорода муқовалар чармдан ва картондан қилинган. Шунда кўй терисидан – «мешин» (кизил, қора ва қирмизий), эчки терисидан – «сахтиён» (жигарранг, оч жигарранг), босма нақш чиқаришга қулай бўлган от ва эшак терисидан – «сағри» ва «кемухт» (қора кемухт), кийик терисидан – «раг» навли муқовалар қилинган. Кўк-яшил рангли тери «савра» ургочи эшакдан олинган ва анча қиммат нархда баҳоланган.

Картон муқовалар «сохта» ва «рехта» тарзда бажарилиб, атрофи чармдан «лабакий» қилинган. Муқоваларнинг таяқиси чармдан бўлган. Бундай муқовалар аксар ҳолларда лак билан қопланган ва «жилди равғаний» дейилган. Муқовалар баъзан турли матолар (бахмал, бекасам, адрас, чит) билан ҳам қопланган. Бухорода энг нодир қўлёзмалар сирланган қумуш билан безатилган.

Муқоваларнинг ўртаси бодом ва турли шаклдаги «турунж»лар билан безатилган. Кўпинча уларнинг икки томонида муқовасоз ва саххофлар номлари, саналари акс эттирилган. Баъзан бу турунжлар – муҳрлар ичида дуо ва яхши ниятлар ёзилган. Турунжлар атрофи лабакийга яқин жойда босма нақшлар – «нақши куба» бўлган. Бу нақшлар босим таъсирида бўлгани учун шундай номни олган. XIX асрнинг иккинчи ярмидан бошлаб Кашмир усули деб номланган, муқоваси лакланган ва устида дарахтлар, анор меваси ва бошқа наботот тасвири туширилган муқовалар пайдо бўлди. Бухорода яратилган баъзи қўлёзмаларда тошбосма ёки Европа китобларига хос муқовалар ҳам кўзга ташланади.

ХОН ЎФИЛЛАРИ ФИТНАСИ

Худоёрхоннинг энг катта душманлари каторидан жой олиб, пировардида кўп сонли аскар билан Кўконга бостириб келиб, отасини тахтдан туширган ўғли Насриддинбекка жуда меҳрибонлиги кишини ажаблантиради. 1875 йилнинг 8 августида Тошкентга чақирилиб, уч кундан сўнг фон Кауфман буйруғига кўра Оренбургга сургун қилинган Худоёрхон тутқунликда ҳам ўта бебош, меҳр-шафқат туйғусидан бутунлай бегона ўғли гами билан яшайди. Худоёрхон Оренбург сургунлигида изтироблар гирдобиди яшаётганига карамай, ўзидан тахтни тортиб олган беш кунлик хоннинг салтанатига ривож тилаб, унга оқилона йўл-йўриқлар кўрсатиб, мактублар йўллайди. Бу мактубларнинг бири хижрий 1293 йил муҳаррам ойининг 24 кунини (милодий ҳисобда 1876 йил 20 февраль кунини) форс тилида битилган бўлиб, мактуб 1890 йилда Тошкентда ташкил этилган кўрғазмада экспонат сифатида қўйилган ва «Туркистон вилоятининг газети»нинг ўша йил 3 октябрдаги 39-сониди тўла матни ва русча сўзма-сўз таржимаси чоп этилган.

Мактубда хон илгарироқ Насриддинбекдан ранжиганини, кейинроқ эса ҳақиқатни биллиб, «нури басарий» бўлиши фарзандида ҳеч бир айб йўқлигига қаноат ҳосил қилганини баён этади. Шундан сўнг у кўзи тирикчилигидаёқ фарзандини ўз ўрнига тахтга ўтказиш орузида бўлганини, лекин вазиятга кўра бу оруз кечиктирилганини айтганч, Насриддинбек тахтга чиқиши билан орузи ушалганини билдиради. Ўғлига шариятга оғинамай амал қилишни, ахли илмга ва лашкарларга алоҳида меҳрибонлик кўрсатишни, ўзига тобеъ фуқаронинг дуосини оладиган амаллар билан шуғулланишни маслаҳат беради. Афсуски, хат ёзилгандан бор-йўри беш кун аввал, яъни 1876 йил 19 февралда хонлик тугатилиб, унинг ўрнида Туркистон генерал-губернаторлиги таркибиди Фарғона вилояти ташкил этилиши хусусида Россия императори Александр IIнинг фармони ҳалойиққа эълон қилиниб бўлган эди.

Шундан кейин тахтдан туширилган Насриддинбек шитоб билан Тошкентга олиб келиниб, доимий яшаш жойи қилиб Владимир шаҳри белгиланганч, у йўл-йўлакай отасини кўриб ўтиш учун Оренбургга келади. Фарзандини кўрган хон эски гиналарни унутиб, нима бўлса ҳам эрксизликда у билан бирга яшашга, ҳасталиққа чалинган ўғлининг дардига малҳам бўлишга қарор қилади ва дарҳол Тошкентга, фон Кауфманга қуйидагича телеграмма беради: «Ўғлим менинг ҳузуримда қолишини истайман. Сиз жаноб олийлари каминига алоҳида илтифот кўрсатиб, бунга рухсат беришингизни илтижо қиламан». Лекин Туркистон генерал-губернаторига Кўкон хонининг энди кераги йўқ эди. Шу ваддан телеграммага: «Ўғлингизни Оренбургда қолдиришга рози бўлмайман. Жаноб императорнинг хоҳишларига кўра, Владимир губернияси белгилаб бўлинган», дея дағал ва қалта жавоб беради. Боз устига, бу масалада хоннинг бошқа мурожаат қилиши мумкин бўлган йўллари ҳам

узил-кесил беркитиб ташлайди. Шундан сўнг Насриддинбек Владимир сургунига жўнаб, Худоёрхон ўз жигарбандидан ажраб Оренбургда тутқун ҳолда якка-ёғиз қолади. Икки йилдан зиёдрок вақт ўтиб, 1877 йил ноябрда шаҳар маъмурларидан яширин ҳолда ҳажта йўл олган хон ўзининг чет эллардаги ҳаётига чек қўйиш мақсадида саксонинчи йилда Истанбулдан Туркистонга ва Петербургга, Россия императорига бир неча мактуб жўнатганини маълум. Подшоҳга мактубида ҳам Худоёрхон ундан ўзининг Россияга қайтиб, шу ерда яшашига рухсат беришни сўраркан, дастлаб Владимирга бориб, Насриддинбекни кўришга, ҳаста фарзандининг ёнида маълум муддат бўлишига рухсат беришни ўғлини сўрайди. Хонга Россия ичкарасидаги губерниялардан бирига келиб яшашга Александр II розилик берган бўлса ҳам, бу иш амалга ошмай қолади. 1880 йил қузида подшоҳнинг рухсати билан Тошкентга келиб истикомат қила бошлаган Насриддинбек 1882 йил 4 январда 31 ёшида вафот этади. Худоёрхон эса турли сабабларга кўра юртига қайта олмай, ўша йил ёзда Каррухда бандалиқни бажо келтиради. Ўйламай-нетмай қилган ишлари билан отаси Худоёрхонга қарши фитна кўзгаган, унинг бошига қўшдан-қўп фалокатлар келтирган, пировардида хонлик бутунлай тугатилишига сабабчи бўлганларнинг бири – Насриддинбекнинг тақдирини ана шундай фожиа яқун топди.

Худоёрхоннинг иккинчи ўғли Муҳаммад Аминбек ҳам Насриддинбек фитнасида тўрт йил чамаси кейин тоғаси бошлиқ фитначилар каторига қўшилиб, ҳатто отасини жисмонан йўқ қилишдек машғум режага рози бўлади.

Катта маслаҳатчи Вейнберг 1874 йилнинг 10 июнида Кўконда Туркистон генерал-губернаторига жўнатган анча батафсил маълумотнома бунга далилдир. Унда бундай дейилган: «Кўкондаги хон ҳокимиятининг душманлари бўлиши қипчоқлар ва қора қирғизлар шаҳар аҳолисида ва ҳатто Кўкон ҳукм фармосининг яқинлари орасидан ҳам ўзларига шериклар топишган. Хонлиқнинг турли ерларидан 50 қоғли киши жам бўлиб, уларнинг энг катта етакчиси хоннинг иккинчи ўғли Муҳаммад Аминнинг тоғаси Ботирхон Тўра экан. Улар Муҳаммад Аминни хонлик мартабасига мўлжаллашган. Фитначилар март ойининг 20-кунлари атрафида хоннинг шаҳар ташқарисига чиқиш вақтини мўлжаллаб унга ҳужум қилмоқчи бўлишган. Бироқ фитна қатнашчиларидан бири хон ҳукмронлиги ва ҳаётига қарши қаратилган бу ғаразларнинг барчасини хонга етказган. Кўкон хонининг буйруғи билан Ботирхон Тўра ва унинг шериклари дарҳол қамоққа олиниб, заңжирбанд ҳолда хоннинг ичкаридаги оромгоҳига келтирилган. Шундан сўнг уларни ҳеч ким кўрмаган, негаки улар дом-дараксиз йўқолган. Улар хон фармойишига кўра, сарой орқасидаги ботқоқ қўлга чўктириб юборилган, деб

Давоми. Боши 2009 й. 4-сонда.

тахмин қилинади. Муҳаммад Аминхон эса камаб қўйилган ва биров билан алоқа ўрнатишга ҳаққи йўқ бўлган».

Насриддинбек сингари Муҳаммад Аминбек ҳам фитнадан сўнг хон одамларининг қаттиқ назорати остига олинди, ҳар бир қадами таъқиб остида бўлганлигини маъниқ тақозо этади. Шундай бўлгач, хоннинг балоғатга етган бу икки ўғли оталарига содиқ бўлиб, унинг салтанати мустаҳкамланишига сидқидилдан хизмат қилишни ҳаёлларига ҳам келтиришмаган. Аксинча, отани тахтдан қулатиб, ўринни эгаллаш учун уларнинг ҳар бири ўзича кураш олиб борган. Насриддинбек хоннинг энг катта душманлари томонига ўтганининг эрта ёки индинида Муҳаммад Аминбек ҳам шу йўлни танлайди. Бу ҳақда генерал-лейтенант М. Терентьев қуйидагича маълумот беради: «Хон қўшунининг ярмиси (4 минг чоғли пиёдалар) Худоёрхоннинг иккинчи ўғли Муҳаммад Аминбек билан бирга кўзғолончилар томонига ўтиб кетишди». Шундай қилиб, Муҳаммад Аминбек ҳам ўз қўл остидаги кўп сонли қўшин билан душман томонида туриб, отасига қарши урушга қиради. Қўкон хонлиги тугатилиб, унинг ўрнида Туркистон генерал-губернаторлиги таркибиде Фарғона вилояти ташкил этилган дастлабки ҳафтаалардаёқ Муҳаммад Аминбек оиласи билан биргаликда Тошкентга олиб келинади. Бу хусусда «Туркистон вилоятининг газети»да 1876 йил 27 апрелда босилган «Қўкон шаҳрида Худоёрхонни зан, фарзандлари Тошкентга келди» сарлавҳаси остидаги хабарда маълумот берилган. Бу вақтда 20 ёшда бўлган Муҳаммад Аминбекка генерал-губернаторлик томонидан йилга 360 рублдан нафақа тайинланиб, 1900 йилда нафақа 1160 рублга кўпайтирилди. Муҳаммад Аминбек Тошкентнинг Кошғар маҳалласидан ичкари, ташқари ва ўрта ҳовлидан иборат ҳашаматли жой сотиб олиб, бу шаҳарда яна икки марта уйланган, уч хотини, етти ўғли, олти қизи билан умрининг охиригача, яъни 1921 йилгача истикомат қилган. Ўз ишига пухта, шароитга тез мослашувчи табиатли бу хонзода Тошкентда рус тилини ўрганиб олади. У генерал-губернатор-

ликдаги энг юқори амалдорлар билан яқин муносабат ўрнатиб, уларнинг ишончини қозонади. Ўлка сиёсий-ижтимоий ҳаётида фаол қатнашади. У «Туркистон вилоятининг газети»да «Фарғона музофоти хонлари хусусидаги воқеотлар» номли тарихий асарини эълон қилдиради. Россия императори фармонида кўра 1897 йилда унга «Потомственный дворянин» унвони берилди. 1899 йилда Муҳаммад Аминбек Туркистон генерал-губернаторлиги идорасига таржимон сифатида ишга жалб этилади ва октябрь тўнтаришигача шу лавозимда қолади. Шўролар даврида ҳам у Туркистон Реввоенсоветида ва бошқа идораларда таржимонлик билан шуғулланади. Муҳаммад Аминбек 1921 йилда Тошкентда вабо касалидан вафот этган.

Хулласи калом, юртнинг бош ҳукмдори бўлмиш Худоёрхон ўз тахтигагина эмас, балки ҳаётига ҳам қаттиқ таҳдид солган душманлари билан тил бириктирган иккала фарзандини бу қилмишлари учун шафқатсиз жазолаши лозим эди.

Хон бундай йўл тутмай, бўшқўнгиллик қилиб, уларни кечирганлиги, бир оз вақт ўтгач, унинг бошига яна қора қуилар келганида Насриддинбек билан Муҳаммад Аминбек ва, табиийки, Офтобачи падаркуш сохта Пўлатхон томонига ўтиб, Худоёрхонга қарши қаттол жанглар олиб боришларига сабаб бўлади. Натижада хон тож-тахтидангина эмас, балки ўзи учун энг қадрли она юртидан, ахлу фарзандларидан (бу вақтда унинг 13 фарзанди барҳаёт эди), вафоли, кадрдон дўстларидан мангуга ажратилиб, ватанжудоликда, хор-зорликда ҳаётдан кўз юмди.

Фитначилар бутун юртда вужудга келтирган сўнгсиз бебошиқлар аслида хонликнинг энг катта душмани бўлган чор мустамлакачиларига жуда ҳам ёқиб тушди. Худоёрхон тахтдан туширилгач, орадан атиги ярим йил ўтиб, Россия императори Александр II нинг 1876 йил 19 февралдаги фармони билан хонлик тугатилиб, унинг барча ҳудудлари Туркистон генерал-губернаторлиги таркибига мажбуран киритилди.

Бу воқеалар тарих учун катта сабоқдир.

ИНТРИГИ СЫНОВЕЙ ХАНА

Странной кажется расположенность Худаярхана к своему сыну Насриддинбеку, который стал в ряд его самых ярых врагов и в результате, захватив Коканд, свергнул отца с престола. 8 августа 1875 г. Худаярхана вызвали в Ташкент, через три дня выслали в Оренбург, но и тогда он думал о своем самовольном, лишенном чувства добра и милосердия сыне. Несмотря на то, что Худаярхан переживал все сложности ссылки, он и тогда желал успехов сыну, который занимал трон в течение пяти дней, и в своих письмах давал ему разумные наставления. Одно из его писем к сыну, написанное в 1293 г. 24 дня месяца мухаррам (первого месяца мусульманского лунного года) — 20 февраля 1876 г., было представлено на организованной в Ташкенте выставке в 1890 г., а в газете «Туркистон вилоятининг газети» за 3 октября того же года был опубликован его полный перевод на русский язык.

В письме хан пишет, что ранее он сомневался в Насриддинбеке, но, узнав правду, убедился, что на его сыне нет никакой вины. И что после этого он ещё при жизни мечтал посадить его на трон, но ситуация складывалась по-иному и его мечта все же осуществилась, когда Насриддинбек занял престол. Он советует сыну неукоснительно следовать шариату, быть милосердным к людям и солдатам, заниматься делами, благодаря которым будет получать благословение народа. К сожалению, всего лишь за пять дней до написания этого письма, т.е. 19 февраля 1876 г., ханство ликвидируется по указу императора России Александра II, а вместо него в составе Туркестанского генерал-губернаторства формируется Ферганская область.

Насриддинбека экстренно привозят в Ташкент, затем г. Владимир определяется местом его постоянного проживания, и чтобы по дороге свидеться с отцом, он приезжает в Оренбург. Увидев сына, хан забывает обиды и принимает решение в неволе жить вместе с больным сыном и помогать ему, в связи с чем направляет в Ташкент на имя фон Кауфмана телеграмму следующего содержания: «Хочу, чтобы мой сын остался со мной. Обращаясь к вашему высокоблагородию, прошу не отказать мне в этой любезности». Однако генерал-губернатору Туркестана уже вовсе не нужен был хан Коканда. И он отвечает грубо и кратко: «Не могу разрешить вашему сыну остаться в Оренбурге. По желанию его высокоблагородия императора местом проживания для него определена Владимирская губерния». Таким образом были отрезаны и все другие пути для решения этого вопроса. Насриддинбек был сослан во Владимир,

а Худаярхан остался в Оренбурге. В ноябре 1877 г. хан тайно от городской администрации эмигрирует за границу, а в восьмидесятом году пишет из Стамбула несколько посланий в Туркестан и Петербург на имя императора России, в которых убедительно просит разрешить ему приехать в Россию для проживания, но прежде посетить г. Владимир, встретиться с больным сыном Насриддином. Но этому не суждено было осуществиться, хотя Александр II и разрешил хану проживать в одной из отдаленных губерний России. Насриддинбек, который осенью 1880 г. по разрешению императора прибыл в Ташкент, 4 января 1882 г. умер в возрасте 31 года. А Худаярхан по различным причинам не смог прибыть в родные места и умер летом того же года в Каррухе. Так трагически завершилась судьба Насриддинбека, который по своему неразумению создавал интриги против отца, был одним из тех, кто способствовал ликвидации Кокандского ханства.

Второй сын Худаярхана — Муҳаммад Аминбек, приблизительно через четыре года после измены Насриддинбека объединился с заговорщиками, которыми руководил его дядя, и даже дал согласие на физическое уничтожение отца. Об этом свидетельствует подробная информация, направленная из Коканда 10 июня 1874 г. старшим советником Вейнбергом генерал-губернатору Туркестана. В ней, в частности, говорится: «Враги ханской власти в Коканде — кичкачи и (кора) киргизы нашли сподвижников среди населения и даже среди приближенных правления Кокандского ханства. С различных территорий ханства сконцентрировано 50 человек, лидером которых является Ботирхон Тура — дядя второго ханского сына Муҳаммада Амина. Они намерены посадить на трон Муҳаммада Амина. Заговорщики решили приблизительно на 20-й день марта напасть на хана, когда он будет находиться за городом. Однако один из заговорщиков донес хану об этом злом умысле. По приказу хана, Ботирхон Тура и его поделщики были схвачены и доставлены во внутренний дворец хана. После этого их никто не видел, они бесследно исчезли. Предполагается, что по приказу хана они были утоплены в заброшенном пруду за двором. А Муҳаммад Аминхон находился в тюрьме и был лишен возможности общения с кем-либо».

Муҳаммад Аминбек, так же как и Насриддинбек, после заговора находился под строгим наблюдением приближенных хана, каждый шаг его строго контролировался. Оба совершеннолетние сыновья были далеки от мысли быть верными отцу и служению укрепления империи, а боролись за то, чтобы занять его место.

Продолжение. Начало в № 4 за 2009 г.

За Насреддинбеком, перешедшим на сторону самых ярых врагов отца, этот же путь избирает и Мухаммад Аминбек. Вот что писал об этом генерал-лейтенант М. Терентьев: «Половина ханского войска (4 тысячи пеших воинов) вместе с Мухаммадом Аминбеком перешли на сторону мятежников». Мухаммад Аминбек вместе со своим многочисленным войском перешел на сторону врага и начал борьбу против своего отца. В первые недели после ликвидации Кокандского ханства и формирования Ферганской области в составе Туркестанского генерал-губернаторства Мухаммада Аминбека вместе с семьей привозят в Ташкент. Об этом сообщалось в газете «Туркистон вилоятининг газети» за 27 апреля 1876 г. Мухаммаду Аминбеку, которому в это время было 20 лет, генерал-губернатор назначает пособие в размере 360 рублей, которое в 1900 г. было увеличено до 1160 рублей. Он купил огромный дом в махалле Кашгар в Ташкенте, еще два раза женился и с тремя женами, семью сыновьями, шестью дочерьми жил до конца дней своих, т.е. до 1921 г. Он изучил русский язык, установил тесные связи с высокопоставленными лицами генерал-губернаторства, добился их доверия и принимал активное участие в общественно-политической жизни края. В газете «Туркистон вилоятининг газети» он публикует свою историческую статью «Фаргонада музофоти хонлари хусусидаги вокеотлар» («Реалии о ханах Ферганской области»). По указу императора России в 1897 г. ему был

пожалован титул «Потомственный дворянин». В 1899 г. Мухаммад Аминбек привлекается в ведомство генерал-губернаторства Туркестана в качестве переводчика и занимает эту должность до октябрьского переворота. В эпоху Советов он также занимался переводческой деятельностью. Мухаммад Аминбек умер в Ташкенте от чумы в 1921 г.

Властителю края Худаярхану за совершенные действия нужно было казнить сыновей, которые вместе со злымущенниками серьезно угрожали не только его трону, но и жизни.

В свое время хан не предпринял подобных действий, проявил слабость характера, что через некоторое время послужило причиной того, что Насриддинбек вместе с Мухаммадом Аминбеком и, естественно, отцеубийца Офтобачи, перейдя на сторону Пулатхана, вели обостренную борьбу против Худаярхана. В результате хан лишился не только трона, но своей родины, детей (на этот период были живы его 13 детей), верных и честных друзей, был обречен на скитания и смерть вдали от родины.

Бесконечные беспорядки в ханстве были на руку у царской власти, которая была злейшим врагом ханства. После свержения Худаярхана, трудные годы спустя лишь всего полгода, по указу императора России Александра II от 19 февраля 1876 года ханство было ликвидировано и все его территории были насильно введены в состав генерал-губернаторства Туркестана.

INTRIGUES OF KHAN'S SONS

Khudoyarkhan's disposition seems strange towards his son - Nasridinbek who joined to his most ardent enemies and as a result, seized the power in Kokand, overthrew his father from the throne.

On August, 8th, 1875 Khudoyarkhan was called to Tashkent and in three days was banished to Orenburg but even then he thought about his autocratic, lack of good feelings and mercy son. In spite of the fact that Hudayarhan suffered all complications of the banishment he wished successes to the son who occupied the throne within five days and gave him reasonable admonitions in letters. One of his letters to the son written on the 24th day of month muharram (the first month of Muslim lunar year) 1293 of hijra (February, 20th, 1876), was presented at the exhibition organized in Tashkent in 1890, and its full translation into Russian was published in "Turkiston viloyatining gazetisi" newspaper on October, 3rd of the same year.

In the letter khan wrote, that earlier he had doubted about Nasridinbek, but, having found out the truth, got evidence that there was no fault on his son. And after that he wished even during lifetime to put him on the throne, but the situation developed differently and nevertheless his dream came true when Nasridinbek occupied the throne. He advised the son that he should strictly follow Shariyat, be merciful to people and soldiers, work hard, owing to which would receive blessing of people. Unfortunately, only five days prior to this letter, i.e. on February, 19th, 1876 the khanate was liquidated under the decree of Russian Emperor - Alexander II, and instead of it Fergana area was formed in the structure of Turkestan General-Governorship.

Nasridinbek was urgently brought to Tashkent, then Vladimir city was defined as a place of his permanent residence and then he came to Orenburg in order to meet his father. Having seen the son, the khan forgot the offence and decided to live in bondage together with the sick son and to assist him. In this view he sent a telegram to Tashkent to the address of Fon Kaufman with following contents: «I want my son to stay with me. Addressing to your Excellency I ask you to not refuse in this favor». However, the General-Governor of Turkestan had not already been in need of khan of Kokand. And he answered roughly and briefly: «I can not allow your son to stay in Orenburg. According to His Most Honorable Emperor's wish Vladimir province is certain as a place of his permanent residence». Thus, all other ways for the decision of this question were cut off. Nasridinbek was banished to Vladimir, and Hudayarhan stayed in Orenburg. In November, 1877 the khan secretly from the city administration emigrated abroad, and in 1880 wrote from Istanbul some messages to Turkestan and Petersburg addressed to the Emperor of Russia in which convincingly asked to allow him to arrive to Russia for residing, but before to visit Vladimir city and meet his sick son Nasridinbek. But it was not fated to be fulfilled, though Alexander II allowed the khan to live in one of remote provinces of Russia. Nasridinbek who arrived to Tashkent under the sanction of the Emperor in autumn of 1880, died at the age of 31 on January, 4th, 1882. And Hudayarhan for the various reasons could not arrive to native places and died in summer of the same year in Karruh. So tragically ended Nasridinbek's destiny, who due to lack of understanding created intrigues against his father and was among those who promoted liquidation of Kokand khanate.

Khudoyarkhan's second son - Muhammad Aminbek, approximately in four years after Nasridinbek's treason joined to conspirators under supervision of his uncle, and even agreed to physical destruction of the father. It is testified by the detailed information directed by senior adviser Vejnberg from Kokand on June, 10th, 1874 to the General-Governor of Turkestan. There was written: «Enemies of khan authorities in Kokand - kipchaks and (black) Kirghiz found associates among the population and even among confidants of Kokand khanate government. In various territories of the khanate it is concentrated 50

people under leadership of Botirhon Tura - the uncle of the second son of Muhammad Amin khan. They are going to put Muhammad Amin on the throne. Conspirators have decided to attack on the khan approximately on 20-th day of March when he will be out of the city. However one of conspirators has informed to the khan about this malicious intent. Under the order of khan, Botirhon Tura and his partners have been seized and delivered to internal palace of the khan. After that nobody saw them, they have completely disappeared. It is supposed, that under khan's order of they were drowned in an abandoned pond behind the palace. And Muhammad Aminhon was in prison without opportunity to talk to anybody».

After the plot Muhammad Aminbek, like Nasridinbek, was under strict supervision of confidants of khan, his each step was strictly supervised. Both full age sons were far from an idea to be loyal to father and service to strengthening of the empire, but struggled for his place. Following Nasreddinbek, who joined to the most ardent enemies, Muhammad Aminbek chooses the same way. General-lieutenant M. Terentev wrote about it: «A half khan's army (4 thousand pedestrian soldiers) together with Muhammad Aminbek came over to the side of rebels». Muhammad Aminbek together with the numerous army also came over to the side of the enemy and began struggle against the father. During the first week after liquidation of Kokand khanate and formations of Fergana area in structure of Turkestan General-Governorship, Muhammad Aminbek together with family was brought to Tashkent. This was informed in «Turkiston viloyatining gazetisi» newspaper on April, 27th 1876. Muhammad Aminbek who at that time was 20 years old, on behalf of General-Governor was granted an allowance at a rate of 360 roubles which in 1900 was increased up to 1160 roubles. He purchased a huge house in Kashgar mahalla in Tashkent, married two more times and with three wives, seven sons and six daughters lived up to the end of the days, i.e. up to 1921. He learned Russian, established close relations with high-ranking officials of the General-Governorship, achieved their trust and actively participated in a political life of the territory. He published a historical article «Fargonada muzofoti honlari hususidagi vokeotlar» («Realities about khans of Fergana area») in «Turkiston viloyatining gazetisi» newspaper. The title «Hereditary nobleman» was bestowed to him under the decree of the Emperor of Russia in 1897. In 1899 Muhammad Aminbek was involved to administration of Turkestan general-governorship as an translator and held this post up to the October revolution. During Soviet epoch he also was engaged in translational activity. Muhammad Aminbek died of plague in 1921 in Tashkent.

The master of the territory Khudoyarkhan should execute his sons who together with malefactors seriously threatened not only to his throne, but also his life for perfect actions.

In due time khan did not undertake appropriate actions, showed weakness of character, that after a while served as the reason of aggravated struggle against him by Nasridinbek, Muhammad Aminbek and of course patricide Oftobachi, who joined to Pulathon. As a result the khan lost not only the throne, but also the native land, children (at that time his 13 children were alive), true and fair friends, was doomed to wanderings and death far from the native land.

Infinite disorders caused by malefactors, were useable for the imperial authority which was the most malicious enemy of the khanate. Following Hudayarhan's overthrowing after only a half of year under decree of Russian Emperor - Alexander II dated on February, 19th, 1876 the whole khanate was liquidated and its territories were violently brought into structure of the General-Governorship of Turkestan.

The Sequel. The begining was in № 4, 2009.

«КУРКУТ ОТА КИТОБИ»

Эпическое творчество народов Туркестана – это своеобразная сокровищница, вобравшая в себя национальную культуру, духовные и художественные ценности и богатую историю края. Поэтому всегда было и есть объектом внимания многих ученых Востока и Запада.

Академик В.В.Бартольд занимался исследованием истории киргизов, казахов, туркмен и впервые перевел на русский язык и осуществил издание древнейшего образца эпоса огузских народов «Куркут ота китоби». Книга была написана в Азербайджане и завезена узгами в Центральную Азию.

Этот образец уникального эпоса в переписанном виде на туркменском языке называется «Китаби деде Коркуд», на азербайджанском – «Китаби Деде Горкунд». Куркут ота означает «предупреждающий», «напоминающий».

Ташкентский этнограф Абубакир Диваев в 1848 г. установил, что могила Куркут ота находится на берегу Сырдарьи, у казахского кладбища.

Произведение «Куркут ота китоби» отличается богатством языка и глубиной символики. В нем приводится предание о том, что у Огузхона было шесть сыновей – Кюн – (Солнце), Ай – (Луна), Кок – (Небо), Таг – (Гора), Тангиз (Денгиз) – (Море). У каждого из них было по четыре сына. Эти 24 внука подразделялись на огузские племена. У каждого племени были своя печать и свой тотем.

Многообразное литературное наследие служило появлению ряда общих черт в эпических повествованиях узбекского, туркменского, азербайджанского народа. В частности, дастаны «Шохсанам-Гарип», «Юсуф-Ахмад», «Сайёд ва Хамро». А в сюжете «Бомси Байрак» фольклористы отмечают общие аспекты с узбекским дастаном «Алпамыш».

Академик А.Ю.Якубовский отмечал, что когда В.В.Бартольд начинал работу над огузским эпосом «Куркут ота китоби», дастан «Алпамыш» еще не был найден. Исключается мнение о том, что в XV в. огузы переняли часть узбекского дастана, или же наоборот – узбеки взяли сюжет из огузского дастана. Сходство мотивов в двух произведениях связано с тем, что оба народа жили в одинаковых исторических условиях и схожими были их судьбы.

Эпические произведения об огузских богатырях связаны с именем предсказателя, мудрого бахши Куркут ота, так как он пришел в этот мир, чтобы донести до будущих поколений истину о богатом героическом прошлом предков. Нарекая младенца, он, как правило говорил: «Я даю тебе имя, а долгую жизнь пусть тебе даст Всевышний». Его языком повествуются предания и легенды, считающиеся образцом народной мудрости.

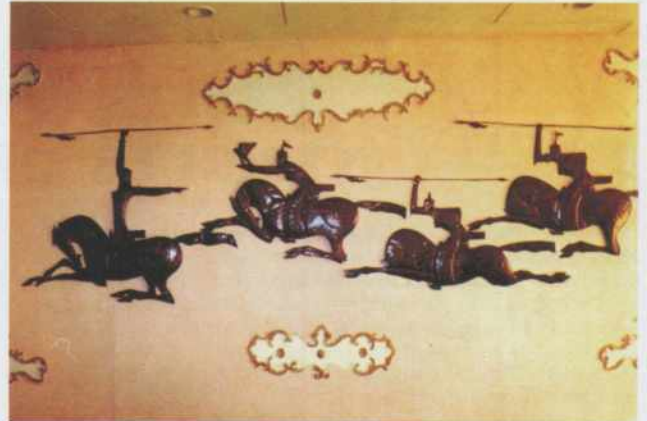
Играя на кубузе, Куркут ота пел об огузских богатырях. В казахском фольклоре считается, что Кубуз ота создал «бакси», «шомон» и даже кубуз.

В.В.Бартольд разъясняет термин «бакси», то есть «бахши», и подчеркивает, что песнопение под аккомпанемент подобного виолончели музыкального инструмента (то есть кубуза) заслуживает особого внимания.

На территории Центральной Азии издревле приоритетным было стремление к совершенству и просветительству. Духовно-просветительский процесс был направлен на воспитание в человеке высоких чувств, и в этом плане книга «Куркут ота китоби» является одним из уникальных памятников.

«ҚҰРҚУТ ОТА КИТОБИ»

Олтиной ТОЖИБОЕВА

Туркистон халқлари эпик ижодиёти миллий маданият, қадриятлар ва бой тарихни қамраб олган ўзига хос улкан хазина. Шу боис, бу бисот қадимдан кўплаб Шарқ ва Ғарб олимларини кизиқтириб келган.

Академик В.В. Бартольд кирғиз, қозоқ, туркман тарихи ҳамда ислом маданияти билан боғлиқ илмий кузатишлар олиб бориб, минтақа маданият ҳаётида улкан аҳамият қасб этган «Қўрқут ота китоби»ни илк бор нашр қилган ҳамда рус тилига ўғирган. Мазкур асар ўғуз халқлари эпосининг энг қадимийси саналади. Китоб ўғузлар томонидан Марказий Осиёга олиб келинган бўлиб, у тўлиқ равишда Озарбайжонда шаклланган.

Ёзма адабиётга кўчирилган ноёб эпос намунаси туркманчада «Китаби Деде Коркуд» ва озарбайжончада «Китаби Деде Горкуд» номи билан юритилади. Эпосдаги Қўрқут ота – кўрқитувчи, яъни огоҳлантириб турувчи, эслатиб турувчи маъносини билдиради.

Тошкентлик этнограф Абубакир Диваев Қўрқут отанинг қабри 1848 йилда Сирдарё бўйида қозоқ мазорининг олдида эканлигини аниқлаган ва уни суратга тушириб, фан оламига маълум қилган эди.

«Қўрқут ота китоби»нинг тили бой, символикаси чуқур. Унда ривоят қилинишича, Ўғузхоннинг олти ўғли бўлиб, уларнинг исмлари Кун (Қуёш), Ай (Ой), Юлдуз, Кок (Осмон), Таг (Тоғ), Тангиз (Денгиз) бўлган. Уларнинг ҳар бири тўрттадан ўғил кўрган. Мана шу 24 набира ўғуз қабилаларига бўлинади. Ҳар бири ўзининг тамғаси ва тотемига эга бўлган. Ҳикоятлар мана шу қабилалар тақдири билан боғланган.

Мазкур бой адабий мерос ўзбек, туркман, озарбайжон ва турк халқлари учун умумий бўлган қатор эпик ёдгорликларнинг пайдо бўлишига хизмат қилган. Хусусан, «Шохсанам-Ғарип» ва «Юсуф-Ахмад» дostonлари унинг

учинчи хикоятига, «Сайёд ва Ҳамро» эса олтинчи хикоятига бориб тақалади. Эпоснинг «Бомси Байрак» киссаси сюжетини эса фольклоршунослар ўзбек «Алпомиш»и билан умумийлик жиҳатларини кўрсатганлар.

Академик А.Ю.Якубовскийнинг ёзишича, В.В.Бартольд ўғуз эпоси «Кўркут ота китоби» устида иш бошлаганида ҳали «Алпомиш» достони топилмаган эди. XV асрда ўғузлар ўзбек достонининг бир қисмини ўзлаштирганлар ёки аксинча, ўзбеклар сюжетни ўғуз достонидан олганлар, деган фикр умуман бўлиши мумкин эмас. Ҳар икки асардаги ўхшашлик бу халқларнинг бир хил тарихий шароитда, бири-бирига яқин тақдирларни бошидан кечирганликлари билан боғлиқ.

Ўғуз баҳодирлари ҳақидаги эпик достонлар донишманд ва қароматгўй баҳши Кўркут ота билан боғланади, гўё у боболарнинг ўтмиши, бой қаҳрамонликлари ҳақидаги ҳақиқатни келгуси авлодларга етказиш учун келган. У ўғузларнинг ҳар бир ишида маслаҳатчи, йўлбошчи. Янги туғилган гўдакка Кўркут ота исм кўяркан: «Номингни мен бердим, умрингни Эгам берсин», дейди одат бўйича. Халқ донишмандлиги намунаси саналган мақол ва ҳикматлар унинг тилидан айтилади.

Кўркут ота кўбиз чалиб, ўғуз баҳодирлари ҳақида куйлайди. Қозоқ фольклорида Кўркут ота биринчи «бакси», «шомон», ҳаттоки кўбузни илк бор у яратган деб таъкидланади.

Академик В.В.Бартольд «Кўркут ота китоби»ни рус тилига таржима қилганида бакси, яъни баҳши атамасини изоҳлаб, уни виолончел каби мусиқа созини кўлига олиб (яъни кўбизни) куйлаш жиҳати алоҳида эътиборли эканлигини таъкидлаб ўтган.

Азалдан Марказий Осиё ҳудудига қомилликка интилиш ва маърифатчилик етакчи ғоя бўлиб келган. Бунда маърифий-маънавий руҳий жараён инсондаги юксак ҳиссиётларни тарбиялашга қаратилган бўлиб, «Кўркут ота китоби» бу борадаги ноёб ёдгорликларимизнинг энг қадимийсидир.

«KURKUT OTA KITOBI»

Epic creativity of Turkestan people is an original treasury which has incorporated national culture, spiritual and art values, as well as rich history of the territory. Therefore it always was and is the object of attention of many scientists of the East and West.

Academician V. Bartold researched history of Kirghiz, Kazakhs, Turkmens and was the first who translated into Russian and edited the most ancient sample of uguz people's epos – «Kurkut ota kitobi». The book was written in Azerbaijan and delivered to Middle and Central Asia by uguz people.

This sample of the unique epos in the copy of Turkmen language refers to «Kitabi dede Korkud», on Azerbaijan – «Kitabi Dede Gorkund». Kurkut ota means «warning», «reminding».

Tashkent ethnographer Abubakir Divaev in 1848 established, that tomb of Kurkut ota was on the coast of Syr-Darya River, in Kazakh cemetery.

«Kurkut ota kitobi» differs by its richness of language and depth of symbolism. It contains a legend that Uguzhon had six sons - Kjun - (Sun), Ay - (Moon), Kok - (Sky), Tag - (Mountain) and Tangiz (Dengiz) - (Sea). Each of them had four sons. These 24 grandsons were subdivided on uguz tribes with its own seal and totem.

The diverse literary heritage resulted in occurrence of some common features in epic narrations of Uzbek, Turkmen and Azerbaijan people. In particular, such dastans as «Shohsanam-Gatrits», «Jusuf-Akhmad», «Sajyod va Hamro». And in a plot of «Bomsai Bajrak» specialists in folklore noticed common aspects with Uzbek dastan «Alpamysh».

Academician A. Jakubovsky noted, that when V. Bartold began work on uguz epos «Kurkut ota kitobi», dastan «Alpamysh» had not been found yet. The opinion that in XV century uguz people has adopted a part of Uzbek dastan is excluded, or on the contrary - Uzbeks took the plot from uguz dastan. Similarity of motives in two products could be explained by the fact that both of people lived in identical historical conditions and with similar destiny.

Epic products about uguz heroes are connected with a name of a foreteller, wise bahshi Kurkut ota, as he had come to this world to inform the future generations about true rich heroic past of ancestors. Naming a baby, he, as a rule spoke: «I give a name, and The Almighty will give long life». Legends which are considered as a piece of folklore wisdom are narrated by him.

Playing on kubuz, Kurkut ota sang about uguz heroes. In Kazakh folklore it is considered, that Kubuz ota had created «baksi», «shomon» and even kubuz.

V. Bartold explains the term «baksi», that is «bahshi», and emphasizes, that psalms accompanied by a musical instrument similar to a violoncello (that is kubuz) deserves special attention.

In the Central Asian territory the aspiration for perfection and enlightenment since olden days was priority. Spiritually-educational process was directed on education of high feelings in a person, and in this plan the book «Kurkut ota kitobi» is one of unique monuments.

Қадимий манбаларда умумтуркий сўзлар

Маҳмуд ЙЎЛДОШЕВ,
Света ЙЎЛДОШЕВА

Айнан ушбу сўз кейинчалик асли уйғур маликларидан, кейинчалик Чингизхон саройида хизмат қилган Тататўнга томонидан Чингизхон тарихига бағишланган тарихий обидада ишлатилган. 1240 йили Чингизхон тарихига оид ёзилган ушбу китоб «Монголоин нюсук тобшо» («Мўғулларнинг сирли тугмаси») «Мўғулларнинг махфий китоби» деган ном билан бурят тилидан ўзбек тилига таржима қилинди. Асар дастлаб «Кўк дафтар» сифатида тилга олинди, кейинчалик «Мўғулларнинг махфий китоби»га айланди.

Китоб бурят тилидан илк бора ўзбек тилига таржима қилиниши жараёнида ўзбек ва бурят тилларининг ҳам тил жихатдан, ҳам лексик бойлиги жихатидан, ҳатто грамматик хусусиятлари билан ҳам бир-бирига яқинлиги ҳайратга солди. Бу ҳолга «суюрғол» сўзи ва ундан ясалган феъл ва бошқа сўзларнинг ишлатилиши мисол бўла олади. Масалан, суюрғол, суюрғолланиш, суюрғолланди ва бошқалар.

Китобда туркий халқларга хос бўлган урф-одатлар кўп учрайди. Биргина мисол келтирамиз, бизда куда-анда ибораси ишлатилади. Бу ўринда *куда* сўзи таниш бўлишига қарамастан, *анда* сўзига кўп ҳам эътибор бермаймиз. *Анда* сўзи совғасалом бериб, символлик тарзда қонларини аралаштиришдан келиб чиққан, деб тушунтирилади. Ўзбек тилидаги куда-андачилик эса қон-қариндошликни билдириши ва андалашиш эса қон-қариндошчилик, дўстлашишнинг алоҳида бир маросимлашган тури бўлиб, анда сўзининг ўзгариб, анд, онт, қасам ичиш маъноларига бориб тақалаётганига эътибор бердик. Яъни, онт ичиш, қон ичиб дўст бўлиш маросими.

Одатда, кичик фарзандни кенжа, кенжатоё, эркалаб ўтоғаси дейилади. Бурят, мўғул, қолмиқ, тува ва бошқа тилларда энг кичкина фарзандни хозиргача отхон (ўтхон) дейишади. Туркийларда ота-онанинг кичик фарзанд билан бирга яшаб қолиши ва у шу онланинг ўт, олов орасига айланиши кўзда тутилиб олов оғаси, ўт оғаси маъноси сақлаб қолинган.

Китобда Отчигин исми учрайди, бу ҳам худди ўт, олов ва чигин, тигин, тегин (Орхон-энасой битикларидаги тегин – малик) сўзлари кабидир, яъни Оловмалик, Ўтмалик маъносида келади.

Бурят, мўғул, қолмиқ ва бошқа тилларда одам, инсон тушунчаси хун сўзи билан берилади. Бу сўз ўзбек тилида баъзи ибораларда хозир ҳам мана шу маънода ишлатилади. Масалан, хун пули, одам ўлдирилганда унинг эвазига олинмаган одат. Айнан мана шу сўз кўпгина Европа ва бошқа халқ тарихчиларини чалғитиб келган. Бу ўринда биз туркийларни умумлаштириб хунлар, гуниллар деб аталишини айтмоқчимиз. Рус тарихчилигида эса хунлар, гуниллар ҳатто алоҳида қабила, уруф, халқ маъносида ҳам қўлланилиб келинган.

Шу жойда яна бир фикрни ўртага ташламоқчимиз. Бу Кўктуркларнинг «аши» бўрига ишонишлари масаласи. Негаки, Зардўшнинг «Куч ва имконим борича, мен одамларни «аша»га, яъни Ҳақга, ҳақиқатга чорлайман», деган фикрини олсак ва Зардўштиликдаги яккахудоликни эсласак, бу жойда *аша*, *аши* сўзи туркий халқларнинг баъзиларида учрайдиган бўри сўзига товушдош, оҳангдош (шино – бўри) шино эмас, *аша* – ҳақ маъносида келишини қайд қилиб ўтмоқчимиз.

Чингизхоннинг номи турлича талкин қилувчилар ҳалигача учрайди, аммо у маъно жихатидан бизнингча ЧИН ЎЗ ХОН – яъни, энди ўзимиздан, чин хонимиз чиқди, «Чинўзхон»имиз деган маънони беради. Асарда Чингизхонни ок кийгизга ўтказиб шох кўтариш маросими берилган, шу пайтда кийгиз кўтараётган кишиларнинг бирданига «чин ўз хонимиз», деб хитоб қилганларини кўз олдимизга келтирсак, бу сўзнинг асл маъноси чиқаяпти.

Чингиз хон номи билан келадиган яна бир умумтуркий сўз, бу ҳам бўлса Чингиз хоннинг асл исми Темужин.

Маълумки, Темужин сўзининг талаффузи бизга кўпинча Европа, аниқроғи, рус тарихшунослиги ва тилидан кириб келган. Аммо бу сўзни биз ўз туркий тил қонун-қоидаларига таяниб талаффуз қилар эканмиз, ўта аниқ ва оддий бир сўзга дуч келамиз, бу ҳам бўлса – темирчи.

Бу ўринда Чингизнинг ўғли Жўжи хоннинг исми, рус ва Европа олимлари таъкидича *Джучи*. Биз унинг асл туркий талаффузини тикласак: *Джуджи*, *Джаучи*, *Джулчи* ва ниҳоят бизга жуда таниш *Йўлчи*, бу сўз бурят тилида *Зучи*, мўғул тилида *Жучи*, бизнинг туркий тиллардаги товушларнинг *з*, *ж*, айниқса *ж* нинг *й* га ўтишидан *жучи*, *зучи*, *жўжи* ва унинг ниҳоят *йўлчи* маъносига етиб келишини кўрамиз. (Чингизхоннинг тахаллус исми ва Жўжининг исми мўғул тилида бирон маъно англатмайди.)

Китоб ўзининг салкам 800 йиллик тарихида қўлаб кишиларнинг фикрини жалб қилган, аммо у энг асосийси, лингвистик ва айниқса туркий лингвистика жихатдан кам ўрганилган. Ваҳоланки, у мўғулларнинг, ўша давр туркий халқларнинг маънавий бойлиги бўлмиш туркий тиллар лексикаси жихатидан жуда катта қимматга эга манба. Аслини олганда, манбадаги туркий отлар, этнонимлар ва бошқа сўзларни олмаганда ҳам бу манба тили хозирги замон мўғул тилидан кўра қадимий туркий халқлар тилига яқинроқлигини кўрамиз. Умумтуркий номлардан мисол келтирамиз: Идил – Итил, Идел (Волга), Эрдиши – Иртиш, Уругенчи – Урганач (Ургенч), Отарар – Отрар, Букар – Бухара; туркий уруф ва аймоқларнинг номлари: қарлу'т – қарлуқлар, қанлин – қангли, қибча'ут – қипчақ, баджигид – бошқирд, уйғуд – уйғурлар; шахс номлари Жалалиддин, Мелик, Отчигин, Бўри буха; унвоилар: солтан, бек, идикут, шаданит, тегин, мирген, мерган, йўрға, қора ҳара, архи, арок, тархон, улус, яргучи судья (бу сўз хозирги кунда ушбу маънода ишлатилмайди). Яна бошқа сўзлардан келтирадиган бўлсак: эм – дори, эмчи – врач, Маҳмуд Кошгарийда *эмбека* хозирги *ҳамишра*, Балиғ шаҳар, Бешбалиғ – Пекиннинг эски номи, эсрюк – маст, будун – гражданин, фукаро, човуш – сафловчи офицер, толум – қурол, тўркун – оила маъносида берилади. Бу сўз бизда аёл кишининг келин бўлиб тушганидан кейин ўз ота-онасиникига бориб келиши, яъни тўркунламоқ маъносида қолган.

Бу ўринда мўғуллар тилига сингиб кетган исмлар жуда катта аҳамиятга эга. Бельгутаи – белгили той, муңлик, менглик (бу ўринда *лик* суффикси асл туркий) – нишонли, холли, алакуш-дигиткури – олакуш йигиткури, кудус-калчин – кутурган, важоҳатли қалчин, алтан-ашиқ – олтин ошиқ, бу жойда ошиқ сўзи ошиқ, ишқи тушган маъносидан ташқари олтин қалпоқ маъносини ҳам англатган. Кучулук-хан, йеди-тўғлик – етти туғлик, инанчи-билгехан – ишончли билимдон хон. Сангум қадимий туркларда ҳарбий унвон. Эл буха – эл ва буха сўзлари, айниқса, буха сўзига эътибор қаратар эканмиз, биз ўрганиб қолган буха маъносида эмас, қадимда буха сўзи полвон, кучли маъноларида келишини кўраимиз. Буйрук хон – бу ўринда буйрук, буйрук, амр қилиш маъносида келган. Мўғул тили ҳам туркий тилнинг бир тармоғи бўлгани учун унинг таркибда умумтуркий сўзларни юзлаб, минглаб топса бўлади.

Улардан баъзиларини келтириб ўтмоқчимиз. Арча – арша, туя – шамшад, аргамжи – аргамджи, аркан – аркон, ингирчак – эгарча, ўмров, хатин – хотин, кан – кон, буха – кучли, полвон, сал – сол, табишқан – товушқон, кутук – кутлук асл туркий кут сўзининг турли кўринишлари ва бошқалар.

Бу билан туркий халқлар, шу жумладан, умумтуркга кирувчи мўғуллар, уларни ҳатто алоҳида бир тил гуруҳи санаганда ҳам бир-бирлари билан биринчи мингйилликлардаёқ жипс алоқада бўлганини кўрсатади.

Китобда учрайдиган *занги* сўзи алоҳида эътиборга лойиқ. Бу сўз ҳозиргача мўғул тиллари гуруҳида уруғбоши ва бизнинг туркий тилларда кўп ишлатилиб, асосий бўғин, гурур, токнинг асосий новдаси маъноларини беради. Қизиги шундаки, бу сўз қадимий Авестода ҳам айнан мана шу маънода, яъни зантупати – уруғбоши маъносида ишлатилганини кўраимиз. Авестодаги зантупати, яъни занту – уруғбоши, пати – падре сўзлари ота маъносиди.

Биз бу сўзни учратганимизда бевосита Зангиота сўзи ёдимизга тушди. Маълумки, Зангиотани кимлар нималар деб шарҳлашмади. Қорабобойдан то ҳинду ҳабаш зангигача. Зангининг ўз тилимизда уруғбоши эканлигини инобатга оладиган бўлсак ва бу шахснинг жуда катта билими ва обрўли киши, уруғбоши бўлганини эсласак, зангиота сўзи маъно-мазмун жиҳатдан ҳам мантиқан ўз ўрнига тушади-қолади.

При изучении различных сохранившихся источников проявляется многообразие языка, когда одно слово может иметь различные значения. Например, в предместьях Орхонэнасае еще сохранились большие надгробные камни, на которых в качестве военных и светских званий

встречаются слова «шад, шуд, шод», «шаданит». Этот термин впоследствии использовал в посвященном Чингизхану историческом памятнике уйгурский правитель, служивший во дворце Чингизхана. Написанная в 1240 г. книга об истории Чингизхана «Монголийн нюсюк тобшо» («Секретная пуговица монголов») под названием «Мугулларнинг махвий китоби» («Секретная книга монголов»), была переведена с бурятского на узбекский язык. Ранее произведение называлось «Кук дафтар» («Синяя тетрадь»), затем «Мугулларнинг махвий китоби».

В процессе перевода книги с бурятского на узбекский язык было очевидным, насколько близки эти языки и в лексическом аспекте и в грамматических особенностях. Например, слова «суюргол» и производные от него глаголы «суюрголланиш», «суюрголланди» и др.

В книге дано описание традиций и обычаев, присущих тюркским народам. Например, в узбекском языке используется оборот «куда-анда». Слово «куда» понятно и знакомо, а слову «анда» не придется особого внимания. «Анда» означает начало родства, преподнесение взаимных подарков, символическое кровное смешение. В узбекском языке понятие «куда-андачилик» означает определение кровного родства, «андалашиш» – отдельную церемонию вступления в родство, установление дружбы, само уже трансформированное слово «анда» означает «анд, онт» – «клятва, присяга, обет», т.е. это церемония в кровной клятве.

Как правило, младшего ребенка называли «кенжа», «кенжатой» – «самый маленький», «утога» – означало почтительное отношение к мужчине. На бурятском, монгольском, калмыкском, тувинском и др. языках младшего ребенка и сейчас называют «отхон» («утхон»). У тюрков было принято, что младший сын остается жить с родителями и впоследствии становится хранителем очага, огня этого дома, в связи с этим сохранилось понятие «олово гаси, ут огаси» – «старший при огне, хранитель огня».

В книге встречается имя Отчигин, по смыслу схожее со словами «ут, олов и чигин, тигин, тегин» (на надписях в Орхонэнасае – «тегин-малик»), означающими «царь огня».

В бурятском, монгольском, калмыкском и других языках слово «хун» означает «человек». В отдельных оборотах это слово в этом же смысле используется и в узбекском языке. Например, «хун пули» – деньги за убитого. Вероятно, именно это слово приводит в заблуждение многих европейских и других лингвистов. Обобщенно тюрки называются «хунны», «гунны». В русской же истории термины «хунны», «гунны» относятся к названию отдельных племен, родов, народов.

В книге рассматривается вопрос веры куктурков в волка «ашин». Если принять во внимание высказывание Заратустры «сколько у меня есть сил и возможностей, буду призывать людей к «аша», т.е. к правде, истине и единобожию зороастрийцев, то в этом смысле слово «аша, ашин» не созвучно с встречающимся у отдельных тюркских народов словом «шино» – «волк, а соответствует понятию «хак» – «истина».

До сих пор по-разному трактуется имя Чингизхана, однако, думается, что «ЧИН УЗ ХОН» по смыслу означает «теперь у нас есть свой, настоящий хан», т.е. «Чинухон». В произведении описывается церемония поднимания шаха, Чингизхана, сядшего на белом войлоке. Если представить себе, как люди, поднимающие его, одновременно восклицают «чин уз хонимиз», то проявляется основное значение этого слова. Еще одно общетюркское слово, используемое с именем Чингизхана, это его настоящее имя – Темужин.

Известно, слово «Темужин» дошло до нас из Европы, а точнее из русского языка. Но, при произношении его в соответствии с правилами тюркских языков, мы получаем «темирчи» («кузнец»).

Имя сына Чингизхана Жужжихона европейские ученые трактуют как «Джучи». Если восстановить истинное тюркское происхождение этого слова, то увидим – *Джудки, Джаучи, Джулчи*, и, наконец, известное нам *Йулчи*, это слово произносится на бурятском *зучи*, на монгольском – *жучи*, а переход звуков з, ж, и особенно ж в й дает *жучи, зучи, жуужжи* и *йулчи*. (Псевдоним Чингизхана и имя Жужжи не имеет смысла на монгольском языке).

За свою 800-летнюю историю книга привлекала внимание многих специалистов, однако она мало изучена с точки зрения лингвистики, особенно тюркской. Между тем, она является ценным источником лексики тюркских языков того периода. На самом деле, если не принимать во внимание встречаемые в ней тюркские имена, этнонимы и другие слова, можно отметить, что они ближе к древним тюркским, нежели к современному монгольскому языку. Например, Идил – Итиль, Идел (Волга), Эрдиши – Иртыш, Ургенчи – Ургенч, Отарар – Отар, Букар – Бухара; наименования тюркских родов и племен – карлу'ут – карлуки, канлин – кангли, кибча'ут – кипчак, баджигид – башкир, уйгуд – уйгуры; личные имена Жалалиддин, Мелик, Отчигин, Бури буха; звания: солтан, бек, идикут, шаданит, тегин, мерген, мерган, йурга, кора хара, архи, арок, жил йил, тархон, улус, ярғучи судя (это слово в настоящее время в этом смысле не употребляется).

Большое значение имеют проникшие в монгольский язык имена. Бельгутаи – белгили той (меченый жеребец). Муңлик, менглик (при этом суффикс *лик* тюркского происхождения) – меченый, с родинкой, алакуш-дигиткури – олакуш йигиткури, кудус-калчин – бешеный, алтан-ашиқ – олтин ошиқ, здесь слово «олтин» помимо понятия «влюбленный» имеет значение и «золотой колпак».

Общетюркские термины в древних источниках

Кучулук-хан, йеди-туглик – етти туглик, иначи-билгехан, Сангум – древние тюркские воинские звания. Эл буха – обратим внимание на части этого слова эл и, особенно – буха. Оно имеет не только то значение, к которому мы привыкли (бука – бык), в древности это слово использовалось в значении «палван», «сильный». Буйрук хон – имеет значение «приказывать». Монгольский язык относится к семейству тюркских языков, и потому в нем можно проследить сотни общетюркских слов.

Например, арча – арша, туя – шамшал, аргамжи – аргамджи, аркан – аркон (веревка), ингирчак – эгарча, умров (маленькое седло), хатин – Хотин (женщина), канн – кон (кровь), буха – кучли, полвон (сильный, плаван), сал – сол (положи, вложи), табишкон – товушкон, кутук – кутлук (различные виды тюркского слова кут и др.).

Особого внимания заслуживает встречающееся в книге слово занги. Оно и в настоящее время часто используется как в монгольском (значении «глава рода»), так и в других языках, и означает – звено, гордость, основная лоза виноградики. Именно в этом смысле слово *Zantupati* используется в «Авесте». *Zantu* – глава рода, *pati* – падре.

Это слово созвучно со словом «Зангиота». По-разному трактуют имя Зангиота, и как Корабобой, и хинду хабаш занги. Если учесть, что в узбекском языке *занги* – это глава рода, человек обладающий глубочайшими знаниями и авторитетом, то слово «зангиота» вполне логично.

Common turk terms in ancient sources

During studying of various sources the variety of language is shown when one word can have various meanings. For example, in suburbs of Orhonenasaj big tombstones were still kept where military and society ranks are written as following words «shad, shud, shod» and «shadanit». This term was used subsequently in a historical monument devoted to Chingizkhan by an Uigur governor served in his palace. The book about Chingizkhan's history written in 1240 «Mongolojn njusuk tobsho» («Secret button of Mongols») under the name «Mugullarning mahvy kitobi» («Confidential book of Mongols») has been translated from Buryat into Uzbek language. Earlier the product was named as «Cook daftar» («Blue notebook»), and then «Mugullarning mahvy kitobi».

During translation of the book from Buryat into Uzbek language it was obvious, how these languages are close to each other in lexical aspect and in grammatical features. For example, words «sujurgol» and verbs derivative of it «sujurgollanish», «sujurgollandi», etc.

In the book the description of traditions and customs inherent in Turkic people is given. For example, in Uzbek language phrase «kuda-anda» is used. The word «kuda» is clear and familiar enough, and to the word «anda» one does not give special attention. «Anda» means beginning of relationship, exchange of mutual gifts, symbolical blood mixture. In Uzbek language the word combination «kuda-andachlik» means establishment of consanguinity, «andalashish» means separate ceremony of entering into kinship, establishment of friendship, the transformed word «anda» itself means «and, ont» - «oath, vow», i.e. it is a ceremony of a blood oath.

As a rule, the junior child was named as «kenzha», «kenzhatoj» - «smallest», «utoga» which meant - respectful attitude towards a man. On Buryat, Mongolian, kalmyk, Tuva and other languages a junior child is still named as «otkhon» («utkhon»). According to Turkic traditions the youngest son should stay with parents and subsequently becomes a keeper of family hearth and fire of the house, in this connection the concept «olov ogasi, ut ogasi» - «senior of fire, fire keeper».

There is name Otchigin in the book, which meaning is similar to words «ut, olov and chigin, tigin, tegin» (on inscriptions in Orhonenasaj - «tegin-malik»), meaning «tsar of fire».

In Buryat, Mongolian, kalmyk and other languages the word «hun» is meant «person». In some turns this word in the same sense is used also in Uzbek language. For example, «hun puli» - money for killed. Possibly, this word misleads European and other linguists. Generically Turks use the words «hunny», «gunny». In Russian history terms «hun», «gunny» concern to the name of separate tribes, kin, people.

The question of belief of Turks in a wolf «ashin» is considered in the book. If consider the statement of Zaratustra «Up to the end of my forces and opportunities I shall call people to «asha», i.e. for the truth, true and monotheism of zoroastrians in this sense the word «asha, ashin» is not conformable with a word meeting at separate Turkic people «shino» - «a wolf», but corresponds to concept «hak» - «true».

Till now name of Chingizhan, is differently treated, however, it appears, that «CHIN UZ HON» on sense means «now we have our own real khan», i.e. «Chinuzhon». In the product a ceremony of lifting the shakh, Chingizhan, sitting on white felt is described. If imagine, how people lifting him, simultaneously exclaim «Chin uz honimi» the major importance of this word is shown. One more generic Turkic word used with the name of Chingizhan, its his real name - Temuzhin.

It is known, the word «Temuzhin» has come to us from Europe, exactly from Russian language. But, while pronunciation it according to rules of Turkic languages, we receive «temirchi» («smith»).

European scientists treat the name of Chingizhan's son Zhuzhzhion as «Dzhuchi». If to restore a true Turkic origin of this word we shall see - *Dzhudki, Dzhauchi, Dzhulchi*, and, at last, known to us *Julch.*, This word is said on Buryat language as *zuchi*, on Mongolian - *zhuchi*, and transition of sounds *z* and especially *zh* into *j* gives *zhuchi, zuchi, zhuzhzi* and *julchi*. (Pseudonym of Chingizhan and name of Zhuzhzhion have no meaning in Mongolian language).

For the 800-years history the book drew attention of many experts, however it is poorly studied from the point of view of linguistics, especially Turkic. Meanwhile, it is a valuable source of Turkic languages lexicon of that period. Actually, if not consider Turkic names met in it, etnonyms and other words, one can note, that they are closer to ancient Turkic, rather than to modern Mongolian language. For example, *Idil - Itil, Idel (Volga), Erdishi - Irtysh, Urgenchi - Urgench, Otarar - Otrar, Bukar - Bukhara*; names of Turkic clans and tribes - *karlu'ut - karluki, kanlin - kangli, kibcha'ut - kipchak, badzhigid - Bashkir, ujud - Ugurs*; personal names *Zhalaliddin, Melik, Otchigin, Buri buha*; ranks: *soltan, bek, idikut, shadanit, tegin, mirgen, mergan, jurga, kora hara, arhi, arok, jil, tarhon, ulus, jarguchi judge* (this word is not used in this sense now).

Names assimilated in Mongolian language have great value. *Belgutaj - belgili toy* (marked stallion). *Munlik, menglik* (the suffix *lik* has Turkic origin) - marked, with a mole, *alakush-jigitkuri - olakush jigitkuri, kudas-kalchin - mad, altan-ashik - oltin oshik*, here the word «oltin» more then meaning of «enamored» also means «a gold cap». *Кучулук-хан, jedi-tuglik - etti tuglik, inachi-belgikhan, Sangum - ancient Turkic military ranks. Elkut - in this word both parts - el and kut have semantic value. El buha - let's examine this word part by part el and, especially - buha. It has not only known to us meaning (buka - bull), in an antiquity this word was used in meaning of «palvan», «strong». Bujruk hon means «to make an order». Mongolian language concerns to the family of Turkic languages and consequently there are hundreds of generic Turkic words in it.*

For example, *archa - arsha, tuja - shamshal, argamzhi - argamdzhi, arkan - arkon* (cord), *ingirchak - egarcha, umrov* (small saddle), *hatin - Khotin* (woman), *kann - kon* (blood), *buha - kuchli, polvон* (strong, plavan), *sal - sol* (put, enclose), *tabishkon - tovushkon, kutuk - kutluk* (various kinds of a Turkic word *kut*, etc.).

A special attention in the book is deserved with the word *zangi*. It is still widely used as in Mongolian (meaning «head of a kin»), and in other languages, and means - *a part, pride, basic rod of a vineyard*. In this sense word *Zantupati* is used in «Avesta». *Zantu* means a head of a kin, *pati* - падре.

This word is conformable with a word «Zangiota». *Zangiota* is differently treated, both as *Koraboboj*, and as *hindu habash zangi*. Considering that in Uzbek language *zangi* means a head of a kin, the person possessing the deepest knowledge and authority the word «zangiota» is quite logical.

ЎЗБЕКИСТОННИНГ СУҒОРИШ ТАРИХИДАН

Дастлабки сув чиқариш қурилмаси оддий чигир (чархпалак) бўлган. 3000 йил муқаддам қадимги дунёнинг илғор мамлакатларида суғориш каналларига сув кўтариб беришда, энг оддий сув тегирмонларининг тошини айлантиришда чигирдан фойдаланилган. Бухоро, Хоразм вилоятларида ҳозир ҳам олис аждодларидан деярли фарқламайдиган бундай жўн қурилмаларни учратиш мумкин.

Ўзбекистон ҳудудидаги сув тегирмонлари ҳақидаги маълумотлар илк ёзма манбаларда, кейинчалик эса XIV-XV асрларга оид ҳужжатларда учрайди.

Савдо капитали ва майда хунармандчилик саноати мустақамланган Уйғониш даврида механик кучга эҳтиёж туғилди. Бу қувватнинг асосий манбаи оқар сувнинг кучи бўлиб, темирчилик, жун титиш ва бошқа соҳаларда кенг қўлланилган. Тарихий манбаларда сув двигателларининг қурилиш усуллари тавсифланиб, содда, жўнгина суратлар ва чизмалар билан таъминланган. Гидроқурилмалардан бири чигир ёрдамида ҳаракатланадиган сирғалувчи насос станцияси эди.

Механик кучга бўлган эҳтиёжнинг ўсиб бориши ўз навбатида чигирларни тақомиллаштиришни тақозо қиларди. 1750 йили ихтирочи Сегнер, кейинчалик унинг номи билан аталган чархпалакни қурганида реактив принцип асосида ишловчи сув турбинасини яратиш ғояси туғилди. Сегнер қурилмаси анча вақтгача шунчаки бир кизикарли физик асбоб бўлиб қолаверди, холбуки унинг ишлаш принципини Д.Бернулли 1730 йилдаёқ назарий жиҳатдан асослаб берган эди.

Суғоришнинг қадимги давр тизимидан ўрта асрлар тизимига ўтиши суғориш тизимларининг суғориловчи майдонлари коэффицентини оширишга ҳам имкон берди. Жумладан, Чарманёб канали хавзасидаги суғориладиган умумий майдон 25-30 минг га бўлса, шундан 10-12 минг гектарига бир вақтда ишлов бериларди.

Ўрта асрлар ирригация техникасининг ютуқларидан бири сув кўтариб берувчи қурилма иншоотларни ихтиро қилиш бўлиб, улар IX-XI асрларда, айниқса, Хоразм воҳасида кенг қўлланилган. Амударё дельтаси ва одоғидаги текислик шароитида чигирлар қўлланилиши техник жиҳатдан бағоят муқаммал эди: сув сарфиёти суғоришнинг сув ўзи оқадиган усулига нисбатан 30-50 фоиз кам бўлган, ер ботқоқлиниши ва шўрланиши хавфи анча камайган, суғориш тармоғини тозалаш ишларининг ҳажми қисқарган, ирригация иншоотлари банд этган ернинг умумий майдони камайган. Ва, айна пайтда, экин экиш учун ажратилган суғориладиган майдондан фойдаланиш коэффицентини камида икки марта ошган.

Ўрта асрлар ирригацияси, айниқса, гидротехникаси ривожда математика, хандаса илмларидаги ютуқлар катта роль ўйнади, бу эса ўрта асрлар ирригаторларига каналлар қурилиши усуллари ишлаб чиқишга имкон берди.

Ўрта аср буюк математиги ва астрономи Мухаммад ибн Мусо Хоразмийнинг «Китоб ал-жабр вал муқобала» («Тиклаш ва қарши қўйиш китоби») китобининг сўзбошида унинг оддий математикаси «хилма-хил ҳисоб-китоблар қилишда ёки ерни ўлчаш, канал қазитиш ва бошқа барча нарсаларда зарур

Олег ГЛОВАЦКИЙ,
Сурайё УМАРОВА

бўлгани» ҳақида ёзади. VIII аср охири ва, айниқса, X-XII асрлар мобайнида математиклар, астрономлар ҳамда ирригаторларнинг ўзига хос мактабини яратган ўрта осийлик олимларнинг фаолияти ниҳоятда фаоллашди. Хоразмлик буюк олим Беруний «Осори ал-бокия» («Қадимги авлодларнинг ёдгорликлари») асарида сув манбаларининг жойлашуви, сунъий фавворалар, шунингдек, суғориш каналларини қиялик бўйлаб ўтказиш ва нишабликлар тўғрисида ёзади. Абу Абдуллох Хоразмий эса ўзининг «Мафотих ал-улум» («Илмлар қалити») дугатида Марв воҳаси ирригацияси ва ирригацион техникасига махсус боб бағишлаган.

Ўрта асрлардаги суғориш тармоғининг шохобчаланиб кетган асосий каналлари ўз ҳолича ва сув олувчи бош иншоотлари билан биргаликда узунлиги 100 км дан 150 км гача бўлган улкан ва мураккаб суғориш тизимидан иборат эди. Чунончи, ўрта асрлардаги Чарманёб каналининг умумий узунлиги Хоразмнинг чап соҳилида 150 км га, ўртача кенглиги 8-12 м га етган. Ўрта асрларда Чарманёб каналининг узунлиги 100 км ли қисмидаги тупроқ ишлари ҳажми 1 млн дан кам бўлмаган. Майда суғориш тармоғи қурилишида ҳам тахминан шунча ҳажмдаги тупроқ қазиб олинган. Шунча ишни 12-14 мингта ер қазувчи 50 кун мобайнида бажариши мумкин эди. Кенг қўламдаги бу суғориш тизими каналини тозалаб туриш учун ҳар йили 5-6 минг кишининг меҳнати керак бўлган.

XX аср бошларида Ўзбекистон ҳудудида кам қувватли нефть двигателларидан узатма орқали ишлайдиган бор-йўғи 130 та майда насос қурилмалари бор эди. Сув кўтариб берувчи асосий қурилмалар, асосан, сув кучи билан ишловчи қадимги чигирлардан иборат эди.

1930 йилдан бошлаб трактордан олинган узатма ёрдамида энг оддий насос қурилмалари яратилиб, муқим насос станциялари қурилди.

1939-1946 йиллари Ўрта Осиё ирригация илмий-тадқиқот институти (САНИИРИ) ўтказган тадқиқотлар Ўрта Осиё шароитлари учун очиқ сув манбаларидан сув олишга мўлжалланган пропеллерли горизонтал насосларни яратишга имконият яратди.

Мазкур насослар битта ўқ ва трактор двигатели билан боғланган бўлиб, сув сўриб олувчи ва босимли қувурлар мажмуаси орқали етказиб берилган, бу ҳол эса уларни қўллашни анча осонлаштирган.

1941 йилгача Чирчиқ дарёси хавзасида гидроэлектростанциялар тармоғининг барпо этилиши насос станциялари учун электр қувватидан фойдаланган ҳолда машина ёрдамида суғоришнинг ривожланиши учун шарт-шароит яратди. 1950 йилдан бошлаб, Сирдарё ва Фарҳод ГЭСи, кейин Қайроққум электростанцияси қурилиши якунланганидан сўнг Ўзбекистон ҳудудида электрлаштирилган насос станциялари қурилиши ялпи тарзда бошланиб кетди.

Бундай турдаги станцияларга биринчи бўлиб Ўзбекистонда асос солинган (Бухоро вилоятида мамлакатда дастлабкилардан ҳисобланувчи Олот насос станцияси 1961 йилдан бери ишлаб турибди), бу ерда МДХ да энг йирик, сув кўтариб бериш бўйича дунёда энг улкан насослари бўлган Қарши магистрал канали (КМК)нинг насос станциялари тармоғи ишлаб турибди. Сурхондарё вилоятида Шеробод насос станциясидаги насослар сувни барча ўқли насослар учун рекорд бўлган баландлиқ – 30 м гача кўтариб беради.

Қарши ва Жиззах чўлларида ишлаб турган капсулани электр насослари илк марта ўзлаштирилди. Сув сарфиёти 200 м³/с гача борадиган, мураккаб гидротехник иншоотлари бўлган, ноёб насос станциялари тармоқларидан иборат йирик машина каналлар қурилиши, сервус дарёлар оқимини кам сувли дарёлардан Зарафшон, Шерободдарё, Қашқадарё, Сурхондарё, Исфайрам ва бошқаларнинг куйи оқимларидаги суғориладиган йирик массивларга ўтказиш имконини берди.

ИЗ ИСТОРИИ ИРРИГАЦИИ УЗБЕКИСТАНА

Первым механическим двигателем было простейшее водяное колесо. Более 3000 лет назад в передовых странах древнего мира водяное колесо применялось для подъема воды в оросительные каналы и для вращения жерновов примитивных водяных мельниц. В Бухаре, Хорезме можно увидеть подобные сооружения, мало отличающихся от своих далеких предков.

Упоминания о водяных мельницах на территории Узбекистана встречаются в ранних письменных памятниках, а в документах XIV-XV вв. становятся все более частыми.

В эпоху Возрождения, когда окрепли торговый капитал и мелкая ремесленная промышленность, возникла потребность в механической силе. Главным источником энергии оставалась сила текущей воды и применялась она в кузнечном, шерстобитном и других промыслах довольно широко. В исторических источниках описываются способы устройства водяных двигателей, снабженных наивными рисунками и чертежами. Одной из гидроустановок являлась плавучая насосная станция, приводимая в действие водяными колесами.

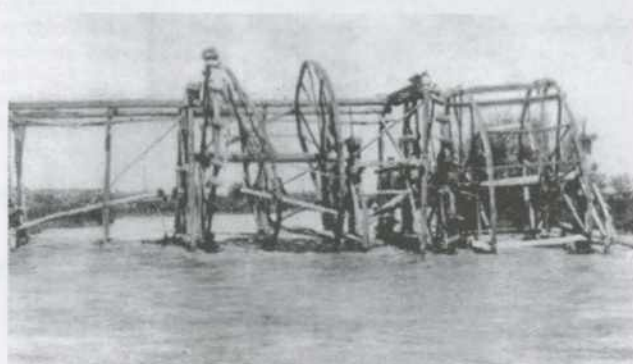
Растущая потребность в механической силе торопила совершенствование водяных двигателей, и идея устройства водяной турбины, действующей на основе реактивного принципа, возникла в 1750г., когда Сегнер построил колесо, получившее его имя, но оставшееся только интересным физическим прибором, т.к. теоретическое обоснование принципа сегнерова колеса было дано Д.Бернулли ещё в 1730 г.

Переход от античной системы орошения к средневековой позволил увеличить также коэффициент поливной площади оросительных систем. Так, общая площадь орошения в бассейне канала Чермен-Яб была 25-30 тыс.га, из них 10-12 тыс.га возделывались одновременно.

Одним из достижений средневековой ирригационной техники было изобретение водоподъемных сооружений, которые широко применялись в IX-XI, особенно в Хорезме. Применением чигирей (водоподъемные колеса) в равнинных условиях поймы и дельты Амударьи было в техническом отношении наиболее совершенным: расход воды был на 30-50% меньше, чем при самотечном способе орошения, значительно уменьшалась опасность заболачивания и засоления земель, сокращался объем работ по очистке оросительной сети, уменьшалась общая площадь земель, занятых ирригационными сооружениями, и в то же время коэффициент использования орошаемой площади для посевов увеличился не менее чем в два раза.

В развитии средневековой ирригации, особенно гидротехники, большую роль сыграли достижения в математике, геометрии (хандаса), что позволило средневековым ирригаторам разработать способы трассировки каналов.

Выдающийся средневековый математик и астроном Мухаммад ибн Муса Хорезми в предисловии к книге «Китаб ал-джабр вал мукабала» («Книга восстановления и противопоставления») писал, что его простая математика была нужна «при разных вычислениях или когда необходимо измерение земли, рытье каналов и для всяких других вещей». С конца VIII в. и особенно в X-XII вв. отмечается активная деятельность среднеазиатских ученых, создавших особую школу математиков, астрономов и ирригаторов. Выдающийся хорезмийский ученый Беруни в книге «Памятники минувших поколений» говорит о расположении водных источников, об искусственных фонтанах, а также о прокладке и уклонах оросительных каналов по косоугору. Абу-Абдаллах Хорезми посвятил специальную главу в своем словаре «Мафатих ал-Улум» («Ключи наук») ирригации и ирригационной технике Мервского оазиса.

Средневековые магистральные каналы с ветвистой конфигурацией оросительной сети в плане и головными водозаборными сооружениями представляли собой огромную и сложную систему орошения протяженностью от 100 до 150 км. Так, общая длина средневекового канала Чермен-Яб (левобережный Хорезм) достигала 150 км, а средняя ширина 8-12 м. Объем земляных работ на средневековом участке канала Чермен-Яб протяженностью 100 км был не менее 1 млн. м³. Примерно такой же объем грунта был вынут на строительстве мелкой оросительной сети. Эту работу могли выполнить 12-14 тыс. землекопов за 50 дней. Для очистки канала этой обширной оросительной системы нужен был ежегодно труд 5-6 тыс. человек.

С 1930 г. XX в. на территории Узбекистана насчитывалось всего 130 мелких насосных установок с приводом от маломощных нефтяных двигателей, основные водоподъемные установки представляли собой древние чигири, приводимые в действие в основном течением.

С 1930 г. широко создавались простейшие насосные установки с приводом от тракторов, строились стационарные насосные станции. Исследования, проведенные САНИИРИ в 1939-1946 гг., позволили создать для условий Средней Азии пропеллерные горизонтальные насосы, рассчитанные на водозабор из открытых источников.

Указанные насосы на одной оси соединялись с тракторным двигателем и поставлялись с комплектом всасывающих и напорных труб, что значительно облегчало их применение.

Сооружение до 1941 г. в бассейне Чирчика каскада гидроэлектростанций создало условия для развития машинного орошения с использованием электроэнергии для насосных станций. С 1950 г. после завершения строительства на Сырдарье Фархадской, а затем Кайраккумской гидроэлектростанций, на территории Узбекистана началось массовое строительство электрифицированных насосных станций.

Тип таких станций впервые основан в Узбекистане (одна из первых в стране – Алатская НС в Бухарской области, работающая с 1961 г.), здесь эксплуатируется крупнейший в СНГ каскад насосных станций Каршинского магистрального канала (КМК) с крупнейшими в мире по подаче насосами. В Сурхандарьинской области работает Шерабадская НС, где насосы поднимают воду на рекордную для всех осевых насосов высоту (до 30 м). Впервые были освоены капсульные электронасосы, работающие в Каршинской и Джизакской степях. Строительство крупных машинных каналов с уникальными каскадами насосных станций с расходами до 200 м³/с и сложными гидротехническими сооружениями позволили перебросить сток многоводных рек на крупные орошаемые массивы в низовьях маловодных рек Зарафшан, Шерабадары, Кашкадары, Сурхандары, Исфайрамская и др.

FROM THE OF IRRIGATION OF UZBEKISTAN

The first mechanical engine was a power-driven water wheel, just a hydraulic motor spun by a flood of water. More than 3000 years ago in the developed countries of the ancient world the water wheel was used to lift the water into irrigation canals and to rotate the millstones of primitive water mills. In Bukhara and Khorezm one can see similar structures that differ very little from their ancestors.

References to water mills in the territory of Uzbekistan can be met in the early written records, and in the documents of the 14th-15th centuries they appear more frequently.

At the time of the Renaissance, when commercial capital and small handicraft industry strengthened, there arose a need for mechanical power. The main source of energy remained the power of running water and it was used pretty often in forge, wool-carding and other industries. Historical sources describe devices with water engines equipped with naive paintings and drawings. One of the hydro-devices was a floating pumping station powered by water wheels.

Growing demand for mechanical power facilitated upgrading of water engines, and the idea of a water turbine unit operating on a basis of the reactive principle occurred in 1750 when Segner constructed a wheel named after him but which remains only an interesting physical device, theoretical basis of the Segner wheel principle was given by D. Bernoulli in 1730.

Transition from the ancient to the medieval system of irrigation also increased the ratio of irrigated area and irrigation systems. Thus, the total area irrigated in the basin of the canal Chermen-Yab made 25-30ha, of which 10-12 hectares were cultivated simultaneously.

One of achievements of the medieval irrigation technology was invention of water-lifting facilities widely used in the 9th-11th centuries, especially in Khorezm. Usage of chigir (water-lifting wheels) in the plains, floodplains and deltas of the Amu Darya was technically the most perfect: the water consumption was 30-50% less than in the gravity flow method of irrigation, the risk of water-logging and soil-salinity significantly reduced, the cleaning of irrigation network reduced too, the total area of land occupied by irrigation works lessened as well, and at the same time, the utilization rate of irrigated area of crops grew for at least two times.

Achievements in mathematics and geometry (khandas) played a great role in development of medieval irrigation, especially hydro-technique, which allowed medieval irrigators to work out the ways of channel tracing.

An outstanding medieval mathematician and astronomer Mukhammad ibn Musa Khorezmy in the preface to his book «Kitab al-Jabr Val Mukabala» («Book of Restoration and Contrast»), wrote that his simple mathematics was needed «for various calculations or when you needed to measure the land, to dig canals and for all sorts of other things». Starting from the end of the 8th century, especially in the 10th-12th centuries, there intensified the activity of the Central Asian scientists who created a special school for mathematicians, astronomers and irrigators. A prominent Khorezmian scientist Beruny in his book *The Monuments of the Past Generations* tells about location of water sources, about artificial fountains, as well as about the lining and slopes of irrigation channels on hill-sides. Abu-Abdallah Khorezmy devoted a special chapter in his dictionary «Mafatih al-Ulum» («Keys of Sciences») to irrigation and irrigation equipment of the Merv oasis.

Medieval main canals with a branched configuration of the irrigation network in terms of parent and intake facilities represent

a huge and complex system of irrigation from 100 to 150km long. So, the total length of the medieval canal Chermen-Yab (left bank Khorezm) reached 150km and its average width made of 8-12m. The volume of excavation in the medieval section of the channel Chermen-Yab 100km long was not less than 1ml.m³. Approximately the same amount of soil was excavated at the construction of a minor irrigation network. This work could be done by 12-14 thousand diggers in 50 days. Clearing of the channel of this extensive irrigation system annually required the work of 5-6 thousand people.

By the beginning of the twentieth century, in the territory of Uzbekistan, there were in total 130 small pumping units driven by weaker oil engines, the basic devices of water-lifting were ancient chigirs powered mostly by water-stream.

Since 1930, there were widely created simple pumps driven by tractors, and stationary pumping stations were built. By 1941 the capacity of pumping stations reached 6 th.l.s., tractor pumping units – 14 tys.l.s., and tractor plants irrigated 70% of the entire area of machine irrigation, in 1943 – up to 87%, and in 1947 – up to 90%.

The researches held by the SANIIRI in 1939-1946 allowed to create horizontal propeller pumps designed for water withdrawals from open sources for the conditions of Central Asia.

These pumps were on one axis combined with a tractor engine and came with a set of suction and pressure pipes, which greatly facilitated their use. Serial production of these plants was established in Uzbekistan since 1950.

Construction to 1941 in the basin of the river Chirchik the cascade hydropower stations created conditions for development of lift irrigation with use of electricity for pumping stations. Since 1950, after completion of construction of the Farkhad and then Kayrakkum hydropower plants on the Syr Darya, active construction of electrified pumping stations started in the territory of Uzbekistan.

This type of stations was first established in Uzbekistan (one of the first in the country - Alat PS in the Bukhara region operating since 1961), here is operating the largest in the CIS a cascade of pumping stations of the Karshi main canal (KMC) with the largest pumps in the world. The Surkhandarya region operates the Sherabad PS where the pumps lift the water to the record height for all axial pumps (up to 30m). For the first time were assimilated the capsular pumps working in the Karshi and Jizzakh steppes. Construction of large machine channels with unique cascades of pumping stations with consumption of up to 200 m³/s and with complex hydraulic structures allowed to transfer the abundant flow of the rivers to the large irrigated tracts in the lower reaches of the shallow river of Zarafshan, Sherabaddarya, Kashkadarya, Surkhandarya Isfayrimsay and others.

НАМАНГАН ХАТТОТЛАРИ

Аҳмад УБАЙДУЛЛОХ

XVIII асрнинг охири ва XIX асрда Наманган Қўқон хонлигининг маданий ҳаёт, санъат ва адабиёт равнақ топган йирик шаҳарларидан бирига айланди. Бу даврлардаги наманганлик хаттотлар мактаб ва мадрасаларда асосий дарслик сифатида ўқитиладиган китоблардан ташқари дунёвий ва адабий асарларни ҳам кўчирганлар. Китоб кўчириш жараёнида улар араб ёзувларининг насх, таълик, сулс, шикаста, настаълик, райхоний ва бошқа турларини қўллаганлар.

Наманган худудида «Қуръони Карим» нусхалари асосан «наسخи жолӣй» (йўғон насх) ёки сулс хатида кўчирилган. Ислоҳ қонуншунослигига доир фикрий китоблар ва адабий асарлар эса, асосан, настаълик ҳамда насх ёзувларида битилган. Мирзо Абдулқодир Бедил девонининг аксар нусхалари эса «шикаста» хати усулида кўчирилган.

Хаттотлар кўчирилган китобларнинг айримларида ёзиб тугатилган йили, оий, жойи ва ўзларининг исмлари ҳақида маълумот берсалар, баъзи бир қўлёзмаларда бундай

маълумот умуман учрамайди. Жумладан, «Мавлавий шариф»нинг котиби ўзи ҳақида маълумот бермасдан, уни куйидаги сўзлар билан тугатган: «Дар тарихи сана 1256-1840 йил милодий будки ин нухса ала яди заъийфин-нахийфи, дар мадрасаи хиштин тамом шуд». Таржимаси: «Бу китоб 1256 (милодий 1840 йил) тарихли йилда заиф ва кўримсиз банда қўли билан мадрасаи хиштинда ёзиб тугатилди».

Ҳозирда Ўзбекистон Фанлар академияси Абу Райхон Беруний номидаги Шарқшунослик илмий-текшириш институти ва бошқа фондларда наманганлик хаттотлар томонидан ёзилган куйидаги китоблар мавжуд: Мулло Тошфулод Намангоний кўчирган «Маслак ул-муттакийн», Мулло Худойберди Намангоний кўчирган «Шархи рисолаи Муиззий», Мулло Абдулвахҳоб котиб кўчирган «Жомеъ ур-румуз, Шархи аврод, хазинат ул-асрор, Ашъори Бедил, Фикҳи акбар», Мухаммад Юсуф ибн Имодуддин Ахсикатий кўчирган «Шарофуддин Ҳанафий», Иброҳим ибн Юсуф бин

КАЛЛИГРАФЫ НАМАНГАНА

В конце XVIII и в XIX вв. Наманган был одним из крупнейших городов Кокандского ханства с развитой культурой, искусством и литературой. Наманганские каллиграфы занимались переписыванием не только книг, используемых в качестве учебников в школах и медресе, но и светских художественных произведений. В процессе работы они применяли методы «наسخ», «таълик», «сулс», «шикаста», «настаълик», «райхоний» арабской вязи.

На территории Намангана экземпляры Корана переписывались, в основном, в стиле «наسخи жолӣй» (толстый насх) или сулс. А богословные книги исламского правоведения и художественные произведения переписывались методом «настаълик» и «наسخ». Большинство произведений Мирзо Абдулқодира Бедили переписаны методом «шикаста».

В отдельных книгах каллиграфы в конце приводили некоторые сведения, например, дату и место, где была переписана книга, указывали свое имя. Так, в книге «Мавлавий Шариф», каллиграф не внес никаких сведений о себе, но оставил запись: «Эта книга переписана в историческом 1256 году в медресе хиштин слабым и неприглядным человеком».

В настоящее время в фондах Института востоковедения АНУз им. Беруни, в других научно-исследовательских институтах, в музеях хранятся книги, переписанные наманганскими каллиграфами. Например, это «Маслак ул-муттакийн», переписанная Мулло Абдуллох бин мулло Тошфулод Намангани, «Шархи рисолаи Муиззий», переписанная Мулло Худойберди Намангани, сборник «Жомеъ Ур-румуз, Шархи аврод, хазинат ул-асрор, Ашъори Бедил, Фикҳи Акбар», переписанный Мулло Абдулвахҳобом, брошюра «Шарофуддин Ҳанафий», переписанная Мухаммадом Юсуфом ибн Имодуддином Ахсикати, произведение «Рисолаи Неъматуллох ал-Бухорий ар-Ревгарий», переписанное Иброҳимом ибн Юсуфом бин Имодуддином Ахсикати, «Алишер Навоийнинг терма девони», переписанное мулло Мухаммадом Тохир ибн Усто Барот Намангани, произведения Алишера Навои «Хазоин ул-маоний», переписанное Мухаммадом Олимом ибн Охунд домло Мухаммадшарифом Намангани, «Хазоин ул-маоний интихобий», переписанное мулло Мухиддином бин мулло Гонихонхожи Намангани.

В первой половине XIX в. в Намангане жил каллиграф Мухаммад Рахим Тепакургони. Он родился в кишлаке Тепакурган, учился в одном из медресе города и был известным ученым и каллиграфом своего времени. Мухаммад Рахим бин Дарвеш Али Тепакургони переписал известное во многих странах мира уникальное произведение «Далоили хайрот». Эта работа составлена Одним Мухаммадом бин Мулло Мир Окилом Коратегином. Дарвеш Али Тепакургони переписал его двумя методами каллиграфии на двух языках. Текст произведения написан на арабском языке методами «наسخ» и «настаълик». Комментарии на персидско-таджикском языке жирным («жалӣй») методом «настаълик».

В книге 174 листа, 343 страницы, на каждой по 13 строк. Каждую страницу Мухаммад Рахим обрамлял красным цветом, а внутри талантливо размещал текст. В конце книги каллиграф приводит сведения о себе: «По велению Аллаха, эта книга написана в священный месяц рамазан 1265 года одним из скромных, слабых рабов божьих, жителем наманганского кишлака Тепакурган Мухаммадом Рахимом бин Дарвешем Али Тепакургони». Далее каллиграф приводит бейт о том дне, когда было завершено написание книги: «Благодаря постоянному божественному благочестию в четверг завершил написание этой книги». Следом написано обращение к читателям книги:

«Надеюсь на благословение каждого читателя,
Потому что я один из грешников».

Книга оформлена узорами, обрамлена красным цветом и вложена в художественную обложку. Каллиграф Мухаммад Рахим завершил написание книги в 1822-1842 г., в годы правления кокандского хана Мухаммада Алихана. Известно, в тот период на территории ханства наманганские ученые занимали ведущие позиции в области науки. Здесь жили и творили Хазрат Зокирходжа Зокири, Мавлави Намангани, Фазли Намангани, Мухаммад Аминходжа Мунши Косони, и вместе с ними – Мухаммад Рахим бин Дарвеш Али Тепакургони.

CALLIGRAPHERS OF NAMANGAN

In countries where Islam limited fine arts, the calligraphy became a source of wonderful compositions combined with geometric and floral patterns, and common writing became a model of beautiful and high art.

The native from the Fergana Valley, in particular, of the Namangan region, who did a very difficult job – they perfectly copied works giving them a form of a book, take a worthy place in the art of calligraphy in Central Asia.

Calligraphers were the representatives of science and enlightenment, which is why the Namangan calligraphers were not mere copyists of books but also educators and famous figures of science and culture. While rewriting the book they would sometimes change, if necessary, the idea and content of the work.

In the late 18th and 19th centuries, Namangan was one of the largest cities of the Kokand Khanate with developed culture, art and literature. Namangan calligraphers were engaged in rewriting not only of books used as textbooks in schools and medrese but also of secular works of art. In the process of work they used different methods such as «naskh», «talik», «suls», «shikasta», «nastalik», «raikhoni» of the Arabic ligature, at the same time they applied their thin and thick writing.

In the territory of Namangan the copies of the Koran were rewritten mainly in the style «naskhi zholy» (thick naskh) or «suls». And theological books of the Islamic jurisprudence and reading books were rewritten in the style «nastalik» and «naskh». Most of the works of Mirzo Abdulkodiy Bedil were rewritten in the style «shikasta».

At the end of some books, calligraphers gave some information such as date and place where the book was rewritten include the copyist's name. Thus, in the book «Mavlavy Sharif», the copying of which was completed in 1256 of hidjra in the Namangan medrese «Madrasai gishtin», the calligrapher did not provide any information about himself but left a message: «This book is rewritten in the historic year of 1256 at the medrese hishtin by a weak and unattractive man».

Nowadays, the funds of the Institute of Oriental Studies named after Abu Raykhan Beruni of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, other science and research institutions, and museums stores books rewritten by the Namangan calligraphers. For example, they are «Maslak ul-muttakiyn» rewritten by Mullo Abdulkhob bin mullo Toshfulod Namangani in 1217 of hidjra, «Sharhi risolai Muizy» rewritten by Mullah Khudoyberdi Namangani in 1882, a collection «Jome Ur-rumuz, Sharhi avrod, khazinat ul-asror, ashori bedil, Fiikki Akbar» rewritten by Mullah Abdolvakhob, the pamphlet «Sharofuddin Khanafi» rewritten by Mukhammad Yusuf ibn Imoduddin Akhsikati in 1604, the book «Risolai Nematulloh al-Bukhori ar-Revgari» rewritten by the calligrapher Ibrokhim ibn Yusuf bin Imoduddin Akhsikati in 1652, «Alisher Navoiyning terma devoni» rewritten by Mulla Mukhammad Tokhir ibn Usto Barot Namangani, the works of Alisher Navoi «Hazoin ul-maoni» rewritten by the calligrapher Mukhammad Olim ibn Okhund domlo Mukhammadsharif Namangani, «Hazoin ul-maoni» rewritten by mullo Mukhiddin bin mullo Gonikhkhochi Namangani in the late 19th century.

The calligrapher Mukhammad Rakhim Tepakurgoni lived in Namangan in the first half of the 19th century. He was born in the village Tepakurgon, studied in the city medrese and was a famous scholar and calligrapher of his time. Mukhammad Rakhim bin Darvesh Ali Tepakurgoni rewrote a unique piece «Daloiioi hayrot» known in many countries of the world. This work was composed by Odin Mukhammad bin Mulloh Mir Okil Korategin. Darvesh Ali Tepakurgoni rewrote it with two methods of calligraphy in two languages. The text of the work is written in Arabic in the styles «naskh» and «nastalik». The comments are given on the Persian-Tajik language in bold («zhaly») method «nastalik».

The book contains 174 sheets, 343 pages, each of 13 lines. Mukhammad Rakhim framed each page in red, and delicately placed the text inside. At the end of the book the calligrapher provides some details about himself: «By the command of Allah, this book is written in the holy month of Ramadan in 1265 by one of the humble, weak slaves of God, a resident of the Namangan village Tepakurgon, Mukhammad Rakhim bin Darvesh Ali Tepakurgoni. Next the calligrapher brings the bait about the day when he finished writing the book: «Thanks to the constant divine piety, on Thursday I completed the writing of this book». Then there follows an appeal to readers of the book:

«I hope for the blessing of each reader
Because I am one of the sinners».

The book is decorated with designs, framed in red and enclosed in the artistic cover. The year the book was written is 1265 of hidjra. It means that the calligrapher Mukhammad Rakhim finished writing the book in 1822-1842 during the rule of the Kokand Khan Mukhammad Alikhan. It is known that during that time in the Namangan Khanate, scientists held leading positions in the field of science. Khazrat Zokirhodzha Zokiri, Mavlavi Namangani, Fazli Namangani, Mukhammad Aminkhodzha Munshi Kosoni, and together with them Mukhammad Rakhim bin Darvesh Ali Tepakurgoni lived and worked here.

Имодуддин Ахсикатий кўчирган «Рисолаи Неъматуллоҳ ал-Бухорий ар-Ревгарий», Мулло Муҳаммад Тоҳир ибн Усто Барот Намангоний кўчирган «Алишер Навоийнинг терма девони», Муҳаммад Олим ибн Охунд домло Муҳаммадшариф Намангоний кўчирган Алишер Навоийнинг «Хазоин ул-маоний», Мулло Муҳиддин бин Мулло Фанихонхожи Намангоний кўчирган Алишер Навоийнинг «Хазоин ул-маоний интихобий» асарлари сакланмоқда.

XIX асрнинг биринчи ярмида Наманган худудида яшаб ўтган хаттотлардан бири Муҳаммад Раҳим Тепакўрғонийдир. У Наманган шаҳридаги мадрасалардан бирида ўқиган, ўз замонасининг етук олими ва хаттоти бўлиб етишган.

Муҳаммад Раҳим бин Дарвеш Али Тепакўрғоний дунёнинг кўплаб мамлакатларида кенг тарқалган Одина Муҳаммад бин Мулло Мир Оқил Қоратегиний тузган «Далоили ҳайрот» номли асарнинг мўъжаз ва мухтасар нусхасини юксак дид ва икки хил хат санъати билан кўчирган.

Асарнинг матнлари араб тилида бўлиб, хаттот уларни насх ва настаълиқ – аралаш хат турида, форс-тожик тилидаги шарҳларини эса нозик ва гўзал настаълиқ хатининг жалий (йўғон) усули билан кўчирган.

Китоб жами 174 Ҳараф, 343 бетдан иборат, ҳар бир бетга 13 қатордан матн ёзилган. Матнларни ёзишдан аввал қоғоз бетига қизил рангли ҳошиялар чизилган бўлиб, матнлар унинг ичига маҳорат билан жойлаштирилган. Салавоатлар ва дуолар араб тилида бўлганлиги учун уларнинг форс-тожик тилидаги шарҳлардан ажралиб туришини маъқул топган хаттот арабча матнлар устига қора ранг берган. Хаттот китоб охирида ўзи ҳақида маълумот бериб шундай дейди: «Аллоҳнинг инояти бирла, унинг ҳузурдаги муқаррам муворак бўлган рамазон ойида, хижратнинг 1265 йилида, ушбу нусха улуг Аллоҳнинг амали оз, нусхонлари кўп, заиф бандаларидан бири, Наманган қишлоқларидан бири бўлган Тепакўрғон фуқароси Муҳаммад Раҳим бин Дарвеш Али Тепакўрғоний қўли билан ёзиб тугатилган». Сўнг котиб китоб ёзиб тугатилган кун ҳақида бир байт келтиради:

*«Доймо сергак ва уйгоқ худонинг тавфиқи билан
бу китоб чоршанба куни ёзиб тугалланди».*

Сўнгра китобни ўқийдиган кишиларга:

*«Ҳар ўқигувчидан дуо умидим бор,
Чунки, ман бир бандай гуноҳқорман».* –

деб хитоб қилади.

Мазкур китоб жимжимадор нақшлар билан безатилган, қизил ранг билан сайқал берилиб, зийнатланган муқова ичига олинган. Муҳаммад Раҳим мазкур асарни 1265/1822-1842 йилларда ҳукмронлик қилган Қўқон хони Муҳаммад Алихон даврида ёзиб тугатган. Маълумки, бу даврларда ҳонлик худудида илму фанни ривожлантиришда наманганлик олимлар етакчи ўринларда туриб фаолият кўрсатганлар. Ўша пайтларда илми ва фазилати билан шуҳрат таратган Ҳазрат Зокирхожа Зокирий, Мавлавий Намангоний, Фазлий Намангоний, Муҳаммад Аминхожа Мунший Косоний каби қатор олимлар, шоирлар қаторида Муҳаммад Раҳим бин Дарвеш Али Тепакўрғоний ҳам бўлганлиги эътиборлидир.

Табиийки, наманганлик хаттотлар томонидан кўчирилган ноёб асарлар илм ахли учун энг муҳим таянч манба вазифасини ўтайди.

АХСИКЕНТ

Иброҳим ЮСУПОВ,
Эркин МИРЗААЛИЕВ

Фарғона водийсидаги қадимий шаҳарларнинг ҳар бири ўзининг бетакрор тарихига эга. Бу борада қадимги Фарғона пойтахти Аҳсикент тарихи диққатга сазовор. Унинг харобалари Тўрақўрғон ва Жомашўй орқали ўтган Наманган – Фарғона йўлининг икки томонида, Сирдарёнинг ўнг соҳили бўйлаб чўзилиб кетган баланд тепаликлар кўринишида ётибди. Халқ уни Эски Аҳси деб атайди. Бу ёдгорликнинг маданий қатламларида Фарғона халқларининг 2,5 минг йилга яқин ҳаёти ва маданиятига оид бебаҳо маълумотлар берувчи тарихий обидалар яширинган.

Аҳсикентда стационар равишда археологик тадқиқотлар ўтказиш асосан олтинчи йилларда академик Яҳё Фуломов раҳбарлигида олиб борилди.

Тадқиқот натижаларига кўра, Жомашўйдан Наманганга бориш йўлининг чап томонида жойлашган антик даври ёхуд қулдорлик даври Аҳсикенти деб аталган қисми милоддан аввалги III ва милодий VI асрларга тааллуқли экани аниқланди. Аҳсикент ёш жихатдан Афросиёбга тенгдош шаҳар экани маълум бўлди.

Марказий Осиёнинг бошқа йирик шаҳарлари сингари Аҳсикентда қалъа, шаҳристон ва рабод бўлган. Милодий X–XI асрларга келиб, унинг майдони 400 га етган.

Қазишма ишларидан қалъа мустаҳкам мудофаа иншоотлари билан ўраб олингани ва унинг энг пасти маданий қатламлари милоддан аввалги III – II асрларга оид экани маълум бўлди. Қалъа деворлари паҳса ва хом гиштдан қурилган бўлиб, минг йиллар давомида мудофаа ҳолатини йўқотмаган, вақти-вақти билан таъмирлаб турилган, баъзида эса бутунлай қайтадан қурилган.

Бу борада айниқса, қалъадан шимоли-шарқда 35 га дан зиёдрок майдонни эгаллаган шаҳристон диққатга сазовордир. Ундан хозирги кунларда 25 га дан кўпроқ жойи сақланиб қолган.

В.Тарн ва Пуллейбланк 1930-1960 йилларда Хитой манбаларини таҳлил қилиб, Фарғона (Даван) давлатининг соҳиблари кўчманчи қабилалардан бўлган, деган фикрни олға сурган эдилар. Фарғонанинг сиёсий ҳаётидаги бу ўзгариш милоддан аввалги I асрнинг 90-йилдан милодий I асрнинг 23-йилгача бўлган давр ичида юз берган. Шу даврда Фарғонанинг бош пойтахти Эрши Гуйшуань деб номланган бўлиши мумкин. Демак, Пуллейбланк бу ерда ҳақ бўлиб чиқади, яъни маълум бир вақтда Юечжи (Гуйшуань – Кушон) қабилаларига оид гуруҳ Фарғона давлати тепасига келган.

Милодий I асрларга келиб Фарғона водийсининг дарё ва сой ҳавзаларидаги унумдор ерлар тўлиқ ўзлаштирилган, яъни

деҳқончилик кенг ривожланган. Шу билан бирга, халқаро савдо алоқаларининг кенгайиши, кўп тармоқли ҳунармандчиликнинг жадал ривожланиши, қончиликнинг тезкорлик билан ўсиши шаҳар маданиятини гуллаб-яшнашига олиб келган. Аҳсикент сингари пойтахт шаҳарлар эса ҳар томонлама ривожланган.

Буюк Ипак йўли орқали хилма-хил товарлар, жумладан, ипак матолар, қимматбаҳо тошлар, олтин ва қумуш буюмлар, дори-дармонлар ва ранг-баранг бўёқлар, тулпорлар, ажойиб қушлар, мевалар ва ҳар хил ичимликлар олиб ўтилган. Тили ва диний эътиқодлари ҳар хил бўлишига қарамай, Ўрта Осиё, жумладан, Фарғона халқлари ёнма-ён, тинч-тотув ҳаёт кечирганлар.

VIII аср – IX асрнинг бошларида Аҳсикент араб йилномаларида «Фарғона» деб номланган, яъни пойтахт шаҳар водий номи билан аталган. Илк араб йилномаларидан ҳисобланган ат-Табарийнинг «Пайгамбарлар ва подшоҳлар тарихи» асарида (VIII асрнинг бошлари) Фарғона водийсининг 5 та шаҳри тилга олинади: Хўжанд, Косон, Боб, Кубо, Фарғона. Унда Фарғона шаҳри ҳақида тўлиқ маълумот берилган.

Ибн Ҳордадбех ўзининг «Йўллар ва давлатлар» асарида, VIII асрнинг охири IX асрнинг бошларида Боб билан Кубо шаҳарлари орасида Фарғона шаҳри жойлашганини ёзиб, унинг аниқ координатларини беради. Унинг ёзишича, Боб ва Фарғона шаҳарлари орасидаги масофа 4 фарсах, Кубо шаҳригача эса 10 фарсах бўлган. Агар бир фарсахни 8 км га тенг деб олсак, унда Бобдан Фарғона шаҳригача 32 км, Фарғонадан Кубогача 80 км ни ташкил этади.

Аҳсикент сингари пойтахт шаҳарлар янги ташкил топган Сомонийлар давлати ривожига муҳим роль ўйнаган. Аҳсикент марказлашган Сомонийлар давлати (IX–X асрлар) даврида Фарғона водийсининг сиёсий, ижтимоий ва иқтисодий маркази сифатида гуллаб-яшнаган. Бу ҳолат Қорахонийлар даврида ҳам давом этган. Аҳсикентнинг XI–XII асрларга оид маданий қатламларида бир неча кўча ҳам аниқланди. Улар шаҳарнинг шимолий ва шарқий дарвозаларига, марказий бозорга ҳамда темирчи, мисгар, заргар, баққол ва савдогар маҳаллаларига олиб боради.

Ёзма манбаларга кўра, Аҳсикент шаҳрининг бош бозори шаҳристонда бўлган. Буни археологик изланишлар тасдиқлади. Аниқланишича, Марказий бозор ўзининг савдо расталари билан ташқи шаҳристоннинг шимоли-шарқидида жойлашган бўлиб, икки гектардан зиёд майдонни эгаллаган.

Биринчи Шаҳристон ҳудудида арки аълонинг шарқий томонида X–XII асрларга оид жомеъ масжиди топиб ўрганилди. У тўртбурчак шаклида, ички қисмида айланасига айвони бўлган. Айвон ўз даврининг мохир усталари томонидан ясалган ажойиб устулар билан безатилган. Масжид ҳовлисининг ўртасида тўртбурчак шаклида ҳовуз бўлган, ҳовуз қирғоқлари ва масжид ҳовлиси пишиқ гишт билан безтилган. Ҳовуз атрофига дарахтлар экилган.

Шуни алоҳида таъкидлаш жоизки, иккинчи (ташки) шаҳристоннинг куйи қатламларида илк темир даврига (милоддан аввалги IX–VIII асрлар) оид топилмалар кўлга киритилган. Бу, албатта, Аҳсикент тарихининг, қолаверса, бу ҳудуддаги суғорма деҳқончилик тарихининг яқин уч минг йилга тенг эканлигидан гувоҳлик беради. Иккинчи шаҳристон ҳудудининг тўққиз жойида зилол сувли ҳовузлар топилиди. Араб сайёҳларининг ёзишича, бу ҳовузларнинг қирғоқлари жуда чиройли қилиб безалган ва сув олиш учун маҳсус зинапоялар ёрдамида тушилган.

Шаҳристон ҳудудида темир ва мис эритадиган маҳсус печлар, ҳунармандларнинг устахоналаридан эса металл тоблайдиган ўчоқлар ҳам топилиди. Аҳсикент устахоналарида

курилиш ва ҳўжалик учун ишлатиладиган оддий металл буюмлардан тортиб, то эгилса ҳам синмайдиган, тошга солса кесадиغان Дамашк қиличи номи билан машҳур Ахсикент қиличи ва ханжарлари тайёрланган. 2001 йили хунармандлар маҳалласидан шундай қимматбаҳо қурооллардан бирининг олтин суви юритилган дастасининг кичик парчаси топилди. Бундай кескир қиличлар махсус эгилувчан ва ўта мустаҳкам пўлатдан тайёрланган. Ахсикент хунармандлари ўша вақтларда пўлатнинг эгилувчанлигини ошириш усулларини яхши билишган, лекин буни қаттиқ сир сақлашган.

Шуни алоҳида таъкидлаб ўтиш лозимки, Ахсикент шахрига 14-15 км масофада Косонсойдан ер ости водопроводи орқали сув олиб келинган. Шарқ томонда дегрезлар ва темирчи усталар маҳалласининг ёнгинасида, шахристоннинг шарқий дарвозаси рўпарасида X–XII асрга оид ҳаммом ҳам бўлган. Унинг деворларида сақланиб қолган расм қолдиқлари диққатга сазовор. Хоналарнинг деворлари 200 йил давомида 50 мартача нам ва сувга чидамли махсус қоришмалар билан сувалгани маълум бўлди.

XI асрга келиб Қорахонийлар давлати даврида сиёсий пойтахт Ахсикентдан Ўзгандга кўчирилган. Лекин археологик мабдаларнинг гувоҳлик беришича, Ахсикент XI–XII

асрларда ҳам аввалгидек, Фарғона водийсининг иқтисодий маркази бўлиб қолаверган.

Эски Ахси харобаларидан топилган сирланган сопол идишларнинг баъзиларидаги қуфий ёзувли битикларни ўқиш мумкин. Баъзиларига эса афсонавий ва йирткич хайвонлар ҳамда хонака қуш тасвирлари туширилган. Ахсикент хунармандлари бу даврда сирли сопол идишларни безаш ва сирлаш борасида ўзига хос мактаб яратилган. Бунинг маҳсули бўлган ажойиб нақшинкор идишларнинг намуналари Париждаги Лувр давлат музейида сақланмоқда.

XII асрнинг бошларида Ахсикент мўғуллар томонидан вайрон қилинган. Юқорида тилга олинган водопровод, саройлар, жомеъ масжиди бузиб ташланиб, Ахсикент усталари эса, қул қилиб Мўғулистонга олиб кетилган.

Темурият Темурийлар замонига мансуб бўлган Ахсикент шахри янги ерда, Эски Ахси ёдгорлигидан 5,6 км шимол-ғарбда, ҳозирги Яққайитиш қишлоғи ўрнида қад кўтарган. Бу шахарнинг харобалари ҳозир халқ орасида Янги Ахси номи билан юритилади.

Янги Ахси ҳудудида жойлашган Ахсикент XVII асрнинг ўрталарида бўлган қучли ер қимирлаш натижасида вайрон бўлган. Шундан сўнг, Наманган Фарғона водийсининг пойтахт шахарларидан бирига айланиб, тарих саҳифасига кирди.

АХСИКЕНТ

Начиная со II в. до н.э., в китайских источниках стали появляться сведения о Фергане. В древней Ферганской долине имелось около 70 больших и малых городов. Из них особого внимания заслуживает история древней столицы Ферганы – Ахсикента. Культурные слои этого памятника простираются по обеим сторонам дороги Наманган-Фергана, которая протекает через Туракурған и Жомшуй и на возвышенностях по правому берегу Сырдарьи, хранят почти 2,5-тысячелетнюю историю этого региона. В народе его называют Эски Ахси.

Стационарное археологическое исследование Ахсикента началось, в основном, с шестидесятых годов под руководством акад. Я.Гулямова.

В результате было установлено, что часть Ахсикента античного периода справа от дороги из Жомшуй в Наманган, относится к III–VI вв. н.э., т.е. возраст Ахсикента приравнивается к возрасту Афрасиаба.

В Ахсикенте, как и в других крупных городах Центральной Азии, были крепость, городище и рабат. К X–XI вв. его площадь составляла 400 гектаров.

Крепость была окружена прочным оборонительным сооружением и его нижние культурные слои относятся к III – II вв. до н.э. Стены крепости из пахсы и кирпич-сырца, но на протяжении тысячелетий не утратили оборонительной мощи, временами проводилась их реконструкция, а иногда они перестраивались.

Особого внимания заслуживает городище к северо-востоку от крепости, занимавшее более 35 гектаров. В настоящее время сохранились постройки более чем на 25 гектарах.

В 1930-1960 гг. В.Тарн и Пуллейбланк на основе китайских источников, предложили версию о том, что правители государства (Давань) происходили из кочевых племен. Подобные преобразования в политической жизни Ферганы происходили с 90-х годов I в. до н.э. до 23 г. I в. н.э. Возможно, в это время столичный город Ферганы назывался «Эрши Гуйшуань». Следовательно, Пуллейбланк прав, в определенное время выходцы племени Юечжи (Гуйшуань – Кушан) возглавляли государство Фергана.

K I в. н.э. были полностью освоены плодородные земли в бассейнах рек и водоемов Ферганской долины, т.е. уже тогда было развито земледелие. Вместе с тем, развитие международных торговых связей, многоотраслевого ремесленничества, ускоренное освоение горного дела привело в культурному процветанию края. Во всех отношениях развивались и столичные города типа Ахсикента.

Из Ферганы по Великому шелковому пути провозились самые разнообразные товары – шелк, драгоценные камни, золотые и серебряные изделия, лекарственные средства, красители, породистые кони, редкие птицы, фрукты и напитки. Несмотря на различие языков и вероисповеданий, народы Средней Азии, в частности Ферганы, проживали в мире и согласии.

В арабских хрониках VIII-нач. IX вв. Ахсикент упоминается

АХСИКЕНТ

Since II century B.C., in Chinese sources data on Fergana to appear. In ancient Fergana valley there were about 70 big and small cities. Among them a special attention is deserved a history of ancient capital of Fergana - Akhsikent. Cultural layers of this monument reach on both sides of Namangan-Fergana road which runs through Turakurgan and Zhomsuj, as well as for heights on the right coast of Syr-Darya River. They keep almost 2,5 thousand-year history of this region and were called by people as Eski Ahsi.

Stationary archeological research of Akhsikent began, basically, since the 60-s under direction of academician. J.Guljamov.

As a result it has been established, that a part of Akhsikent of the antique period on the right side of the road from Zhomsuj to Namangan concerns to III-VI centuries B.C., i.e. the age of Akhsikent is equated to the age of Afrasiab.

In Akhsikent, as well as in other large cities of the Central Asia, there was a fortress, a site of ancient settlement and rabat. To X-XI centuries its area made 400 hectares.

The fortress was surrounded by strong defensive works and its bottom cultural layers concern to III - II centuries B.C. Walls of the fortress were made of pasha and brick-raw, but during millennia have not lost defensive power, time to time they were reconstructed, and sometimes they were rebuilt.

A special attention deserves a site of ancient settlement to northeast from the fortress which occupied more than 35 hectares. Now structures on more than 25 hectares were kept.

In 1930-1960 V.Tarn and Pulleblank on the basis of Chinese sources, suggested a version that governors of the state (Davan) originated from nomad tribes. Similar transformations happened in the political life of Fergana since 90-s of I century B.C. up to the 23rd year of I century A.D. Probably, at this time the capital of Fergana was called as «Ershi Gujshuan». Hence, Pulleblank was right, during certain time natives of Juechzhi tribe (Gujshuan - Kushan) headed Fergana state.

под названием «Фаргона», столица именуется именем долины. В работе «Пайгамбарлар ва подшолар тариhi», которая считается одной из первых арабских хроник (нач. VIII в.), упоминаются 5 городов Ферганской долины: Ходжент, Косон, Боб, Кубо, Фергана. Полные сведения приводятся о городе Фергана.

В работе «Йуллар ва давлатлар» («Дороги и государства») Ибн Хордадбех пишет, что в кон. VIII – нач. IX вв. между городами Боб и Кубо располагался город Фергана и приводит его точные координаты: между Бобом и Ферганой расстояние составляло 4 фарсаха, а до города Кубо 10 фарсахов. Если считать, что один фарсах равен 8 км, то путь от Боба до Ферганы составлял 32 км, от Фергоны до Кубо – 80 км.

Столичные города типа Ахсикента играли важную роль в развитии сформировавшегося государства Саманидов. В IX–X вв. Ахсикент был политическим, социальным и экономическим центром Ферганской долины. Это продолжалось и в эпоху Караханидов. В культурных слоях Ахсикента XI–XII вв. обнаружены несколько улиц к северу и востоку города, к центральному рынку.

В письменных источниках указывается, что центральный рынок Ахсикента располагался в самом городище. Археологическими изысканиями установлено, что этот рынок располагался на северо-востоке города и занимал площадь в два с лишним гектара.

В восточной стороне арка на территории первого городища выявлена большая мечеть X–XII вв. Она имела четырехугольную форму, во внутренней части была круговая терраса, украшенная уникальными колоннами. В центре двора мечети был квадратный водоем, его берега и двор мечети были выложены жженым кирпичом. Вокруг водоема были посажены деревья.

В нижних слоях второго (внешнего) городища обнаружены предметы, относящиеся к эпохе железа, что свидетельствует о том, что история поливного земледелия на этой территории исчисляется третьим веком. На территории второго городища обнаружены водоемы, в свое время наполненные чистой питьевой водой. Как пишут арабские путешественники, берега этих водоемов были красиво оформлены и к воде спускались по специальным ступенькам.

На территории городища обнаружены печи для выплавки железа и меди, а в ремесленных мастерских – очаги для закаливания металла. В Ахсикенте изготавливали изделия для домашнего обихода из простого металла, а также известные в свое время острые и прочные мечи и сабли из дамасской стали. Кусок позолоченной рукояти от подобного оружия найден в 2001 г.

Вода в Ахсикент подавалась по подземному водопроводу протяженностью 14–15 км. из Касансая. Напротив восточных городских ворот располагалась баня X–XII вв. Сохранились на ее стенах фрагменты рисунков. Установлено, что стены в бане на протяжении 200 лет до 50 раз штукатурились специальными смесями, стойкими к влаге и воде.

К XI в. в период государства Караханидов политическая столица была переведена в Узганд. Но Ахсикент продолжал оставаться экономическим центром Ферганской долины.

На некоторых керамических сосудах, найденных в развалинах Старого Акси, видны надписи, выполненные методом «куфи», изображения сказочных и диких зверей, домашних птиц. Ремесленники Ахсикента создали своеобразную школу оформления и эмалирования керамической посуды. Образцы таких изделий хранятся в музеях, например, в Лувре.

В нач. XII в. Ахсикент был razoren монголами. Разрушены водопровод, дворцы, мечеть, а мастера Ахсикента угнаны в Монголию.

Ахсикент в эпоху Амира Темура и Темуридов был восстановлен на новом месте, в 5,6 км северо-западнее от развалин Старого Акси, на месте нынешнего кишлака Яккайигит. Развалины этого города в настоящее время в народе называют Янги Акси.

Ахсикент, расположенный на месте Янги Акси, был уничтожен сильнейшим землетрясением в середине XVII в. Позже столицей Ферганской долины становится Наманган.

To I century A.D. fertile lands of the river's basin and reservoirs of Fergana valley were completely developed, i.e. agriculture had been already developed. At the same time, development of international trading communications, diversified workmanship, accelerated development of mining resulted in cultural prosperity of the territory. Also such capitals as Akhsikent developed in every respect.

From Fergana along the Great Silk Road diversified goods like silk, jewels, gold and silver products, medical products, dyes, thoroughbred horses, rare birds, fruit and drinks were taken. Despite of distinction of languages and creeds, people of the Central Asia, in particular Fergana, lived in peace.

In Arabian chronicles of VIII – beginning of IX centuries Ahsikent is mentioned under the name of «Fargona», the capital is called with the same as the valley. In the work «Pajgambarlar va podsholar tarihi» which is considered one of the first Arabian chronicles (beginning of VIII century), 5 cities of Fergana valley are mentioned: Hodzhent, Koson, Bob, Kubo, Fergana. There are full data about Fergana city are brought.

In the work «Jullar va davlatlar» («Roads and states») Ibn Hordadbeh writes, that at the end of VIII - beginning of IX centuries between cities Bob and Kubo there was Fergana city and brings its exact coordinates: between Bob and Fergana the distance made 4 farsahs, and to the city of Kubo there were 10 farsahs. If consider, that one farsah is equal to 8 km, the way from Bob up to Fergana made 32 km, from Fargona up to Kubo - 80 km.

Capitals like Akhsikent played the important role in development of the Samanid's state. In IX-X centuries Akhsikent was political, social and economic center of Fergana valley. It proceeded also during the Karahanid's epoch. In cultural layers of Akhsikent of XI-XII centuries some streets towards to the central market are found out in the north and east of the city.

In written sources it is underlined, that the central market of Akhsikent was settled down in the same site of the ancient settlement. It was archeologically established that this market was settled down in the northeast of the city and occupied the area of 2.5 hectares.

In the east side of an arch on the territory of the first site of ancient settlement a big mosque of X-XII centuries was revealed. It had quadrangular form, in internal part there was a circular terrace decorated by unique columns. In the center of a court yard of the mosque there was a square reservoir; its coasts and the court yard of the mosque were bricked. And around of the reservoir trees were planted.

In the bottom layers of the second (external) site of the ancient settlement some subjects concerning to the iron epoch were found out, which testifies that the history of irrigational agriculture of this territory is estimated at the third century. On the territory of the second site of ancient settlement reservoirs in due time filled by pure potable water were found out. According to Arabian travelers, the coasts of these reservoirs were beautifully decorated and special stairs came into water.

On the territory of the site of ancient settlement furnaces for smelting iron and copper; and in craft workshops furnaces for metal hardening were found out too. In Akhsikent products for house use were made of simple metal, as well as well known in due time sharp strong swords and Damask steel sabres. A piece of gilt handle from the similar weapon was found in 2001.

Water was supplied to Akhsikent from Kasansaj by underground pipelines 14-15 km. long. In the opposite of the eastern city gate there was a bathhouse in X-XII centuries. Fragments of figures were kept on its walls. It was established that during 200 years walls of the bathhouse were plastered up to 50 times by special moisture and water proof mixes.

By XI century during the Karahanid's state the political capital had been moved to Uzgand. But Ahsikent continued to be an economic center of Fergana valley.

On some ceramic vessels found in ruins of Old Ashi, one can see inscriptions, made by «kufi» method, images of fantastic and wild animals, house birds. Handicraftsmen of Akhsikent created an original school of decoration and enameling of ceramic utensils. Samples of such products are kept in museums, for example, in the Louvre.

At the beginning of XII century Akhsikent was ruined by Mongols. The water pipe, palaces and mosque were destroyed, and masters of Akhsikent were brought to Mongolia.

Akhsikent during Amir Temur and Temurid's epoch was restored on a new place, in 5,6 km to the north-west from the ruins of Old Ashi, on the place of present kishlak Jakkajigit. Ruins of that city are named now by people as Jangi Ashi.

Akhsikent located on Jangi Ashi place, was destroyed by a powerful earthquake in the middle of XVII century. Later Namangan became a capital of Fergana valley.

ОТНИЁЗ НИЁЗИЙНИНГ ДЕВОНИ

Дилшод ҒОЙИПОВ

XIX асрнинг иккинчи ярми XX асрнинг бошларида Хоразм адабий мактабининг йирик намояндаларидан Отаниёз Ниёзий шоир, таржимон, мусиқашунос, маърифатпарвар сифатида танилган.

Отаниёз Хўжаниёз ўғли Ниёзий 1844 йилда Хоразм вилоятининг ҳозирги Шовот туманидаги Бўйрачи қишлоғида туғилган. У бошланғич таълимни ўз қишлоғида олгач, Хивага келиб Арабхон мадрасасида диний ва дунёвий билимларни пухта эгаллаб, шу ерда ўн саккиз йил давомида бадий ижод ва илм билан шуғулланади, оҳунлик мақомига эришади, сўнгра Бухорога келиб, етуқ уламолар, фикҳ илми билимдонларидан таълим олади.

Ниёзий фақат илми билан эмас, хушхатлиги билан ҳам доғру таратади. Бундан хабар топган Муҳаммад Раҳимхон (Феруз) уни саройга чорлайди ва ўз девонхонасининг биринчи котиби ва Абдуллоҳон мадрасасига мударрис этиб тайинлайди. «Мажмуаи си шуарои пайрави Ферузшоҳий» тазкирасининг муаллифи Аҳмаджон Табибий эътирофига, «Ниёзий илмда «мулло пурдон», шеърда «фикрати, диккати фаровон», яъни «эркин қаламкаш» бўлган.

Лафасий ҳам ўз тазкирасида Ниёзийнинг шоирлик иқтидорини эътироф этади, «ғазал риштасига гавхарлар» тара олиш маҳоратини таъкидлайди ва унинг таҳаллус танлашини «Ферузнинг мажбурий фармойиши»га боғлайди. Аслида, «ниёз» сўзи ёлвориш, ўтиниш, умид, эҳтиёж, муҳтожлик маъноларини англатиб, шоир таҳаллус танларкан, маънавий ниёзмандлик, муҳтожлиқни назарда тутганки, бунда «мажбурий фармойиш»га ҳеч қанақа зарурият сезилмайди.

У Абдурахмон ибн Ҳасан Жабарутийнинг «Ажойиб ул-осор» асарининг 7, 8, 9-жувларини араб тилидан туркий тилга ўтирган.

Барча маърифат соҳибларидек, Ниёзий ҳам қандай шароитда бўлмасин, халққа зиё етказишни кўзлаган ва Инқилобдан сўнг вафотигача (1928) ўқитувчилик қилган.

Ниёзий ижодий меросининг асосини ўзи тартиб берган шеърый девоннинг турли қўлёзма нусхалари ташкил этади. Кейинги даврда Ниёзий шеърый девонининг яна бир нусхаси билан танишишга муяссар бўлдик. Бу шоирнинг ўғли, машҳур ҳофиз Комилжон Отаниёзов (1917–1975) хонадонидан сақланаётган нусха бўлиб, у муаллифнинг ўзи томонидан тузилган. Қўлёзма фабрика қоғозига наस्ताълик хатида битилган, девоннинг тузилган йили аниқ эмас. Девон 161 бетни ташкил этади. Унда ғазал, мухаммас, мусаддас, таърих ва қасидалар мавжуд.

Ниёзий шеърый девонининг маълум нусхалари бешта бўлгани сабабли, биз шахсий архивдаги қўлёзмани шартли равишда олтинчи нусха деб атадик. Унда шеърлар шарҳ анъанавий девон тузиш тартиби бўйича жойлаштирилган. Девонда 286 ғазал, 32 мухаммас, 5 мусаддас, 12 таърих, 5 қасида мавжуд.

Девонда асосий ўринни ғазаллар эгаллайди. Уларда Навоий, Фузулий, Мунис, Оғахий ғазалларидаги маҳоратдан баҳрамандлик билан бирга, ўзига хос ижодийлик кўзга ташланади. Пароканда ва воқеабанд характердаги бу ғазалларда анъанавий мавзу хусусиятлари сақланган: 1. Ошиқона ғазаллар. 2.Орифона ғазаллар. 3. Риндона ғазаллар.

Девонда ошиқона ғазаллар устувор бўлиб, уларда шоир анъанавий ишқ мавзусига мурожаат этади, ошиқ, маъшуқа ва рақиб образлари орқали садоқат, олижаноблик, инсонийлик каби фазилатларни улуглайди, ишқи ҳақиқий ва ишқи мажозийни мохирона уйғунлаштира олади. Бу ҳолни ёр висоли ошиқни қиёматга қадар бедор этувчи илоҳий туйғу эканини таъкидловчи мисраларда яққол кўрамыз:

Эй сенинг васлинг хаёли бирла бўлган камёб,
Тонг эмасдур, то қиёмат махв қилса хўрду хоб.

Девондаги орифона ғазалларда чуқур донишмандлик, хаёт ва инсон муносабати, риндона ғазалларда эса май тимсоли орқали гўзалликни севиш, таркидунёчилик, бадбинликни қоралаш оҳанглари ифода этилади. Ниёзий мухаммас, мусаддас, таърих ва қасида жанрларида ҳам ўз иқтидорини кўрсатиб, оригинал асарлар ярата олган. Жумладан, мухаммасларнинг асосий қисми тахмислар бўлиб, улар Навоий, Мунис, Оғахий, Феруз, Табибий, Равнақ ва Султоний ғазалларига боғланган.

Таърих жанри намуналари девонда салмоқли ўрин тутди. 286 мисрани ташкил қилувчи бу асарлар тарихий шахслар, йирик воқеалар ва иншоотларга бағишланган бўлиб, ҳар бир таърих 10 дан 42 мисрагача учрайди. Хусусан, Муҳаммад Раҳимхон (Феруз), Саид Исломхўжа, Исфандиёрхон каби тарихий шахслар билан боғлиқ таърихларда даврнинг ижтимоий-сиёсий воқеалари, муҳим факт ва маълумотларнинг бадий талқини акс этади.

Девондаги қасидалар ҳам Ниёзийни бу жанрнинг пешқадам устаси дейишга асос беради. Зеро, қасидаларнинг учтаси Ферузга бағишланган, қолганлари баҳор мадҳи ва панд-насихат мавзусида. Булар қасиданинг ҳар иккала тури – «қасидаи том» ва «қасидаи мужаррада» (тўлиқ бўлмаган қасидалар)нинг мумтоз намуналари бўлиб, шу жанр такомиллигига қўшилган муносиб ҳиссадир.

Ниёзийнинг қўлёзма девонлари нусхаларини батафсил ва ҳолисона тадқиқ этиш, мумтоз шеърятимиз анъаналарини бойитишдаги ўрнини тайин этиш адабий кадрларимизни тиклаш йўлидаги вазифалардан биридир.

ДЕВАН ОТАНИЁЗА НИЁЗИ

Известный представитель Хорезмской литературной школы, поэт, переводчик, музыковед и просветитель Отаниёз Ниёзи жил и творил в конце XIX – начале XX веков.

Отаниёз Хужаниёз угли Ниёзи родился в 1844 г. в кишлаке Буйрачи ныне Шаватского района Хорезмской области. Получив начальное образование в кишлаке, приехал в Хиву и в медресе Арабхана изучал религиозные и светские предметы, и здесь же, на протяжении восемнадцати лет занимался наукой и художественным творчеством, получил звание охуна, а затем, уже в Бухаре, продолжил образование у известных улемов и теологов.

Ниёзи был известен не только своими научными знаниями, но и каллиграфическими способностями. Узнав об этом, Мухаммад Рахимхон (Феруз) призывает его ко двору и назначает первым секретарем своей канцелярии и мудarrisом в медресе Абдуллахон. Как признает автор антологии «Мажмуи си шуарои пайрави Ферузшокий» Ахмаджон Табиби, Ниёзи был «мудлои пурдон» в науках и «фикрати, диккати фаровон» в поэзии, т.е., свободным поэтом.

Поэтический талант Ниёзи признает в своей антологии и Лаффаси, подчеркивая его мастерство и умение «подбирать перлы для газелей», и выбор псевдонима связывает с «распоряжением Феруза». На самом деле, слово «ниёз» означает: просьба, надежда, потребность, и при выборе псевдонима поэт имел в виду личные духовные потребности.

Он перевел с арабского на тюркский язык 7,8,9 части произведения Абдурахмона ибн Хасана Жабарутия «Ажойиб ул-осор».

Ниёзи при любых обстоятельствах занимался просветительской деятельностью, до самой смерти (1928) работал учителем.

Основу творческого наследия Ниёзи составляют рукописи поэтического сборника (дивана). Сведения Ниёзи и его стихотворения встречаются в работах Табиби, Лаффаси и Ходима, в сборниках стихов, составленных в эпоху правления Феруза. Впоследствии обнаружился еще один экземпляр его стихов, составленный автором и хранящийся у сына поэта, известного хафиза Комилжона Отаниёзова (1917–1975). Рукопись написана на фабричной бумаге методом настальки, дата составления сборника неизвестна. Он состоит из 161 страницы. В сборнике есть газели, мухаммасы, мусаддасы, таърих и касыды.

По сравнению с другими рукописями этот экземпляр отличается своим объемом, наличием образов пяти жанров и отдельных арабских полустиший. Рукописи, переписанные различными каллиграфами в период 1906–1910 годов, отличаются друг от друга количеством и порядком стихотворений.

В связи с тем, что известны пять экземпляров поэтических сборников Ниёзи, рукопись, хранящаяся в личном архиве, можно условно назвать шестым, считая, что он более совершенен. Стихотворения в сборнике размещены в порядке традиционного восточного поэтического сборника, в нем 286 газелей, 32 мухаммасы, 5 мусаддасы, 12 таърих, 5 касыд.

Основная часть в сборнике отведена газелям. В них ощущается некое подражание Навои, Фузули, Мунису, Огахи, и вместе с тем заметна и индивидуальность автора. В газелях сохранены основные темы: любовная, хвалебная, шуточная.

В сборнике приоритет отдается любовным газелям, в них поэт посредством образов возлюбленной и соперницы возмечивает чувства верности, благородства, порядочности, талантливо сочетает понятия земной и неземной любви. Это можно проследить в стихах о том, что чувство любви живет во влюбленном до конца жизни.

В хвалебных газелях воспеваются мудрость, сама жизнь и взаимоотношения людей, в шуточных газелях – через описание вина, как некоего символа, отображаются мысли о любви к прекрасному, осуждается пессимизм. Талант Ниёзи проявился и в жанрах мухаммасы, мусаддасы, таърих и касыды, в которых он создал оригинальные произведения. Например, основная часть мухаммасы – это такмисы, связанные с газелями Навои, Муниса, Огахи, Феруза, Табиби, Равнака и Султани.

Большое место в сборнике занимают стихи в жанре таърих. Эти произведения, составляющие 286 полустиший, посвящены историческим личностям, значительным событиям и крупным сооружениям, каждый таърих представляет собой от 10 до 42 полустиший. В частности, таърихи об Мухаммаде Рахимхоне (Ферузе), Саиде Исломхуе, Исфандиёрхоне в художественной форме отображают социально-политические события, важнейшие факты и сведения о той эпохе.

Касыды также дают основания утверждать, что Ниёзи был мастером этого жанра, ибо, три касыды посвящены Ферузу, остальные воспевают весны и затрагивают тему морального наставления. Эти стихи являются классическим образцом двух видов касыд – «касидай том» и «касидай мужаррада» (неполные касыды) и являются достойным вкладом в совершенствование жанра.

Подробное и объективное исследование рукописных экземпляров сборников Ниёзи является одной из задач на пути определения их роли в обогащении традиций классической поэзии, возрождения литературных ценностей.

DIVAN OF OTANIYOZ NIYOZI

A well-known representative of the Khorezm literary school, poet, translator, musicologist and educator Otaniyoz Niyozli lived and created at the end of the 19th – the beginning of the 20th centuries.

Otaniyoz Khujaniyoz oglu Niyozli was born in 1844 in kishlak Buirachi of nowadays Shavat rayon of the Khorezm region. Having received elementary education in the kishlak, he came to Khiva and in Arabkhan's medrese he studied religious and secular subjects, here again, for eighteen years he was engaged in science and art creativity, received a rank of *okhun*, and then, yet in Bukhara he continued his education from the well-known *ulems* and theologians.

Niyozli was known not only for his scientific knowledge but also for his calligraphical abilities. Having learned about it, Mukhammad Rakhimkhon (Feruz) invites him to the palace and appoints him as the first secretary of his office and as a *mudarris* in Abdullakhon's medrese. As the author of the anthology «*Majmuai si shuaro'i pairavi Feruzshokhiy*» Akhmadjon Tabibi states Niyozli was «*mudlo'i pudrom*» in sciences and «*fikrati, dikkati farovon*» in poetry, i.e. a free poet.

Niyozli's poetic talent is also recognized by Laffasi in his anthology emphasizing his skills and ability «to select pearls for gazels», and he connects the choice of the poet's pseudonym with «Feruz's order». Actually, the word «*niyoz*» means: request, hope, need, and when the poet chose the pseudonym he meant his personal spiritual aspirations.

He translated from Arabian into Turkic language the volumes 7,8,9 of Abdurakhmon ibn Khasan Zhabarutia's book «*Ajoib ul-osor*».

Niyozli under any circumstances was engaged in educational activity and continued working as a teacher until his death in 1928.

The manuscripts of Niyozli's poetic collection of divan make the basis of his creative heritage. Niyozli's data and poems can be found in works of Tabibi, Laffasi and Khodim, in collections of the verses compiled during the epoch of Feruz's reign. Later there was discovered another copy of his verses created by the author and stored at the poet's son, a known *khafiz* Komiljon Otaniyozov (1917–1975). The manuscript was written on the factory paper in the style *nasta'liq*, the date of the collection compilation is unknown. It consists of 161 pages. The collection contains *gazels*, *mukhammas*, *musaddas*, *ta'rih* and *kasydas*.

Comparing to other manuscripts, this one differs with its volume, presence of samples of five genres and separate Arabian hemistiches. The manuscripts rewritten by different calligraphers during the period from 1906 to 1910 differ from each other with the number and order of poems.

Since five copies of Niyozli's poetic collections are known, the manuscript stored in his personal archive can be conditionally called the sixth one assuming it is more perfect. The poems in the collection are placed in the order of the traditional oriental poetic collection, there are 286 *gazels*, 32 *mukhammas*, 5 *musaddas*, 12 *ta'rih*, and 5 *kasydas* in it.

The *gazels* take the most part of the collection. One can feel certain imitation to Navoi, Fuzuli, Munis, Ogahi in them and at the same time there is the author's individuality, too. The *gazels* keep the basic themes: love, laudatory, comic.

In the collection the priority is given to the love *gazels*, in them the poet by means of images of a beloved and competitor glorifies the feelings of fidelity, nobleness, decency, and finely combines the concepts of terrestrial and unearthly love. It can also be tracked in the verses that tell the feeling of love lives in the enamored until the end of his life.

Laudatory *gazels* glorify the wisdom, the life itself and interrelations of people, the comic *gazels* – through description of wine as a certain symbol display the ideas of love to the fine and they condemn the pessimism. Niyozli's talent is also shown in the genres of *mukhammas*, *musaddas*, *ta'rih* and *kasydas* in which he created original products. For example, the basic part of his *mukhammas* is *takmis* connected with the *gazels* of Navoi, Munis, Ogahi, Feruz, Tabibi, Ravnak and Sultani.

Great part of the collection is devoted to the verses in the genre *ta'rih*. These are verses that make 286 hemistiches and are devoted to the historical persons, significant events and large constructions, every *ta'rih* represents from 10 to 42 hemistiches. In particular, the *ta'rihs* about Mukhammad Rakhimkhon (Feruz), Said Islomkhuja, Isfandiorkhon in the art form reflect the sociopolitical events, important facts and information about that epoch.

Kasydas also give reasons to state that Niyozli was a master of this genre for his three *kasydas* are devoted to Feruz, the others glorify spring and touch upon the questions of moral education. These verses are the classical sample of two types of *kasydas* – «*kasidai tom*» and «*kasidai mujarrada*» (incomplete *kasydas*) and are the worthy contribution to development of the genre.

Detailed and objective research of the hand-written copies of Niyozli's collections is one of the tasks on the way of defining their role in enrichment of traditions of the classical poetry and revival of literary values.

ИБРОҲИМ ҲАМРОБОВЕВ ИЛМИЙ МАКТАБИ

SCIENTIFIC SCHOOL OF IBRAHIM HAMRABAEV

Ойдинхон БАХТИЁРЗОДА

Among the transit ways which are passed through the territory of modern Uzbekistan, special interest represents so-called «Golden road», connected areas of gold-bearing mines of Altai with Iran and Mesopotamia. Construction of this trans-regional road started at the beginning of the 1st century B.C. At that time on Altai extraction of gold received wide development, which significant part went on export, mainly to southwest Asian countries.

In capital of Bactria - Baktrah there were storehouses of gold reserves of Achemenids' empire. Probably, the Central Asian gold also was stored there.

Later data allow to believe that gold from the Central Asia in Middle Ages was exported to Europe too. In particular, academician Ibragim Hamrabaev identified many gold-bearing deposits which were developed many centuries back.

Analyzing works of ancient Greek historians as Herodotus and Strabon, the scientist wrote, that they mentioned Massagets, living from Aral sea up to Nurata who widely used gold.

Thus, I.Hamrabaev considers that there are bases to believe, that gold was extracted and used on the territory of the Central Asia and Uzbekistan more than 2500 years ago. In the book «Gold of Uzbekistan» («Uzbekiston oltini», Tashkent, 1968) the academician considers various sources-compositions by Abu Iskhak Istahri, Hamdallah Kazvini, Al Mukaddasi, Ibn Sino, Abu Rajhan Beruni, testifying about extraction and use of gold during different historical epoch, including in Ilak, Shash, Karamazar, Sartabutkon, Kurgoshinkon, Akcha, Almalyk, Ahsikent, etc. Studying sources of later time, the scientist referred to the report of Florio Benveni to Peter I about presence of gold mines in the Central Asia, and followed after this expedition of prince Bekovich-Cherkassky (1716), one of which purposes was investigation of gold reserves.

Academician I.Hamrabaev made a discovery of Tamdybulak and Charmitan gold-bearing deposits. And his practical recommendations made grounds for discovery of Muruntau gold-bearing deposits, for what in 1966 he has been awarded the State premium, and for discovery of Charmitan deposit he was awarded by a diploma of «Pioneer of deposits».

According to I.Hamrabaev, gold-bearing deposits in the Central Kyzyl Kum and Nurata region, in Almalyk ore area and Chatkal-Kurama mountains, investigated by the geologist, were developed even in an antiquity. Undoubtedly gold extracted in Uzbekistan were exported both in the form of finished manufactures, and in the form of minted coins (gold dinars). In Middle Ages considerable experience in mining and metallurgy has been accumulated. Depending on environment development of deposits carried out in the various ways: opened and underground (vertical and inclined shafts, galleries, chambers, etc.). Sometimes mountain mining reached enormous sizes, as in Kani Mansur, Kubi Sim, Kani Gut mines. A part of ore was processed on the same place, another was taken out to such cities as Ilak, Shash and Fergana.

Central Asian gold and gold products went to the east by the Great Caravan Road which stretched from China through East Turkestan, Southern coast of Issyk Kul, Sujab, Balasagun, Merke, Kulan, Taraz, Shash, Samarkand, Bukhara, Amnul, Merv, Nishapur, Hamadan to Bagdad, and through Khorezm to the Europe.

I.Hamrabaev made a comparative analysis of dating of the beginning of development of some gold-bearing deposits on the territory of Uzbekistan, studied the historical past of «Golden Road» and its branches.

Gold always was the major exporting product in the economy of our country. And studying of I.Hamrabaev's archive should serve for new opening which will enable to increase economic level of the state.

Ўзбекистон худудидан ўтган транзит йўллар ичида Олтойнинг олтин кони туманларини Эрон ҳамда Месопотамия билан боғловчи «Олтин йўл» деб аталувчи йўл алоҳида аҳамият касб этади. Ушбу трансрегионал йўлнинг шаклланиши милoddan аввалги биринчи минг йилликларга туташади. Бу вақтда Олтойда олтин казиб чиқариш кенг миқёсда амалга оширилаётган бўлиб, унинг асосий қисми биринчи навбатда, Жанубий-Ғарбий Осиё мамлакатларига экспорт қилинган.

Бактриянинг пойтахт шаҳри Бактрда Ахамонийлар империясининг олтин захира омборлари бор эди. Ким билсин, балки у ерда Ўрта Осиё олтинлари ҳам сақлангандир.

Ундан анча кейинги маълумотлардан келиб чиқиб, ўрта асрларда Ўрта Осиё олтини, жумладан, Европага экспорт қилинганлигини тахмин қилиш мумкин. Чунончи, академик Иброҳим Ҳамробоев бир неча асрлар муқаддам ҳаракатда бўлган олтин конларини бир-бирига солиштириш натижасида шундай хулосага келганди.

Қадимги Юнон тарихчилари Геродот ва Страбон асарларини таҳлил қилар экан, олим улар Орол денгиздан Нуротагача бўлган худудда яшаган массагетларни кўп эслатиб ўтишганини ёзади, зеро массагетлар олтинни кўп ишлатардилар.

Шундай қилиб, деб таъкидлайди Иброҳим Ҳамробоев, Ўрта Осиё ва Ўзбекистон худудида олтин казиб чиқариш ва ундан фойдаланиш 2500 йилдан ортиқ вақтдан бери маълум, деб тахмин қилиш мумкин. Академик ўзининг «Ўзбекистон олтини» китобини яратиш жараёнида турли манбалар, яъни Абу Исҳоқ Истахрий, Ҳамидуллоҳ Қазвиний, Ал Муқаддасий, Ибн Сино, Абу Райҳон Берунийнинг асарларини ўрганган, зеро улар Илок, Шош, Қорамозор, Сартабуткон, Қўроғшинкон, Оқча, Олмалик, Ахсикент ва ҳоказо конлардан турли тарихий даврларда олтин казиб олиш ва ундан фойдаланиш ҳақида маълумот берганлар. Ундан анча кейинги даврни тадқиқ қиларкан, олим Флорио

НАУЧНАЯ ШКОЛА ИБРАГИМА ХАМРАБАЕВА

Среди транзитных путей, проходивших через территорию современного Узбекистана, особый интерес представляет так называемый «Золотой путь», связывавший районы золотоносных рудников Алтая с Ираном и Месопотамией. Сложение этой трансрегиональной дороги можно отнести к нач. 1 тыс. до н.э. В это время на Алтае широкое развитие получила добыча золота, значительная часть которого шла на экспорт, в первую очередь, в страны Юго-Западной Азии.

В столичном городе Бактрии – Бактрах были хранилища золотых запасов империи Ахеменидов. Возможно, там хранилось и среднеазиатское золото.

Более поздние данные позволяют полагать, что золото из Средней Азии в средние века шло на экспорт, в т.ч. в Европу. В частности, академик Ибрагим Хамрабаев идентифицировал многие золоторудные месторождения, которые разрабатывались много веков назад.

Анализируя труды древнегреческих историков Геродота и Страбона, учёный писал, что они упоминали массагетов, проживавших от Аральского моря до Нураты, которые широко использовали золото.

Таким образом, считает И.Х.Хамрабаев, есть основания полагать, что золото добывали и использовали на территории Средней Азии и Узбекистана более 2500 лет назад. В своей книге «Золото Узбекистана» («Узбекистон олтини», Ташкент, 1968г.) академик рассматривает различные источники-сочинения Абу Исхака Истахи, Хамдаллаха Казвини, Аль Мукаддаси, Ибн Сино, Абу Райхана Беруни, свидетельствующие о добыче и использовании золота в разные исторические эпохи, в т.ч. в Илаке, Шаше, Кармазаре, Сартабутконе, Кургошинконе, Акче, Алмалыке, Ахсикенте и т.д. Изучая источники более позднего времени, учёный ссылался на доклад Флорио Бенвени Петру I о наличии золотых рудников в Средней Азии, и последовавшую за этим экспедицию князя Бековича-Черкасского (1716г.), одной из целей которой была разведка золотых запасов.

Академику И.Х.Хамрабаеву принадлежит открытие Тамдыбулакского и Чармитанского золоторудных месторождений. А его практические рекомендации содействовали открытию Мурунтауского золоторудного месторождения, за что в 1966г. он был удостоен Государственной премии, а за открытие Чармитанского месторождения диплома «Первооткрыватель месторождений».

По мнению И.Х.Хамрабаева, золоторудные месторождения в Центральном Кызылкуме и Нуратинском регионе, в Алмалыкском рудном районе и Чаткало-Кураминских горах, исследованные геологом, разрабатывались и в древности. Несомненно, добытое в Узбекистане золото шло на экспорт и в виде готовых изделий, и в виде чеканных монет (золотые динары). В средние века был накоплен немалый опыт в горном деле и металлургии. В зависимости от природных условий разработку месторождений осуществляли различными способами: открытым и подземным (вертикальные и наклонные шахты, штольни, камеры и т.д.). Иногда горная выработка достигала колоссальных размеров, как например, рудники Кани Мансур, Кухи Сим, Кани Гут. Часть руды перерабатывалась на месте, другая вывозилась в города Илака, Шаша и Ферганы.

Большим караванным путём, который вёл из Китая через Восточный Туркестан, Южное побережье Иссык-Куля, Суяб, Баласагун, Мерке, Кулан, Тараз, Шаш, Самарканд, Бухару, Амнуль, Мерв, Нишапур, Хамадан в Багдад, шло среднеазиатское золото и золотые изделия на восток, а через Хорезм в Европу.

И.Х.Хамрабаев проводил сравнительный анализ датировки начала разработки тех или иных золотоносных месторождений на территории Узбекистана, изучал историческое прошлое «Золотого пути» и его ответвлений.

Золото всегда было важнейшей экспортосоставляющей экономики нашей страны. И изучение архива И.Хамрабаева должно послужить новым открытиям, которые дадут возможность повысить экономический уровень государства.

Бенвенининг Ўрта Осиёдаги олтин конлари хақида Пётр I га қилган докладига таянади, чунки мазкур докладдан кейин бу ўлкага князь Бекович-Черкасский (1716) экспедицияси йўл олганлигини, унинг асосий максати эса, олтин захиралари хақида маълумот тўплаш бўлганлигини эслатади.

Томдибулок ҳамда Чормитон олтин конларининг очилиши академик Иброҳим Ҳамробоев номи билан боғлиқ. Унинг амалий тавсиялари Мурунгов олтин кони очилишига беvosита ёрдам берди, бунинг учун эса у 1966 йили Давлат мукофотига сазовор бўлди, Чормитон олтин конини очгани учун эса «Коннинг илк кашфиётчиси» дипломи билан тақдирланди.

Иброҳим Ҳамробоевнинг таъкидлашича, Марказий Қизилқум ва Нурота худудидаги, Олмалиқ кон туманидаги ва Чотқол-Қурама тоғларидаги олтин конлари қадимда ҳам ишлатилган. Шубҳасиз, Ўзбекистонда қазиб чиқарилган олтинлар тайёр маҳсулот ҳамда зарб қилинган олтин тангалар (олтин динарлар) холида экспорт қилинган. Ўрта асрларда тоғ иши ва металлургия соҳасида жуда бой тажриба тўпланган. Табиий шароитларга кўра конларни ишлаш турли усулларда амалга оширилган: очик холда ва ер остида (вертикаль ва қия шахталар, штольнялар, камералар ва ҳоказо). Баъзида кон қазилмалари жуда катта хажмда бўларди, масалан, Кони Мансур, Қўҳи Сим, Кони Гут конлари. Руданинг бир қисми коннинг ўзида қайта ишланган, бошқа қисми эса Илок, Шош ва Фарғона шаҳарларига олиб кетилган.

Хитойдан Шарқий Туркистон, Иссыққўлнинг жанубий қирғоғи, Сиёб, Болосоғун, Марки, Кулон, Гороз, Шош, Самарқанд, Бухоро, Амнуль, Марв, Нишопур ва Ҳамадондан Бағдодга катта қарвон йўли орқали Ўрта Осиё олтини ва олтин буюмлари шарққа йўл олса, Хоразм орқали эса, Европага йўналарди.

Иброҳим Ҳамробоев Ўзбекистон худудидаги у ёки бу олтин конининг иш бошлаган вақтларини қиёсий солиштириб, «олтин йўл» ва унинг тармоқларининг тарихий ўтмишини ўрганди.

Олтин ҳар доим мамлакатимиз иқтисодининг экспорт салоҳиятида муҳим ўрин эгаллаган. Иброҳим Ҳамробоев архивини ўрганиш янги кашфиётларни кашф қилишга ва давлатнинг иқтисодий даражасини оширишга хизмат қилиши турган гап.

АРХЕОЛОГ- ШАРҚШУНОС

Феруза БАХРИДИНОВА

Ўлкашунос-олим Василий Лаврентьевич Вяткин 1869 йил 18 августда семиречълик оддий казак хонадониди туғилган. 1894 йили Тошкентда очилган ўқитувчилар тайёрлайдиган семинарияни тамомлагач, Самарқандга ишга юборилган. У ўз тақдирини 1877 йилда ташкил этилган Самарқанд вилояти статистика комитети фаолияти билан боғлади, кўп ўтмай комитетга аъзо қилиб сайланди ҳамда кутубхоначи вазифасини бажара бошлади.

1896 йил 21 июлда Вяткиннинг фаол иштироки ҳамда маҳаллий ўлкашунослар ёрдамида «Самарқанд статистика комитети» музейи очилди.

Бутун куч-гайрати ва билимини Самарқанднинг ўтмишини ўрганишга бағишлаган олимга форс, тожик, ўзбек ва бошқа тилларни билиши археологик кузатишларни қадимий шарқ қўлэмалари, ҳужжат маълумотлари билан боғлаб олиб боришида қўл келди. Вақт ўтиши билан туман тарихий топографияси ва географиясининг мохир мутассадиси бўлиб етишди.

1896-1897 йилларда у Самарқанднинг қадимий ёдгорликлари тўғрисидаги халқ афсоналари циклини нашр этди. 1896 йилда Самарқанддаги айрим меъморий ёдгорликларнинг ёзувларини ўқишга ёрдам берадиган эпиграфик характердаги мақола эълон қилди.

Буюк ўзбек шоири ва мутафаккири Алишер Навоий ижодини ўрганган олим Навоий асарлари, шунингдек, Навоий ҳаёти ва ижоди тўғрисида маълумот берадиган шарқ қўлэмалари рўйхатини тузди. 1898 йили унинг «Туркестанские ведомости» (Тошкент, № 73-79) газетасида «Темурийлар даврида Ҳирот» номли очерки босилди. Очеркда Алишер Навоийнинг Ҳиротдаги фаолияти ҳамда ярим вайронага айланган Ҳирот жомеъ масжиди – шарқ меъморчилиги ёдгорлигини қайта тиклаш ва таъмирлашда алломанинг шахсан иштироки тўғрисидаги маълумотларни келтирган.

Самарқанд ёдгорликларини ўрганишда В.Вяткиннинг таржимонлик фаолияти ҳам қатта аҳамият касб этди. У 1896 йили «Ўтмишдаги Самарқанд ва унинг теварак-атрофи Султон Бобур Мирзо таърифида. «Бобурнома» китобидан таржима» номли асарни нашр этди. 1899 йили эса, XIX асрнинг 30-йилларида ёзилган Мир Абу Тохир хожи Садр Самарқандийнинг «Самария», 1906 йили Имом Абул Фазл Муҳаммад ас-Самарқандийнинг «Кичик Қандия» асарини форс-тожик тилидан рус тилига қисқартириб таржима қилди.

1902 йили унинг «Самарқанд вилоятининг тарихий географиясига доир материаллар» асари босилади. У, шунингдек, XVI аср, жумладан, Шайбонийлар даври

қўлэмалари ва Ўрта Осиёда дарвишлар кўзғолонига доир ноёб шарқ қўлэмаларини (190 жилд, 273 сон) тўплади. 700 га яқин суд ва нотариал характердаги ва самарқандлик қози Мулла Бек Муҳаммад Умар Бийга мансуб бўлган (1588-1591) ҳужжатларни ўз ичига олган XVI аср тўплами айниқса қимматга эга. У Мунис-Огаҳийнинг «Фирдавс ал-икбол», Огаҳийнинг «Зубдат ат-таворих» ва «Гулшани давлат» қўлэмаларини топишга муяссар бўлди.

Ўрта Осиё бўйлаб навбатдаги илмий саёҳати пайтида у (1902) Самарқандга келган буюк шарқшунос олим, профессор Василий Владимирович Бартольд (1869-1932) билан шахсан танишди. Бартольд Вяткиннинг Самарқанд атрофидаги машхур Улуғбек расадхонасини топиш тўғрисидаги истагини маъқуллади. Улуғбек расадхонаси харобаларини қидиришда унга ажойиб хаттот самарқандлик Абу Саид Махзун ёрдам берди.

Вяткин XVII аср вақф ҳужжатларидан бирида «Шифобахш сув» – Обираҳмат ариғи ёнидаги Нақшижаҳон деган жойда «Толе расад», «Расадхона тепалиғи» ҳақида эслатмаларни ўқиб қолди. Ҳужжатларда тилга олинган жойни бориб кўргандан кейин расадхонани топишга ишончи ортиб, қазилар ишларини олиб бориш учун маблағ ажратилишини сўраб ҳукуматга мурожаат қилди.

Кейинчалик олим ўз ҳисоботида шундай ёзади: «Улуғбек томонидан Самарқандда қурилган расадхонани кейинги вақтларга қўлчилик тарихчилар тилга олган бўлса-да, бу тарихий ёдгорликка қизиқиш зўрлиғига қарамай, таърифларга биноан баҳайбат иншоот айнан қаерда жойлашганини аниқ билишмасди... Расадхона жойлашган ерни аниқлашда менинг қўлимга тушган вақф ҳужжатида миннатдор бўлишимиз керак. У бундан қарийб 250 йил илгари ёзилган бўлиб, рўйхатга олинган ер майдонининг чегаралари орасида ҳозирги вақтда ҳам Обираҳмат ариғи ва Нақшижаҳон деган ном билан аталадиган жойда расадхона (Толе расад) тепалиғи тилга олинган эди. Расадхона тепалиғининг ташқи кўриниши, тепалик устининг афтидан сунъий равишда текис майдонча тусини бериш учун салгина ҳайдаб ва тозалаб қўйилганлиги, фишт парчаларининг сочилиб ётиши ва айрим жойларда тупроққа оҳак аралашганидан кул ранг тусга кирганлиги, қачонлардир бу ерда қандайдир иморат бўлганлигини тасдиқлаб турарди. Қазилар натижасида эса бу тахмин тўла тасдиқланди».

Рус Археология жамияти 1910 йил 25 ноябрда «Туркистон археологик бойликларининг таниқли тадқиқотчиси» сифатида ва Улугбек расадхонаси қолдиқларини топганлиги учун олимни машҳур шарқшунос, академик В.Розен номидаги олтин медаль билан мукофотлади.

1912 йили Вяткин Афросиёбда олиб борган қазиш ишлари натижаси ўлароқ шаҳарчанинг ғарбий қисмида, Навбахор дарвозаси яқинида X асрга мансуб орнаментал ганч плита-панеллар билан безатилган катта бино (Сомонийлар саройи)нинг қолдиқларини топди. Келгуси йили худди шу ерда биринчи марта қадимий тасвирий санъатнинг излари топилди. Бу исломгача бўлган қадимий девор тасвирий санъати қолдиқларининг кашф этилиши эди.

Қазиш ишларидан ташқари, Вяткин Самарқанд ва унинг атрофидан катта аҳамиятга эга бўлган тангалар топди. Олим ўрта асрнинг эпиграфик ёдгорликлари, масалан, қайроқи деб аталувчи (бир томонига арабча матн ва рақамлар битилган ҳамда қабр тоши сифатида фойдаланиладиган йирик силлиқ тошлар) ёдгорликларни ўргана бошлади. Бир неча йил мобайнида у кўхна Самарқанд туманида топилган (ҳижрий V-VIII милодий XI-XIV асрларга доир) 250 дан кўпроқ қайроқини рўйхатга олди ва ўқиди.

1918 йилда Регистон майдонидаги Улугбек мадрасасининг шимоли-шарқий бурчагидаги минора иморатнинг асосий қисмидан четга оганлиги маълум бўлди. Минорани қулаб тушишдан сақлаш учун М.Мауер, инженер Б.Кастальский, археолог В.Вяткинлар ташаббуси ҳамда шаҳар советининг моддий ёрдами билан оғаетган минора ўша ҳолида мустаҳкамланди.

В.Бартольднинг сўзлари билан айтганда, Самарқандга археология ва тарихий архитектура соҳасидаги етакчи роль «Туркистон тарихини, шу жумладан, Самарқанднинг қадимги қурилишлари тўғрисидаги маълумотларни дастлабки манбалардан ўрганган туркистонлик арбоблар орасида ягона» киши сифатида Вяткинга мансубдир.

Василий Лаврентьевич 1932 йил 26 июнда вафот этди. Олимнинг васиятига кўра, у тўплаган археологик коллекция (қадимий терракоталар, оссуарий фрагментлари, шиша идишлар, Сомонийлардан Темургача ва Темурийларгача бўлган давр бадиий кулолчилигининг намуналари) Вяткин учун қадрдон бўлиб қолган Самарқанд музейига топширилди, бир қисми эса Давлат Эрмитажга юборилди.

ARCHEOLOGIST-ORIENTALIST

The scientist-ethnographer V.L.Vyatkin was born on August 18, 1869 in the Seven Rivers to the family of an ordinary Cossack. In 1894 after graduating from the Tashkent teacher-training seminary, he was sent to work to Samarkand where the unique historical monuments piqued his interest in the material and spiritual heritage of this city. Vyatkin bound his life to the Committee of Statistics of the Samarkand region established in 1877 a member of which he was elected and in parallel he worked as a librarian.

On July 21, 1896 the Museum of the Samarkand Statistical Committee, which occupied only one room, was opened with the active participation of Vyatkin. And after 15 years, Vyatkin managed to get the building for the museum and create a large section of local monuments.

Knowledge of the Persian, Tajik, Uzbek and other languages helped him to compare the archaeological observations with the oriental manuscripts and sources. Eventually he became a respected expert in the field of historical topography and geography.

In 1896-1897 Vyatkin published a series of folk tales about the ancient monuments in Samarkand. In 1896 he published an article of an epigraphic nature that explained interpretation of several inscriptions on individual architectural monuments in Samarkand.

V.L.Vyatkin compiled a list of works by Navoi and oriental manuscripts, which contain information about the life and work of the poet. In 1898 the newspaper «The Turkestan Gazette» (Tashkent, № 73-79) published an essay by Vyatkin «Herat in the era of the Temurids». Its considerable part is devoted to Navoi's stay in Herat, his participation in

АРХЕОЛОГ-ВОСТОКОВЕД

Ученый-краевед В.Л.Вяткин родился 18 августа 1869 г. в Семиречье в семье простого казака. После окончания в 1894 г. Ташкентской семинарии по подготовке учителей был направлен на работу в Самарканд, где уникальные исторические памятники пробудили его интерес к материально-духовному наследию этого города. Свою судьбу будущий ученый связал с Комитетом статистики Самаркандской области, образованном в 1877 г., членом которого он был избран и параллельно исполнял обязанности библиотекаря.

21 июля 1896 г. при активном участии Вяткина был открыт музей Самаркандского статистического комитета. Знание персидского, таджикского, узбекского и других языков помогало ему сопоставлять археологические наблюдения с восточными рукописями и источниками. Со временем он стал авторитетным специалистом в области исторической

rehabilitation and reconstruction of the unique monument of architecture of the East – the half-ruined great mosque in Herat.

While studying the monuments of Samarkand, V.L. Vyatkin collaborated with the archaeologists as an interpreter. In 1896 he published the book «Ancient Samarkand and its environs described by Sultan Babur Mirzo. Translated from the book «Boburnoma». And in 1899 he translated the historical work of Mir Abu Tokhir khodzha Sadr Samarkandi «Samaria written in the 30s of the 19th century, which described the ancient monuments and places of worship in Samarkand. In 1906 Vyatkin undertook a brief translation of the book of Imam Abul Fazl Mukhammad as Samarkandi «Kichik Candia» – «Small Candia» from the Persian-Tajik language into the Russian.

In 1902 Vyatkin published «The materials on the historical geography of the Samarkand region». This work is the result of his thorough and detailed examination of the vakuf documents and other written sources. Vyatkin collected the 16th-century manuscripts, in particular, those written in the epoch of the Sheibanids, and oriental manuscripts about the insurrection of the dervishes in Central Asia, unique in their importance. The collection of 16th century, which included about 700 judicial and notarial documents of the Samarkand kaziyy Mullah Bek Mukhammad Umar Biy, is of particular value. Vyatkin discovered the manuscripts of Munis Ogakhy «Firdavs al-ikbol», «Zubdat al-tavorikh» and «Gulshani davlat».

During one of the scientific expeditions to Central Asia (1902), Vyatkin met with the scientist-orientalist, Professor V.V. Bartold (1869-1932), who arrived in Samarkand and who supported Vyatkin's desire to find Ulugbek's famous observatory near Samarkand. A great calligrapher Abu Saiid Makhzun from Samarkand helped him in this.

In one of the vakuf (endowment) documents of the 17th century, Vyatkin found mentioning about «Tole rassad», «Rasadhona tepaligi» in the place Nakshizhahon close to the arik Obirakhmat. He appealed to the Government with a request for funds for excavation of the ruins of the observatory of Ulugbek.

As Vyatkin would later write: «Many historians have until recently talked much about Ulugbek's observatory in Samarkand, but despite the great interest in this historic monument, they do not know definitely where this huge structure was located...In finding the location of the observatory, we should be thankful to the vakuf document that I happened to find. It was written almost 250 years ago, among the list of sites it mentioned the hill with the observatory (Tole rassad), located near the arik Nakshizhakhon and the town Obirakhmat, whose names have still been kept. The look of the hill with the observatory, plowed and cleaned surface of the hill which was artificially made to give it a look of flat ground, scattered fragments of bricks and the soil which in places has become the color of ash by mixing with lime cement, show that there once was some kind of structure. This assumption was fully confirmed as a result of excavations made.

топографии и географии. В 1896-1897 гг. издал цикл народных сказаний о древних памятниках Самарканда. В 1896 г. опубликовал статью эпиграфического характера, объясняющую прочтение отдельных надписей на архитектурных памятниках Самарканда.

В.Л. Вяткин составил список произведений Навои и восточных рукописей, в которых содержатся сведения о жизни и творчестве поэта. В 1898 г. в газете «Туркестанские ведомости» (Ташкент, №73-79) публикуется его очерк «Герат в эпоху темуридов», в котором значительное место уделено пребыванию Навои в Герате, непосредственному его участию в восстановлении и реконструкции уникального памятника архитектуры Востока – полуразрушенной большой мечети Герата.

При изучении памятников Самарканда В.Л. Вяткин сотрудничал с археологами в качестве переводчика. В 1896 г. издал работу «Древний Самарканд и его окрестности в описании Султана Бабура Мирзо. Перевод из книги «Бобурнома». А в 1899 г. перевел написанное в 30-е годы XIX столетия историческое произведение Мир Абу Тохира ходжи Садра Самарканди «Самария», а в 1906 г. осуществил краткий перевод с персого-таджикского на русский язык работы Имама Абул Фазл Мухаммада ас Самарканди «Кичик Кандия» – «Малая Кандия».

В 1902 г. Вяткин издал «Материалы об исторической географии Самаркандской области». Эта работа – результат его глубокого и подробного изучения вакуфных документов и других письменных источников. Собрал рукописи XVI в., в частности, написанные в эпоху Шейбанидов, и уникальные по своей значимости восточные рукописи о восстании дервишей в Средней Азии. Особую ценность представляет сборник XVI в., в который вошли около 700 судебных и нотариальных документов самаркандского казие Муллы Бека Мухаммада Умар Бийя. Вяткину удалось обнаружить рукописи Муниса Огахи «Фирдавс ал-икбол», «Зубдат ат-таворих» и «Гулшани давлат».

В ходе одной из научных экспедиций по Средней Азии (1902) Вяткин познакомился с прибывшим в Самарканд ученым-востоковедом, профессором В.В. Бартольд (1869-1932), который поддержал его стремление к поиску в окрестностях Самарканда известной обсерватории Улугбека. В этом ему помогал отличный каллиграф Абу Саид Махзун из Самарканда.

В одном из вакуфных документов XVII в. Вяткин нашел записи о «Толе рассад», «Расадхона тепалиги» в местечке Накшижахон у арыка Обирахмат. Он обратился к правительству с просьбой о выделении средств на проведение раскопок развалин обсерватории Мирзо Улугбека.

Как впоследствии Вяткин напишет: «Многие историки до последнего времени много говорили об обсерватории Улугбека в Самарканде, но, несмотря на большой интерес к этому историческому памятнику, определенно не знали, где расположено это огромное сооружение. В выявлении местонахождения

A narrow trench with a huge sextant («suds») leads to a rocky shell of the earth. The main equipment of the observatory – a sextant – represents parallel-located to each other a bow-looking instrument covered with beautifully treated marble, the Arabic characters on it indicate the degrees. With its help it was possible to observe with non-aided eyes the heavenly bodies and determine the basic astronomical planets. Between the bow-looking construction and the trench there were narrow steps. They are made of burnt bricks. The protractor once rolled or slid along the copper gutters of the sextant». Also other instruments of the observatory were discovered during the excavation works.

On November 25, 1910, the Russian Archaeological Society awarded Vyatkin with a gold medal named after the Academician V.R.Rozen.

In 1912 during the excavations on the Afrasiab ruins at the western part of the city gates Navbakhor, Vyatkin discovered the ruins of a large building (the palace of the Samanids), decorated with ornamental ganch-paneled plates of the 10th century. Traces of ancient art were also found on the same grounds. The finds could not reach our times but they came to us in the artist B.F.Romberg's works. These were the samples of the ancient pre-Islamic wall paintings of Central Asia.

Vyatkin also found ancient coins in Samarkand and its neighborhood. Vyatkin studied the epigraphic monuments of the Middle Ages, for example, kairaks – large smooth stones, on one side of which there was cut out a text in Arabic and the date, they were used as tombstones. During several years he compiled an inventory and deciphered more than 250 kairaks.

Under Vyatkin's leadership there were made pictures of ruins of cities and burial mounds near Samarkand, of a strong high wall on the border of Samarkand which surrounded the villages and was mentioned by Al Fakhir and Al Istakhri, and there was calculated its height.

In 1918, it was found that the minaret at the north-eastern part of the medrese Ulugbek on the Registan Square steps aside a little (heels away) from the main part of the structure. In order to preserve the minaret from falling under the initiative of M.F.Mauer, engineer B.N.Kastalsky, archaeologist V.L.Vyatkin and with financial support from the city council the banked minaret was fixed up.

According to V.V.Bartold, a leading role in the sphere of archeology and historical architecture of Samarkand belongs to V.L.Vyatkin – the only one among the Turkestan activists who carefully studied the history of Turkestan on the original sources and collected the data about ancient construction in Samarkand.

V.L.Vyatkin died on June 26, 1832, according to his will, his archeological collection was gifted to the Samarkand Museum, and some part was sent to the Hermitage.

обсерватории мы должны быть благодарны попавшему мне вакуфному документу. Он был написан почти 250 лет назад, среди списка участков упоминалась возвышенность с обсерваторией (Толе рассада), расположенная в районе арыка Обирахмат и местечка Накшижахон, названия, которых сохранены и в настоящее время. Внешний вид возвышенности обсерватории, вспаханная и очищенная поверхность возвышенности, что искусственно было сделано для придания ей вида ровной площадки, обломки кирпичей и почва, которая местами приобрела цвета золы в результате смешения с известковым цементом, свидетельствуют о том, что здесь некогда было какое-то сооружение. В результате произведенных раскопок это предположение подтвердилось.

25 ноября 1910 г. Русское археологическое общество наградило Вяткина и золотой медалью им. академика В.Р.Розена.

В 1912 г. в ходе раскопок Афрасиаба в западной части города, у ворот Навбахор Вяткин обнаружил развалины большого сооружения (дворец Саманидов), отделанного орнаментальными ганчевыми плитами-панелями X в. На этой же территории были найдены следы древнего изобразительного искусства. Это были образцы доисламского настенного изобразительного искусства.

В Самарканде и его окрестностях Вяткиным были найдены древние монеты. Он изучал эпиграфические памятники средневековья, например, кайраки – большие гладкие камни, на одной из сторон которых высекался текст на арабском языке и дата, они использовались в качестве надгробий. В течение нескольких лет он составил опись и расшифровал более 250 кайраков.

Под руководством Вяткина были сделаны снимки развалин городов и курганов вблизи Самарканда, мощной высокой стены на границе Самарканда, которая окружала кишлаки, упоминаемые Ал Факихом и Ал Истахри, а также произведен расчет ее высоты.

В 1918 г. было установлено, что минарет в северо-восточной части медресе Улугбека на площади Регистан несколько отходит (кренится) от основной части сооружения. В целях сохранения минарета от падения по инициативе М.Ф.Мауера, инженера Б.Н.Кастальского, археолога В.Л. Вяткина и при материальной поддержке городского совета накренившийся минарет был укреплен.

По словам В.В.Бартольда, ведущая роль в области археологии и исторической архитектуры Самарканда принадлежит Вяткину – единственному среди туркестанских деятелей, который изучил по первоисточникам историю Туркестана и собрал сведения о древнем строительстве в Самарканде.

В.Л.Вяткин умер 26 июня 1832 г. Согласно завещанию, его археологическая коллекция была передана Самаркандскому музею, а часть отправлена в Эрмитаж.

ЎРТА АСР ВАҚФЛАРИ

Муҳайё МАҲМУДОВА

XX асрнинг ўрталарида Самарқанддаги шифохона ва Тамғоч Буғрохон мадрасаси ҳақида XI асрда араб тилида тузилган иккита вақф акти топилди. Ушбу ёзма ҳужжатлар Ўрта Осиё, жумладан, XI аср Мовароуннаҳр тарихи ҳамда маданияти учун жуда катта қиммат касб этади.

ЎзР ФА кўлёзмалар жамғармасида О.Д.Чехович томонидан бир неча вақфлар рўйхати топилган.

Искандарияда сақланаётган иккита вақф илк маротаба француз тилига ўгирилиб, 1967 йили М.Хадр ва К.Каэн томонидан чоп этилган. 1951 йили эса мадраса вақфнинг бир қисми XVI асрга оид ҳужжатнинг таркибида топилди, А.А.Семёнов томонидан таржима қилинган эди.

1968 йили инглиз шарқшуноси С.Е.Босворт М.Хадрнинг таржимаси ҳақида айрим мулоҳазалар билдирди.

1971 йили О.Г.Большаков рус тилида юқорида эслатилган иккита вақфнинг қисқача мазмунини эълон қилган бўлса, 1978 йилида Е.А.Давидович Самарқанддаги мадраса вақфи матни нотўғри изоҳлангани тўғрисидаги мақола билан чиқди.

1980 йили О.Д.Чехович дунёнинг турли кўлёма жамғармаларида топилган вақфлар ҳақида қисқача мулоҳазасини айтди.

Шарқшунослар З.Бунёдов ва Т.Ҳасановлар 1994 йили барча билдирилган фикр-мулоҳазаларни ҳисобга олиб, ўша иккита вақфнинг янги таржимасини амалга оширдилар.

XI асрда шифохона ҳамда Тамғоч Буғрохон мадрасасига тааллуқли иккита вақфни ўрганиш тарихи қисқача шулардан иборат.

Иккала ҳужжатнинг формуляри ҳам бир хил. Улардан ҳар бирининг кириш қисмида Тамғочхоннинг барча унвонлари ва айрим фазилатлари санаб ўтилади. Шундан сўнг мулкнинг бир қисмини хайрия сифатида беришга ундаган сабаблар келтирилади, улардан энг асосийси, хоконнинг «у дунёдаги ҳаёти учун гаров, охират кунига захира», яъни у дунёлигини обод қилишга интилишидан иборат. Кейин вақф мулки санаб ўтилади ва унинг

қаердалиги кўрсатилади. Улардан сўнг вақф белгиланган муассасанинг баёни берилди, яъни ходимлар рўйхати ва уларнинг таъминоти учун харажатлар тақсимоти, шунингдек, ушбу актни тасдиқлаш шартлари кўрсатилади. Якуний қисмида вақф ишларини илгаридан келишилган шартларга мувофиқ юритиш учун масъул бўлган қоим ёки мутаваллининг исми эслатилади. Биринчи ҳужжатда акт тузилган санаси кўрсатилган – 458 йил (1066, июнь) ражаб ойи.

Биринчи ҳужжат Самарқандда «Беморлар учун уй» (дарли-л-марда), яъни шифохона ташкил этилишига тааллуқли; афтидан, шунга монанд муассасалар кўпгина шаҳарларда мавжуд бўлган. Шифохона ходимлари табиб, қортик кўювчи, ошпаз ва хизматкордан иборат бўлган. Шифохона қошида, шунингдек, имом билан муаззин ҳам бўлган. Вақф ишларини бошқариш учун муқим ҳам тайинланган. Шифохонани таъминлаш билан боғлиқ сарф-харажатлар, мазкур мақсад учун ажратилган маблағнинг юздан бир қисми миқдориди белгиланган. Шифохона ходимларининг турли вакиллари учун белгиланган қисмлар сони хизматчиларнинг баъзи категориялари меҳнатига ҳақ тўлашнинг маълум бир манзараси ҳақида таассурот ҳосил қилади. Энг катта ойлик (10 қисм) табиб учун белгиланган. Бу ҳатто муқим меҳнати учун ажратиладиган пул миқдоридан ҳам кўп эди, муқим саккиз қисм миқдориди ҳақ оларди. Турли-туман ва энг кўп иш бажарадиган хизматкорга эса беш қисм миқдориди ҳақ белгиланган эди. Ошпаз уч қисм, имом билан муаззин биргаликда уч қисм ҳақ олишарди. Меҳнатга ҳақ тўлашда иккинчи, яъни мадрасага тааллуқли ҳужжат аниқроқ маълумот беради.

Унда мадраса ходимларининг тўлиқ рўйхати ҳамда пул бирлигида йиллик ва ойлик маош келтирилган. Ойига энг катта маош, яъни 300 дирҳам фақих учун белгиланган. Ҳар ойда мадраса толибларига стипендия тарзида тарқатиш учун 1500 дирҳам ажратиларди. Толибларга бериладиган стипендия миқдори унинг дарсларни ўзлаштириши ва тиришқоклигига қараб белгиланарди, шунда ҳам у 30 дирҳамдан ошмаслиги керак эди.

Иккинчи ҳужжатда эса, Самарқандда ўша вақтда муомалада бўлган дирҳамларнинг қиймати кўрсатилган эди. Ҳужжатга қўл қўйилган кунда бир мисқол соф олтин 47 дирҳамга тенг бўлган. Ҳужжатда кўрсатилишича, «агар вақти келиб пул курси ўзгарса, яъни ошса ёки камайса (<...>), унда ушбу ҳужжатда санаб ўтилган ҳар бир модда бўйича янги дирҳам курсига мувофиқ равишда пул тўланади. Яъни ҳужжатга қўл қўйилган кунда (ушбу хайрия учун) Самарқандда муомалада бўлган курс бўйича тўланади».

Иккала вақф ҳам муддатсиз бўлиб: «яъни Оллоҳ унда мавжуд одамлар билан биргаликда ерни ҳам ўз тасарруфига олмагунча эгалик қилишади», деб кўрсатилган. Лекин илова қилинган: агар вақти келиб шифохона ёки мадрасага эҳтиёж бўлмай қолса, ёки улар қайта тиклашнинг иложи бўлмаган

ВАКФЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В середине XX в. были обнаружены два *вакфных* акта, составленные на арабском языке в XI в. на больницу и *мадраса* Тамгач-Бограхана в Самарканде. Эти письменные документы представляют большую ценность для истории и культуры Средней Азии и Мавераннахра XI в.

Найденные *вакфы* хранятся в Александрии (Египетской), несколько списков *вакфа* обнаружены О.Д.Чехович в рукописном хранилище ИВ АН РУз.

Впервые два *вакфа*, хранящиеся в Александрии, были переведены на французский язык и опубликованы М.Хадром и К.Каэном в 1967 г. Ещё до этого, в 1951 г. фрагмент *вакфа* на *мадраса* был найден в составе документа XVI в. и переведен на русский язык А.А.Семеновым.

В 1968 г. английский востоковед С.Е.Босворт опубликовал некоторые замечания по поводу перевода М. Хадра.

В 1971г. О.Г.Большаков на русском языке опубликовал краткое содержание вышеупомянутых двух *вакфов*, а в 1978 г. вышла в свет публикация Е.А.Давидович с замечаниями по поводу его неверной интерпретации *вакфа мадраса* в Самарканде.

В 1980 г. О.Д.Чехович опубликовала краткое замечание по *вакфам*, которые были найдены ею в различных рукописехранилищах мира.

В 1994 г. востоковеды Дж.З.Буниятов и Т.Б.Гасанов осуществили новый перевод двух вышеупомянутых *вакфов* с учетом всех высказанных замечаний.

Такова вкратце история изучения двух *вакфов* XI в. на больницу и *мадраса* Тамгач-Бограхана.

Формуляр обоих документов одинаковый. Во вступительной части каждого перечисляются полная титулатура Тамгачхана и некоторые его достоинства. Далее следуют мотивы, которые побудили его отдать часть своего имущества в качестве пожертвования, основным из них является стремление хакана иметь «залог для загробной жизни, запас на судный день». Затем перечисляется само *вакфное* имущество и указывается его месторасположение. После этого следует описание учреждения, для которого был установлен *вакф*, с перечнем персонала и раскладкой расходов на его содержание, а также условий утверждения данного акта. В заключительной части упоминается имя *каима* или *мутавалия*, который должен вести дела *вакфа* в соответствии с оговоренными условиями. В первом документе указана дата составления акта — *раджаб* 458 г. (июнь 1066 г.)

Первый документ касается создания в Самарканде «Дома для больных» (дар-ли-л-марда), т.е. больницы; подобные, очевидно, уже существовали

даражада яркисиз холга келиб колса, унда мазкур вакфлар камбагал мусулмонларга абадий фойдаланиш учун бўлиб берилди. Лекин ҳужжатда уларни камбагал мусулмонларга бериш ва уларнинг фойдаланиш шакллари аниқлаштирилмаган.

XI–XII асрлардаги Мовароуннахр ижтимоий-иқтисодий аҳволи умумий тарзда ўрганилган. Ерга эгаликнинг у ёки бу шакллари ривожланиши, Қорахонийлар даврида иқтанинг тарқалиш даражаси ва бошқалар Хуросон билан Эрон аналогларига асосланиди, чунки Мовароуннахрда рўй берган воқеаларнинг шу даврга оид ёзма манбалари ҳозирча топилмади. Бизда мавжуд манбалар эса, сиёсий маълумотлар билан чекланган. Ҳаттоки шаҳарларнинг энг оддий тасвирилари ҳам йўқ, холбуки у XI–XII асрлардаги уларнинг ҳолатини таққослаш имкониятини бериши мумкин эди. Шулардан келиб чиқиб, XI асрнинг вакф ҳужжатлари жуда катта аҳамият касб этади, яъни улар аввало XI асрдаги Самарқанд, шунингдек, ўша вақтдаги пул тизими ҳақида талай янги маълумотларни ўз ичига олган.

XX асрнинг 60-йилларида Б.Немцева томонидан Шохизинда мажмуасида олиб борилган археологик тадқиқотлар натижасида XI асрга тегишли мадраса қолдиқлари очилди (XII ва XII–XVII асрлар ёзма манбаларига асосан Кусам мадрасаси номи билан маълум бўлган). Вакфда айнан мана шу мадраса кўрсатилган, унда айтилишича, у Қорахоний ҳукмдор Тамғоч Бугрохон томонидан «Кусам машади» қошида ташкил қилинган. Кусам Машади Шохи Зинда мажмуасининг меъморий ва маърифий асоси бўлиб, XI асрда мемориал ёдгорлик мажмуи сифатида қурилган. Мадраса вакфи ҳамда Кусам мадрасасининг қазилмалари ҳақидаги хабар бир вақтга тўғри келиб қолди. Узунасига ва кўндаланг ўққа ўрнатилган, у ёқдан-бу ёққа ўтадиган айвонли, кириш пештоқли, ховли-айвон композицияли (55 м х 44 м) иморат очилганди. Иморатнинг шарқ томонида квадрат гумбазли йирик бино (дарсхона ёки кутубхона) жойлашган, ғарб томонида масжид жойлашган бўлса керак, деб тахмин қилинмоқда. Масжид атрофида, дарсхонанинг ховлисида (Қуръон ва бошқа фанларни ўрганиш учун хоналар) толиблар учун хужралар жойлашган.

Биринчи навбатда эслатиб ўтилган шифохонанинг ўрни О.Большаков томонидан Самарқанднинг жанубий тарафида, яъни ҳозирги Регистон майдонининг жануби-шарқ томонида деб аниқланган.

во многих городах. Персонал самой больницы состоял из врача, кровопускателя, повара и слуги. При больнице состояли также *имам* и *муэzzин*. А для управления делами всего вакфа назначался *муким*. Расходы, связанные с содержанием больницы и ее персонала, определены в виде установленных частей из ста равных частей, на которые была разделена необходимая для этой цели сумма. Количество частей, установленное для разных представителей персонала больницы, создает определенную картину оплаты труда некоторых категорий служащих. Наибольшая сумма (десять частей) установлена для врача. Это превышало сумму, выделяемую для оплаты даже *мукима*, который получал восемь частей. Для слуги, который должен был выполнять разнообразную и большую работу, назначено пять частей. Три части получал повар и столько же — *имам* и *муэzzин* вместе.

В части оплаты более ясную картину дает второй документ, касающийся *мадрасы*. В нем приведены полный перечень персонала *мадрасы*, годовая и ежемесячная оплата в денежном выражении. Самая большая сумма — 300 *дирхамов* в месяц — установлена для *факиха*. Ежемесячно 1500 *дирхамов* выделялось для распределения среди учащихся *мадрасы* в качестве стипендий. Размер каждой стипендии зависел от успеваемости и прилежания учащегося, но не должен был превышать 30 *дирхамов*, что, по всей вероятности, соответствовало самому низкому прожиточному минимуму одного человека. Сопоставление двух последних цифр позволяет установить, что число учащихся достигало 60–70 (по Дж.З.Бунятову и Т.Б.Гасанову) и 50 (по О.Г.Большакову) человек с учетом того, что некоторые учащиеся могли вообще не получать стипендии, а другие — получали меньше 30 *дирхамов*.

Во втором документе сообщается курс *дирхамов*, которые были в обороте в Самарканде. На день подписания акта он определен равенством одного мискаля чистого золота 47 *дирхамам*. В документе указывается, что «если когда-то изменится курс денег, в сторону увеличения или уменьшения (<..>), то по каждой из перечисленных в этом документе статей выплачивается сумма из новых *дирхамов* в соответствии с новым курсом денег, которые были [в обороте] в Самарканде в день подписания [на это по-жертвование].»

Оба вакфа устанавливались бессрочно или, как указано в документах, «до тех пор, пока Аллах не унаследует землю вместе с теми, кто находится на ней». Но сделана оговорка: если когда-то отпадет нужда в больнице или *мад-расе*, или они придут в такое негодное состояние, что их невозможно будет восстановить, то эти *вакфы* навсегда будут переданы бедным мусульманам. Но формы, условия передачи и использования их бедными мусульманами в документах не уточняются.

VAKFS OF MIDDLE AGE

Two *vakf* acts compiled in Arabic in the 11th century for the hospital and *medrese* of Tamgach-Bograkhan in Samarkand were discovered in the mid 20th century. These written documents are of great value for the history and culture of Central Asia and Mauverannakhr in the 11th century, in particular.

The found *vakfs* are stored in Alexandria (Egypt), several lists of the *vakf* are discovered by O.D.Chekhovich in the manuscript repository ИВ/IV of the Academy of Sciences of Uzbekistan.

The two *vakfs* stored in Alexandria were translated for the first time into French and published by M.Khadr and C.Kahen in 1967. Even before that, in 1951 a fragment of the *vakf* for the *medrese* was found in the document of 16th century and translated into Russian by A.Semenov.

In 1968, an English orientalist S.E.Bosworth published some comments regarding the translation of M.Khadr.

In 1971, O.G.Bolshakov published a brief summary of the above-mentioned two *vakfs* in Russian, and E.A.Davidovich's paper with comments regarding his misrepresentation of the *vakf* for the *medrese* in Samarkand was published in 1978.

In 1980, O.D.Chekhovich published a brief comment on the *vakfs* which she found in various manuscript-storages in the world.

In 1994, the orientalists Dzh.Z.Buniyatov and T.B.Gasanov undertook a new translation of the above-mentioned two *vakfs*. Taking into account all the existing comments.

Such is the brief history of studying the two *vakfs* of the 11th century for the hospital and *medrese* of Tamgach-Bograkhan.

The pre-printed forms of both the documents is the same. Full titulature of Tamgachkhan and some of his merits are listed in the introductory part of the each. Then follow the motives that prompted him to pay part of his property as a donation, the main of which is the khaqan's desire to have «a pledge for the afterlife, the stock for the Judgment Day». Then very *vakf* property is listed and its location is indicated. Then follows the description of this institution, for which the *vakf* was established, with a list of staff and layout of costs for its maintenance, as well as conditions of approval of the act. The final part gives the name of the *kaim* or *mutawalli* who is to be in charge for the *vakf* in accordance with the agreed terms and conditions. The first document indicates the date of concluding the act — *rajab* 458 (June 1066).

The first document is related to establishment of the «House for the sick» (*dar-li-l-marda*) in Samarkand, i.e. hospital; such hospitals obviously already existed in many cities. The staff of the hospital consisted of a doctor, bloodletting man, cook and servant. Also, *imam* and *muezzin* were serving at the hospital. A *mukim* was appointed to administer the affairs of the *vakf*. The costs associated with operating the hospital and its staff are defined in terms of designated parts of hundred equal portions, which the necessary amount for this purpose was divided into. The number of portions assigned to various members of the hospital staff gives a certain picture of remuneration of certain categories of employees. The highest amount (ten portions) was fixed for the doctor. This exceeded even the amount provided for the payment to the *mukim* who received eight portions. For the servant, who was to perform varied and extensive work, five portions were assigned. The cook got three portions, and the same went to the *imam* and *muezzin* together.

The second paper regarding the *medrese* gives a clearer picture in terms of payment. It contains a full list of the staff of the *medrese*, their annual and monthly payment in monetary terms. The largest amount — 300 *dirhams* per month

Социально-экономическая ситуация в Мавераннахре XI—XII вв. изучена лишь в самых общих чертах. Рассуждения о развитии тех или иных форм собственности на землю, степень распространения икта при Караханидах и т. п., основываются на аналогиях с Хорасаном и Ираном, потому что письменных источников, происходящих из Мавераннахра этого времени, пока нет. Все, что мы имеем, ограничивается сведениями о политической истории. Нет даже самых скромных описаний городов, которые позволили бы сравнить их состояние в XI—XII вв. Исходя от этого, *вакфные* документы XI в., имеют большое значение, т.к. содержат массу новых сведений, прежде всего, о Самарканде XI в., а также о денежной системе того времени.

В 60-е годы XX в. на ансамбле Шахи-Зинда в результате археологических исследований Н.Б.Немцевой были вскрыты остатки *мадрасы* XI в. (известного по письменным данным XII и XIII—XVII вв. как *мадраса* Кусамийа). Именно эта *мадраса* указана в *вакфе*, где сообщается, что она была основана караханидским правителем Тамгач Бугра-ханом у «Машада Кусамы». Машад Кусамы является архитектурной и идеологической основой ансамбля Шахи-Зинда и был построен как мемориально-поминальный комплекс в начале XI в. Публикация *вакфа* на *мадраса* и раскопки *мадрасы* Кусамийа совпали по времени. Было вскрыто здание дворово-айванной композиции (55x44м) с входным порталом, сквозными айванами на продольной и поперечной осях. В восточной стороне здания находилось квадратно-купольное крупное помещение (*дарсхана* или библиотека), в западной — предполагается мечеть. По сторонам мечети, во дворе *дарсханы* (комнаты для изучения Корана и других дисциплин), располагались худжры для студентов.

Местонахождение больницы, упомянутой в первом документе, О.Г.Большаковым определено на юге пригорода Самарканда, юго-восточнее современной площади Регистан.

— is set for the *fakikh*. 1500 *dirhams* were monthly allocated for distribution among the students of the *medrese*, as a scholarship. The size of each scholarship depended on a student's achievement and diligence but should not exceed 30 *dirhams*, which, in all probabilities, corresponded to the lowest subsistence minimum per person. Comparison of the last two numbers can establish that the number of the students was around 60-70 (according to Dzh.Z.Buniyatov and T.B.Gasanov) and 50 (according to O.G.Bolshakov) people in the light of the fact that some students might not have received scholarships, and others — received less than 30 *dirhams*.

The second paper also provides the currency rate for *dirhams* circulated in Samarkand. On the day of the act signing it was defined that one miskal of the pure gold is equal to 47 *dirhams*. The document states that «if the course of money should change in direction of increasing or decreasing (<.>), then for each of the items listed in this document shall be paid the amount of new *dirhams* in accordance with the new rate of money which shall be [circulated] in Samarkand on the day of signing for this endowment»

Both *vakfs* were established in perpetuity, or, as indicated in the documents, «as long until Allah inherits the earth with all those who are on it». But there is a remark: if ever there would be no need for a hospital or *medrese*, or they come in such poor condition that they can not be recovered, then these *vakfs* will be donated to the poor Muslims. But the documents did not specify the forms, conditions of transfer and their use by the poor Muslims.

The socio-economic situation in the Mauverrannakhr of the 11th - 12th centuries studied only in very general terms. Reasoning about development of various forms of land ownership, the extent of ikt during the reign of the Karakhanids, etc., are based on analogies with Khorasan and Iran, because there are no written sources originating from Mauverannakhr of that time. All that we have is limited to the information regarding the political history. We do not have even the most modest descriptions of cities, which would enable us to compare their state in the 11th - 12th centuries. Proceeding from this, the *vakf* documents of the 11th century are of great importance because they contain a mass of new information, especially about Samarkand in the 11th century, as well as about the monetary system of that time.

In the 60s of the 20th century as a result of archaeological investigations near the ensemble Shakhi Zinda, N.B.Nemtseva discovered the remains of the *medrese* of the 11th century (known as the *medrese* of Kusamiy from the written data of the 12th and 12th - 17th centuries). This is the *medrese* mention in the *vakf*, which tells that the *medrese* was founded by the Karakhanid ruler Tamgach Bupra Khan near «Mashad Kusama». Mashad Kusama is the architectural and ideological basis of the ensemble Shakhi Zinda and it was built as a memorial and remembering complex in the early 11th century. Publication of the *vakf* for the *medrese* and excavations at the *medrese* Kusamiya happened at the same time. There was excavated a building of a yard-ayvan compositions (55x44m) with an entrance portal, cross-cutting ayvans in the longitudinal and transverse axes. A square-domed large room (*darshkhana* or library) was located in the eastern side of the building, in the western — there was meant to be a mosque. Khudjra for students were placed on either side of the mosque, in the courtyard were *darshkhana* (rooms for studying the Koran and other disciplines).

The location of the hospital mentioned in the first document was defined by O.G.Bolshakov in the south of Samarkand, the south-east from the today Registan Square.

ЖАЙХУН ХАРИТАСИ

Аббос ЭРГАШЕВ

Буюк Британиянинг Оксфорд университети Бодлеан кутубхонаси қўлэмалар хазинасида XI асрнинг биринчи ярмида номаълум муаллиф томонидан араб тилида ёзилган «Китоб фаройиб ал-фунун ва мулах ал-уюн» («Фаройиб илмлар ва қўзлар учун ажойиботлар китоби») деб номланган асар қўлэмаси сақланади. Бу қўлэма 2002 йилда топилган бўлиб, уни дастлаб инглиз шарқшунос олими Йозеф Рапопорт тадқиқ қилган ва илмий ахборот берган. Асар икки қисмдан иборат бўлиб, унинг биринчи қисми осмон илми, яъни астрологияга, иккинчи қисми эса ер ҳақидаги илмларга бағишланган. Қўлэманинг биринчи қисмида астрономик диаграммалар, иккинчи қисмида эса рангли тасвирда бир қанча хариталар берилган. Жумладан, унда икки дунё харитаси (тўртбурчак ва доира шаклида), Ҳинд океани, Ўрта Ер ва Каспий денгизлари, Нил, Фрот, Дажла, Ҳинд (Ганга) ва Жайхун дарёлари, жаҳон қўллари, Иссикқўл ва бошқа сув хавзаларининг хариталари берилган.

Картография нуктаи назаридан Жайхун дарёси харитасининг илмий қиммати бекиёс, зеро бунгача дарёнинг махсус харитаси чизилмаган ва бундай маълумот бошқа бирорта географик асарда учрамайди.

Харитада кўрсатилишича, Жайхун дарёси пастки чап бурчакдаги тоғ (*жабал*) дан бошланиб, ўзан бўйлаб оқиб кавс шаклида хаританинг марказидаги қўлга бориб қуйилади. Маълумки, Амударё оқимининг умумий кўриниши кавс шаклида эмас, чунки у тоғлардан чиқиб, текисликдан кескин бурилишларсиз оқади. Харитада унинг кавс шаклида берилиши шартли бўлиб, бутун дарё оқимини бир саҳифага сиғдириш учун шундай чизилган. Харитада дарё фарбдан бошланиб, шарқ томонга қараб оқади. Лекин, аслида, Жайхун, яъни Амударё шарқдан фарбга оқади. Демак, бу харитадаги Жайхун ўзани тескари тасвирланган. Шу боис, харита 180 даражага ўгириб ўрганилса, мақсадга мувофиқ бўлади. Биз Жайхун дарёси ўзанини уч қисмга, яъни юқори, ўрта, қуйи оқимларга бўлдик.

Хаританинг юқоридаги ўнг бурчагида қубба шаклидаги тоғ тасвирланган ва арабча *жабал* (тоғ) деб ёзилган Бу

Помир тоғларидир. Тоғдан пастга қараб перпендикуляр шаклда Жайхун дарёсининг юқори қисми тасвирланган. Бу ҳозирги кундаги Афғонистон ва Тожикистон чегарасидан бошланган Вахон дарёсидир. Унга ўнг тарафдан бир ирмоқ келиб қўшилади. Бу Помир тоғларидан бошланувчи Помир дарёсидир. Бу икки ирмоқ қўшилиб, Панж дарёсини ҳосил қилади. Хаританинг ўнг томонидан унга икки ирмоқ келиб қўшилган: булар Шохдара ва Гунг ирмоқлари. Бу уч ирмоқ харитада арабча *Айн ма*, яъни «сув манбаи» ёки «булоқ» деб аталган. Дарёнинг бошланғич ўзагида чап ва ўнг тарафда тўрттадан жами саккизта доирача тасвирланган. Булар Жайхун бўйида жойлашган шаҳарлар бўлиб, уларнинг номлари харитада кўрсатилмаган.

Хаританинг пастки ўнг бурчагида дарё 90 даража шарқ томонга бурилиб, пастки чап қирғоққа қадар давом этади. Бу ерда дарёга юқоридан ва пастдан икки ирмоқ келиб қўшилади. Булар Тожикистон ҳудудларидан бошланувчи Бартанг ва Вахш ирмоқларидир. Шу ерда Панж ва Вахш дарёлари қўшилишидан Жайхун дарёси ҳосил бўлган. Хаританинг бу қисмида юқорида иккита доира, пастда бешта доира тасвирланган. Булар номлари келтирилмаган шаҳарлардир.

Хаританинг чап томонидаги ярим доира шаклидаги қисмида, дарёнинг иккинчи, яъни ўрта оқимида чап томонидан 5 та ирмоқ қўшилади: Наҳр Арзанжара (Андижороғ), Наҳр Барах (Фархор ёки Фарар), Наҳр Бан (Барбон ёки Балбон), Наҳр В.р.к.с, Наҳр Ҳисан (Кишаб).

Бу 5 та ирмоқ атрофида 5 та номи кўрсатилмаган доирача тасвирланган. Хаританинг бу қисмида яна кичик қўл, унга қуйиладиган дарё ва 3 та доирача тасвирланган. Харитадаги кичик қўл ҳозир йўқ бўлиб кетган Қора қўлдир. Харитада тасвирланган дарё эса Зарафшон дарёсидир. 3 та доирадан 2 таси номаълум, учинчиси эса, Бухоро шаҳридир.

Дарёнинг қуйи оқимида унга ҳеч қандай ирмоқ қўшилмаган. Дарёнинг юқори қисмида 9 та ва паст қисмида 4 та доира тасвирланган. Булар ўрта асрлардаги Бадахшондан Хоразмгача бўлган ҳудуд, яъни ҳозирги Афғонистон, Туркменистон ва Ўзбекистон ҳудудларидаги ўрта аср шаҳарлари. Дарёнинг паст тарафида кўрсатилган тўртта доирача: ат-Тирмиз, Қазвин (яъни Фарабр), Кат ва Хоразм шаҳарлари.

Хаританинг шу қисмида марказдаги қўлга яна бир дарё келиб қўшилади. Бу Сирдарё бўлиб, ўрта асрларда у Сайхун деб аталган ва харитага сиғиши учун ҳажми кичикроқ қилиб тасвирланган. Сайхуннинг шимол ва жануб томонларида ҳам бир қанча номлар ёзилган. Булар Хувора (Жанд), ал-Қарийа ал-Ҳадиса (араб. Янги қишлоқ, демакдир), Мароъи аш-Шош, яъни аш-Шош яйловлари ва Билод ал-Ғариб ал-Атрок, яъни қадимги туркларнинг мамлақати деб берилган.

Жайхуннинг паст томонида бир қанча шаҳарлар, шунингдек, тоғ ва ундан бошланувчи дарё ҳам кўрсатилган. Булар ўрта асрлардаги Хуросон вилояти таркибига кирувчи Гурганч, Миздакхон, Омуд, Замм, Калиф, Балх ва Бадахшон шаҳарлари ҳамда Ҳиндиқуш тоғи.

Мазкур қўлэма харита Жайхун дарёсининг ўрта асрларда махсус чизилган ягона харитаси бўлиб, унда дарёнинг тўлиқ тасвири ва унинг атрофидаги шаҳарлар, дарёлар, қўллар, вилоятлар тасвирланган. Харитада берилган маълумотлар ёзма манбалардаги маълумотлар билан мос келади ва айрим ҳолларда уларни тўлдириб, аниқлаштиради.

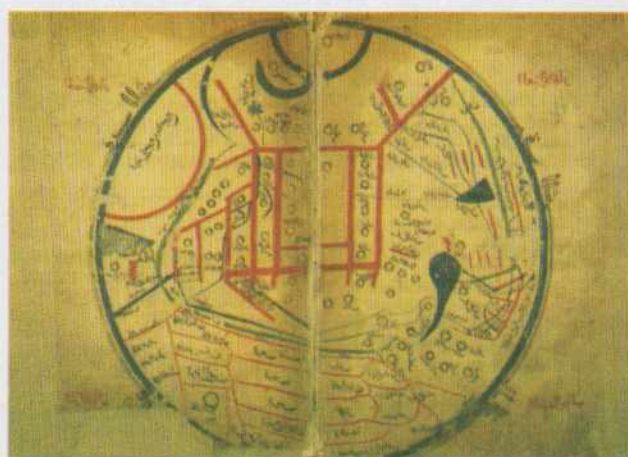
MAP OF DZHEYHUN

In 2002 a manuscript in Arabian language has been found in the fund of the largest library of Oxford University in Bodleian (Great Britain). For the first time it was investigated by English scientist-orientalist Joseph Rapoport who came to conclusion, that the product of unknown author was written in the first half of XI century and refers to «Kitob garojib al-Funun va mulah al-uyun» («Book of miracles for wonderful sciences and contemplation»). The product consists of two parts. The first part is devoted to studying of the sky, i.e. astrology, astronomical diagrams, and the second one to sciences about the Earth, including some color maps, in particular, maps of two parts of the world (in square and circle forms), Indian ocean, the Mediterranean and Caspian seas, such rivers as Niles, Frot, Dazhla, Ganges and Dzheyhun, some lakes of the planet, as Issykkul and other water reservoirs.

From the cartography point of view, the map of Dzheyhun River, i.e. Amu Darya is very interesting. Before there was no special map of the river, and no information on it was met in any geographical product.

As it is specified in the map, Dzheyhun originates at the bottom left corner of mountains, the channel has the form of bow, and runs into a lake specified in the center of the map. It is known, that the channel of Amu Darya mismatches the form of bow since it begins in mountains, flows on plain land without turns. Imaging the river in the form of bow on the map was conditional with the aim to fit the channel of the river on one page. On the map the river originates in the West and flows to the East. Actually Dzheyhun, i.e. Amu Darya, flows from the East to West. Hence, on this map channel of Dzheyhun is represented in the opposite direction. If to turn the map on 180 degrees, the channel of Dzheyhun River will be divided into three parts - the top, average and bottom currents.

At the top right corner of the map, mountains in the form of a dome are represented with Arabian inscription «zhabal» (mountains). These are Pamir mountains. In the form of a perpendicular from the mountains the headwaters of Dzheyhun River are represented. Now it is Vahan River which originates on Afghan-Tajik border. It is run into from the right side by Pamir River which originates in mountains of Pamir. Incorporating, these inflows form Pjandzh River. On the right of the map two

КАРТА ДЖЕЙХУНА

В фонде рукописей крупнейшей библиотеки Оксфордского университета Бодлеан (Великобритания) в 2002 г. была найдена рукопись на арабском языке. Впервые она была исследована английским ученым-востоковедом Йозефом Рапопортом, который пришел к заключению, что произведение неизвестного автора написано в первой половине XI в. и называется «Китоб гаройиб ал-фунун ва мулах ал-уюн» («Книга чудес для удивительных наук и созерцания»). Произведение состоит из двух частей. Первая часть посвящена изучению неба, т.е. астрологии, здесь представлены астрономические диаграммы, вторая – наукам о земле, включая несколько цветных карт, в частности, карты двух частей света (в формах квадрата и круга), Индийского океана, Средиземного и Каспийского морей, рек Нил, Фрот, Дажла, Ганг и Джейхун, озер планеты, Иссыккуля и других водных бассейнов.

С точки зрения картографии, интересна карта реки Джейхун, т.е. Амударья. До этого не существовало специальной карты реки и сведения о ней не встречались ни в одном географическом произведении.

Как указано на карте, Джейхун берет начало в нижнем левом углу гор, русло имеет форму скобы, и она впадает в озеро, указанное в центре карты. Известно, русло Амударья не соответствует форме скобы, т.к. она, начинаясь в горах, течет по равнине без поворотов. Придание реке формы скобы на карте было условным, для того, чтобы русло реки показать на одной странице. На карте река берет начало на западе и течет в сторону востока. На самом же деле Джейхун, т.е. Амударья, течет с востока на запад. Следовательно, на этой карте русло Джейхуна изображено в обратном направлении. Если повернуть карту на 180 градусов, русло реки Джейхун разделится на три части – верхнее, среднее и нижнее течение.

В верхнем правом углу карты изображены горы в форме купола и нанесена арабская надпись *жабал* (горы). Это Памирские горы. В форме перпендикуляра от гор изображено верхнее течение реки Джейхун. В настоящее время это река Вахан, которая берет начало на границе Афганистана и Таджикистана. С правой стороны в нее впадает река Памир, которая берет начало в горах Памира. Соединяясь, эти притоки образуют реку Пяндж. Справа на карте в нее впадают два притока: Шахдара и Гунт. Эти три притока на карте обозначены арабскими словами «Айн ма» – «источник воды» или «родник». У истока реки изображены восемь кругов – по четыре с правой и левой сторон. Это города, расположенные по берегу Джейхуна, но названия их не указаны.

inflows run in that river: Shahdara and Gunt. These three inflows are designated on the map by Arabian words «Ajn mo» «a source of water», or «spring». At a source of the river eight circles – by four on each sides are represented. These are cities located on the coast of Dzheyhun, but their names are not specified.

In the bottom right corner of the map the river turns on 90 degrees to the East and flows up to gorges in the bottom left corner. At that place two rivers Bartang and Vakhsh originating in Tajikistan flow in from both above and below. Here, in the result of merge of Pjandzh and Vakhsh rivers Dzheyhun River is formed. In this part of the map two circles below and five circles above are represented. These are cities which names are not specified.

In the left part of the map having the form of a semicircle, 5 inflows run into its middle part: They are: Nahr Arzanzhara (Andizhorog), Nahr Barah (Farhor or Farar), Nahr Ban (Barbon or Balbon), Nahr V.r.k.s, Nahr Hisan (Kishab).

Around of these 5 inflows 5 circles without names are represented. In the same part of the map a small lake with a river running into it and 3 circles are also pointed out. The lake is disappeared Karakul. And the river is Zeravshan. 2 of the pointed out circles are unknown, but the third one is Bukhara city.

There are no inflows at the bottom of watercourse. At the top part of the river 9 circles, at the bottom - 4 circles are represented. These are medieval territories from Badahshan up to Khorezm, i.e. medieval cities on territory of present Afghanistan, Turkmenistan and Uzbekistan. Circles at the bottom part of the river are such cities as At-Termez, Kazvin (i.e. Farabr), Kat and Khorezm.

One more river - Syr-Darya which in Middle Ages referred to Sajhun runs into the lake specified in this part of the map. In order to show it completely on the map, it is represented in the smaller sizes. From eastern and southern parts of Sajhun there are some names. They are: Huvora (Zhand), al-Kariya al-Khadisa (Arabian. «New village»), Maroi ash-Shosh, i.e. pastures of ash-Shosh, Bilod al-garib al-Atrok, i.e. the state of ancient turkis.

At bottom part of Dzheyhuna some cities, mountains and a river taking in them its beginning are represented. These are mountains of Hindu Kush and such cities as Gurganch, Mizdakhon, Omul, Zamm, Caliph, Balh, Badahshon, which were a part of Horasan areas.

The hand-written map is a unique map of Dzheyhun River made in the Middle Ages with full image of the river and cities, other rivers, lakes and areas located on its channel. Data on the map correspond to written sources, and separate details supplement and specify them.

В нижнем правом углу карты река поворачивает на 90 градусов к востоку и течет до устьев в нижнем левом углу. В этом месте сверху и снизу в реку впадают Бартанг и Вахш, берущие начало в Таджикистане. Здесь, от слияния рек Пяндж и Вахш образуется река Джейхун. В этой части карты сверху изображены два круга, внизу – пять кругов. Это города, названия которых не указаны.

В левой стороне карты, имеющей форму полукруга, в среднюю часть течения реки впадают 5 притоков: Нахр Арзанжара (Андижорог), Нахр Барах (Фархор или Фарар), Нахр Бан (Барбон или Балбон), Нахр В.р.к.с, Нахр Хисан (Кишаб).

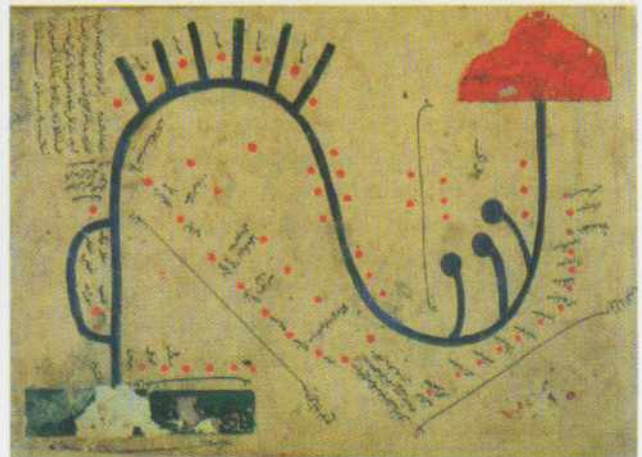
Вокруг этих 5 притоков изображены 5 кругов без наименования. В этой же части карты еще обозначено маленькое озеро, впадающая в него река и 3 круга. Озеро – это исчезнувшее Каракуль. А река – это Зеравшан. 2 из изображенных кругов неизвестны, третий – это город Бухара.

В нижнем течении реки притоков нет. В верхней части реки изображены 9 кругов, в нижней – 4 круга. Это средневековые территории от Бадахшана до Хорезма, т.е. средневековые города на территории нынешнего Афганистана, Туркменистана и Узбекистана. Круги в нижней части реки – это города ат-Термез, Казвин (т.е. Фарабр), Кат и Хорезм.

В озеро, указанное в этой части карты, впадает еще одна река – Сырдарья, которая в средние века называлась Сайхун. Чтобы она полностью была представлена на карте, она изображена в меньших размерах. С восточной и южной сторон Сайхуна есть несколько наименований. Это Хувора (Жанд), ал-Кариya ал-Хадиса (арабск. «Новый кишлак»), Мароьи аш-Шош, т.е. пастбища аш-Шоша, Билод ал-гариб ал-Атрок, т.е. государство древних тюрков.

В нижней части Джейхуна изображено несколько городов, горы и берущая в них начало река. Это горы Гиндукуш и города Гурганч, Миздакхон, Омул, Замм, Калиф, Балх, Бадахшон, входившие в состав Хорасанской области.

Рукописная карта является единственной картой реки Джейхун, начертанной в средние века, на которой представлено полное изображение реки и расположенных в ее русле городов, рек, озер, областей. Сведения на карте соответствуют письменным источникам, а отдельные детали дополняют их и уточняют.

DOCUMENTARY FILM OF UZBEKISTAN

In 1968. «Uzbetelefilm» studio which united film-documentary film makers was created. At the beginning it consisted of not so prepared, however enamored in their job, full of determination to study, ready to research and discovery people. Among the most gifted and decided in the profession film-experts there were such graduates of VGIK as Sattar Dalabaev, Shavkat Dzhunajdullaev, Saidbatyr Ahmedhodzhaev, Oleg Jusupov, Nikola Gerasimov, Kim Gym Njan, Kuchkar Karim, as well as such graduates of Tashkent theatrical - art institute named after A.N.Ostrovsky as Hadzhimurad Ibragimov, Leonard Babahanov, Toshhodzha Akramov, Abror Kasymov and Erkin Ahmedov.

Cognition of distinctions between cinema and TV, secrets of television specificity, studying of television style, expressive features of a new art occurred in progress, during filming and editing, by trial and error method.

For example, a dynamical 3-serial documentary film «Reporting from a shooting place» by Edward Hachaturov, devoted to Kamil Yarmatov, with fine work of operator Miron Penson.

Since early products of the telecinematographers testified an original and deep thinking of the authors, namely in such works as «Patterns of Urgut» (by director. Erkin Ahmedov), «Fairy tale of grandmother Hamro» (by. Abror Kasymov), «Truth of terrestrial passions» (by Hadzhimurad Ibragimov). Comprehensive investigation of human character, individual features of uncommon persons revealed in film-portraits. Approaching to a person by means of reduction of a distance between object and camera, reflection an arising idea by a lens, action during its occurrence, all these «subtleties» of documentary palette are present at the best products of the studio: «Usto» (by director Armugon Muhamedov), «Rano Sharipov is singing» (by dir. Tashhodzha Akramov), «Machine operator» (by dir. Khadjimurad Ibragimov), «Sculptor Kattymuradov» (by dir. Shavkat Dzhunajdullaev).

The documentary film makers aspired to display not just this or that fact or event, but to open a person in all complexity of his character and originality of destiny/ For example: «How to win oneself» (director V.Leshtayev), about the world champion on boxing Rufat Riskiev, «Master from Kokand» (dir. S.Dzhunajdullaev), about well-known woodcarver Kadyrdzhan Hajdarov, «Worthy of the rank» (dir. V.Leshtayev) about a worker Mahmud Mujdinov.

Appearance at that time of portable narrow-gauge camera by means of which it was possible to conduct synchronous film-shooting and sound record assisted to authors to reveal abilities of a person.

Opening beauty of the native nature, diverse aspect of Uzbekistan demands special love and realization, grace of

ЎЗБЕКИСТОН ҲУЖЖАТЛИ ТЕЛЕФИЛЬМИ

Баҳодир АХМЕДОВ

1968 йили киноҳужжатчиларни бирлаштирган «Ўзбектеелефильм» студияси ташкил этилди. Дастлабки пайтларда унинг аъзолари эндигина иш бошлаган, ўз ижодини жон-дили билан севадиган, қўл урган ишини охиригача ўрганишга азму қарор қилган, изланиш ва кашфиётларга мойил фидойи ижодкорлардан иборат эди. Иктидорли ва кино мутахассислиги касбида ўзини кўрсатганлар орасида Бутуниттифок Давлат кинематография институти (БДКИ) битирувчилари Саттор Дадабоев, Шавкат Жунайдуллаев, Саидботир Аҳмадхўжаев, Олег Юсупов, Никола Герасимов, Ким Гин Нян, Қўчкор Каримлар, А.Н.Отсровский номидаги Тошкент Театр ва рассомчилик институти битирувчилари Ҳожимурод Иброҳимов, Леонард Бобохонов, Тошхўжа Акрамов, Аброр Қосимов, Эркин Аҳмедовлар бор эди.

Кино ва телевидение, телевизион хусусиятлар сирлари ўртасидаги тафовутлар, телевизион услуб, янги санъат тилининг ифодали хусусиятларини ўрганиш йўл-йўлакай, сувратга олиш ва монтаж жараёнида, синов усули ва хатоларга йўл қўйган ҳолда олиб борилар эди.

Эдуард Хачатуровнинг Комил Ёрматовга бағишланган уч қисмли «Сувратга олиш майдончасидан репортаж» ҳужжатли фильмни мисол қилиб келтириш мумкин. Оператор Мирон Пенсоннинг бу ажойиб иши ўзининг ички жўшқинлиги билан ажралиб туради.

Телекинематографчиларнинг илк асарлариёқ муаллифларнинг ўзига хос, теран тафаккурдан дарак бериб туради. «Ургут кашталари» (реж. Эркин Аҳмедов), «Ҳамро бувининг эртаклари» (реж. Аброр Қосимов), «Бандалар эхтироси ҳақиқати» (реж. Ҳожимурод Иброҳимов) фильмларида бу айниқса яққол кўзга ташланади. Фильм-портретларда инсон феъл-атвори ажойиб шахсларнинг ўзларига хос жиҳатларини ҳар томонлама тадқиқ этиш орқали очиб берилган. Объект билан камера ўртасидаги масофани қискартириш воситасида шахсга яқинлашиш, объектив орқали туғилаётган фикрларни, хатти-ҳаракатларни аини вақтда акс эттириш – ҳужжатли фильмлардаги бу «нозик-

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТЕЛЕФИЛЬМ УЗБЕКИСТАНА

В 1968г. была создана студия «Узбектеелефильм», объединившая кинодокументалистов. На первых порах в нее вошли не очень подготовленные, однако влюбленные в свое творчество, полные решимости изучить своё дело, готовые к поиску и открытиям. Среди наиболее одарённых и определившихся в профессии киноспециалистов были выпускники ВГИКа Саттар Далабаев, Шавкат Джунайдуллаев, Саидбатыр Ахмедходжаев, Олег Юсупов, Никола Герасимов, Ким Гым Нян, Кучкар Карим, выпускники Ташкентского театрально – художественного института им. А.Н.Островского Хаджимурад Ибрагимов, Леонард Бабаханов, Тошходжа Акрамов, Аброр Касымов, Эркин Ахмедов.

Познание различий между кино и телевидением, секретов телевизионной специфики, изучение телевизионного стиля, выразительных особенностей языка нового вида искусства происходило на ходу, в процессе съёмки и монтажа, методом проб и ошибок. Например, динамичный документальный фильм Эдуарда Хачатурова «Репортаж со съёмочной площадки», посвящённый Камиллю Ярмазову, с прекрасной работой оператора Мирона Пенсона.

Уже ранние произведения телекинематографистов свидетельствовали о своеобразном мышлении авторов, в таких работах как «Узоры Ургута» (реж. Эркин Ахмедов), «Сказки бабушки Хамро» (реж. Аброр Касымов), «Правда страстей земных» (реж. Хаджимурад Ибрагимов). Всестороннее исследование человеческого характера, индивидуальные черты незаурядных личностей раскрывались в фильмах-портретах. Приближение к личности посредством сокращения дистанции между объектом и камерой, отражение объективом зарождающейся мысли, действия в момент её возникновения, все эти «тонкости» документальной палитры присутствуют в лучших произведениях студии: «Усто» (реж. Армугон Мухамедов), «Поёт Рано Шарипова» (реж. Ташходжа Акрамов), «Механизатор» (реж. Хаджимурад Ибрагимов), «Скульптор Каттымурадов» (реж. Шавкат Джунайдуллаев).

Документалисты стремились не просто отобразить тот или иной факт или событие, а раскрыть человека во всей сложности его характера и неповторимости судьбы: «Как победить себя» (реж. В.Лештаев) о чемпионе мира по боксу Руфате Рискиеве, «Мастер из Коканда» (реж. Ш. Джунайдуллаев) о знаменитом резчике по дереву Кадырджане Хайдарове, «Достоин звания» (реж. В.Лештаев) о рабочем Махмуде Муйдинове.

Стремлению помочь человеку раскрыться, выявить свои способности помогает авторам появление в эти годы портативной узкоплёночной камеры, с помощью которой можно вести синхронную киносъёмку и запись звука.

Раскрытие красоты родной природы, многообразного облика Узбекистана требует особой любви и понимания, изящества вкуса, о чём свидетельствуют некоторые видовые фильмы студии: «Утро, день, вечер» (опер.

ликлар» студиянинг энг яхши асарларида бор бўйи билан кўринади, улар: «Усто» (реж. Армугон Мухамедов), «Раёно Шарипова куйлайди» (реж. Тошхўжа Акрамов), «Механизатор» (реж. Хожимурод Иброхимов), «Хайкалтарош Куттимуродов» (реж. Шавкат Жунайдуллаев) ва х.к.

Хужжатли фильм ижодкорлари у ёки бу воқеа-ходисани акс эттиришнигина эмас, балки мураккаб феъл-атворли инсон ва унинг бетакрор тақдирини очиб беришга ҳам интиладилар. Бокс бўйича жаҳон чемпиони Руфат Рискиев ҳақидаги «Рингта чакирилади» (реж. В.Лештаев), машҳур ёғоч ўймаkori Қодиржон Хайдаров ҳақидаги «Қўқонлик уста» (реж. Ш.Жунайдуллаев), ишчи Махмуд Мўйдинов ҳақидаги «Унвониға муносиб» (реж. В.Лештаев) фильмлари бунга мисол бўла олади.

Инсоннинг ўзини намоён этишига, қобилиятларини юзага чиқара билишига интилишда муаллифларга шу йиллари энсиз плёнкали портатив камеранинг пайдо бўлиши жуда кўл келди, унинг ёрдамида сувратга синхрон тушириш ва овозни ёзиб олиш мумкин бўларди.

Ўзбекистоннинг ранго-ранг қиёфасини, она-табиат гўзаллигини очиб бериш алоҳида муҳаббат ва тушунчани, дид нозиклигини талаб этади, студиянинг «Тонг, юлдуз, окшом» (опер. В.Лёндис), «Кун чиқиши» (опер. Р.Исломов), «Чоткол жилвалари» (опер. О.Юсупов), «Абрамов музлиги» (опер. Ким Гим Нян), «Лола – фалак гули» (опер. Б.Назруллаев), «Қўриқхона тоғларида» (опер. Ш.Жунайдуллаев), «Ўзбекистон ранглари» (опер. С.Аҳмадхўжаев), «Оролпайғамбар кўриқхонаси» (опер. Р.Исломов) каби асарлари шундан далолат беради.

Афсуски, танқидий тавсифларда манзарали фильм жанрида маҳорат масаласи баъзидагина тилга олинади, холбуки студия кинематографчилари орасида аъло даражадаги операторлар оз эмас, улар кўп йиллардан буён она-ўлкани билишдаги ҳақиқий истеъдодларини намоён этиб келмоқдалар.

Худди шу маънода танқидчилар, фильм-концертдек масъулиятли жанрда профессионализм муаммоларига етарлича эътибор бермаяптилар. Мусиқа объектининг одатдаги сувратга олишлардан фарқ қилувчи нозик жиҳатлари дарров очиб берилмаяпти. Матн ёки интервьюли асарда номерларни бир «том» остига тўплаш осон. Аксинча, гўзалликнинг зухурларини товуш ва манзара яхлитлигида сувратга олишларнинг ташқи манзарадорлигини сақлаб қолган ҳолда уйғун бирлаштириш анча мушкул.

taste which is testified by following landscape films of the studio: «Morning, day and evening» (cameraman V.Lyondis), «Ascention» (camera R.Islamov), «Ranges of Chatkal» (camera O.Jusupov), «Abramov's glacier» (camera Kim Gym Nyany), «Lola is a celestial flower» (camera B.Nazrullaev), «In reserve mountains» (camera S.Dzhunajdullaev), «Paints of Uzbekistan» (camera S.Ahmedhodzhaev), «Aral-pajambar Reserve» (camera R.Islamov).

Unfortunately, in critical reviews questions of travelogue genre skill are seldom mentioned, in fact among cinematographers of the studio there were many excellent cameramen, who during many years showed true talent in knowledge of the native land.

In the same measure critics insufficiently concern to the problems of professionalism in such important genre as film-concert. Subtleties of musical object shootings differing of ordinary one are not revealed at once. It is easy to collect under one «roof» some numbers with an explanatory text or interview. It is more difficult to unite in harmony manifestations of fine in sound and visual unity, preserving herewith external reportage shootings.

Some works of musical television genre testify achievements and lacks of this subject. They are such films as - «Magic saz of Kambar» (dir. M.Agamirzaev), «Young voices» (dir. B.Ahmedov, S.Bizaatov), «Song of sunny Uzbekistan» (dir. H.Ibragimov) «Melodies of pleasure» (dir. S.Dzhunajdullaev).

In some years Uzbek spectators have got acquainted with creativity of such well-known representatives of art, as Galija Izmaylova, Bernara Karieva, Rozija Karimova, Tamara Hanum, Dilbar Abdurahmanova and Tavakkal Kadyrov.

And such works as «Rano Sharipov is singing», «Draw to me a song», «I am a ballerina», «Pictures from an exhibition», «Berta Davidov is singing» were entered into gold fund of television art.

The film «Draw to me a song» devoted to Batyr Zakirov, differs from others by its especial emotion and thin understanding of film-research subject. It presented to a spectator an extraordinary wide world of likings and interests of the favorite singer.

Many substantial films with bright journalistic character were created by talented film-artist Fajzulla Hadzhaev. «When war knocked a house», «Uzbek Madonna», «My Land is my destiny» are differ from others by their novelty of subjects, depth of research of the material based on real and authentic events. Literary talent helped him to construct the intense plot, exact and expressive dialogues.

Many interesting authors in creativity collaborated with him at the studio, for example, A.Gorohov, I.Chernov, K.Bahshi, L.Gurevich, E.Dubrovsky, S.Blagov, A.Uzilevsky, known journalists and film writers worked.

The young television studio's activity noticeably differed from the «big» republican chronicle studio. Television

Муסיкий тележанрдаги фильмлар шу йўлдаги ютук ва камчиликлар хақида гувоҳлик беради, бунга «Қамбарнинг сеҳрли сози» (реж. М.Оғамирзаев), «Ёш овозлар» (реж. Б.Аҳмедов, Ш.Бизоатов), «Қуёшли Ўзбекистон кўшиқлари» (реж. Ҳ.Иброҳимов), «Шодлик куйлари» (реж. Ш.Жунайдуллаев) фильмларини киритиш мумкин.

Турли йилларда Галия Измайлова, Бернора Қориева, Розия Каримова, Тамарахоним, Дилбар Абдурахмонова, Тавакқал Қодиров сингари машҳур санъат вакиллари ижодига бағишлаб яратилган, шунингдек «Раъно Шарипова куйлайди», «Мен – балеринаман», «Кўргазмадаги сувратлар», «Берта Давидова куйлайди» каби фильмлар телевизион санъатнинг олтин хазинасига киритилган.

Ботир Зокировга бағишланган фильмда тадқиқот моҳиятини алоҳида синчковлик ва теран англаш яққол кўзга ташланиб туради. «Менга кўшиқни чизиб бер» деб аталган мазкур асар сеvimли кўшиқчининг кизиқиш ва иштиёқ олами нақадар кенг бўлганини томошабинга ишончли воситаларда очиб бера олган.

Истеъдодли кино режиссёр Файзулла Хўжаев ёрқин публицистик руҳдаги кўплаб фильмларни тасвирга туширди. «Уруш эшик қокмоқда», «Ўзбек мадоннаси», «Она тупроғим – тақдирим» фильмларидаги мавзу янгиллиги, ишончли воқеаларга асосланган материал тадқиқоти ўзининг теранлиги билан ажралиб туради. Ёзувчилик истеъдоди унга кескин сюжет, аниқ, ифодали мулоқот тузиш имконини берди. Ф. Хўжаев билан бирга студияда ижодий жихатдан ундан қолишмайдиган муаллифлар ҳамкорлик қилди, чунончи, А.Горохов, И.Чернов, К.Бахши, Л.Гуревич, Э.Дубровский, С.Благов, А.Узилевский сингари таникли журналист ва кинодраматурглар ижоди фикримизга далил бўла олади.

Ёш телестудия фаолияти хрониканинг «катта» республика студиясидан сезиларли даражада ажралиб турар эди. Телевизион ҳужжатли тасмалар мавзу ва ҳаётий материаллар бўйича у қадар расмий эмас, зеро телепублицистларга мавзуни ҳаёт кўйиндан қидиришга руҳсат этилган, улар ишларида тақдим этилган шахслар анча эркин, жўшқин ва самимийроқдир.

1970 йиллардан бошлаб жонажон ўлқанинг диққатга сазовор жойларига, мозий ва ҳозирги давр маданий бойлигига кизиқиш кучайди. Мавзу йўналишларидан бири – бу шаҳар хақидаги фильмлар. «Асрлар ва даврлар» ва «Кўхна шаҳар ёшлиги» (реж. Ш.Жунайдуллаев), «Кўкон» ва «Нукус» (реж. В.Миразимов), «Фарғонанинг мовий балдоғи» (реж. Ш.Маҳбубов), «Тошкент» ва «Шаҳрисабз» (реж. Ш.Бизоатов), «Афсонавий Бухоро» (реж. Б.Аҳмедов), «Хива» (реж. Ҳ.Иброҳимов) ва бошқа фильмлар буюк ўтмишимиз хақида тараннум этади. Бу фильмларнинг кўпчилиги ифода воситаларининг лўндалиги, маърифий теранлиги билан эътиборни тортади.

Машаққатли изланишлар натижасида кино-концерт жанридаги асарлар дунёга келди. Бу маҳсулот айниқса, телевиденида асқотди. Телеэкрандаги энг яхши ўзбек фильм-концертлари юқори ҳужжатлилиги билан ажралиб туради, бунга «Орол навалари», «Сайра, дуторим», «Карнай садоси», «Мўъжизалар куни», «Бухоро эртақлари» каби тасмаларни мисол қилиб кўрсатиш мумкин.

Ўзбек телеҳужжатли киносига санъат одамларига бағишланган кўплаб ажойиб фильмлар яратилди. Мазкур

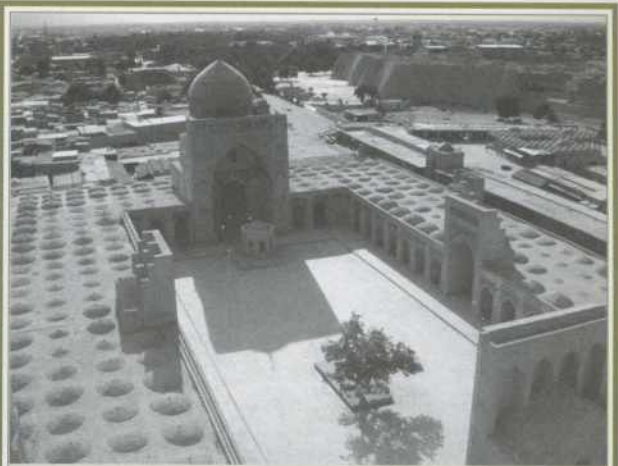
жанрдаги энг яхши намуналар – «Сувратга олиш майдончасидан репортаж», «Бандалар эҳтироси хақиқати», «Илҳом», «Севинч», «Терракота табассуми», «Тамарахоним», «Рассом Самиг Абдуллаев», «Айтилмаган кўшиқ», «Унутма мени, боғим» ва ҳ.к.

Айтишларича, экранда хақиқатга эришмоқ учун тасмага чинакам драматик воқеани тушириш кифоя эмиш. Шу ўринда Виктор Лисаквичнинг «Катюша» фильмини мисол қилиб келтирадилар, унда қаҳрамон аёл бошидан кечирган урушни шунчаки хикоя қилади. Аммо ажабланирлиси бу эмас. Экранда Екатерина Дёмина хикоя қилмайди, балки олис воқеаларни ижодий бошидан кечиради. Хужжатли фильм яратувчисига қаҳрамон аёл маҳоратининг ёрдамга келиши тасодифий хол, холос.

Экрандаги ўйчан ечим намуналаридан бири фильм қаҳрамони «Лутфулла Назруллаев» портрети. Фильмни унинг ўғли, режиссёр ва оператор Баходир Назруллаев яратган.

Миллий театрнинг дастлабки йиллари хақида старли далиллар йўқлигига қарамай, муаллиф олдинги постановкалар, актёрлик ва режиссёрлик ишларининг жозибаси ва қудратини ифодалай билган. Тасмалар Ҳамза номидаги театрнинг ажойиб жамоаси ўтмишига (ҳозирги Ўзбекистон Миллий театри), академик сахнанинг етакчи усталиридан бирининг ижодий меросига бағишланган. Фильмда актёр Л.Назруллаев таржимаи холининг асосий босқичлари гавдалантирилган. Ҳамкасблари, кизининг эсдаликлари, киносувратлар, спектакллардан саклиниб қолган парчалар туфайли фильм ижодкорлари истеъдодли инсон кифёсини яратишга, унинг маҳорати ўсиб боришини кузатишга, ўша даврда театрдаги кашфиётларга ташналик билан тўйинган муҳитни қайта гавдалантиришга муваффақ бўлганлар.

Хужжатли фильмлар кейинги вақтларда услуб ва жанр жиҳатдан янада ранг-барангрок, хиссий ва бадний жиҳатдан янада ифодалироқ бўлиб бормоқда.

В.Лёндис), «Восхождение» (опер. Р.Исламов), «Чаткальские спектры» (опер. О.Юсупов), «Ледник Абрамова» (опер. Ким Гым Нян), «Лола-цветок поднебесный» (опер. Б.Назруллаев), «В горах заповедных» (опер. Ш.Джунайдуллаев), «Краски Узбекистана» (опер. С.Ахмедходжаева), «Заповедник Арал-пайгамбар» (опер. Р.Исламов).

К сожалению, в критических обзорах редко затрагиваются вопросы мастерства в жанре видового фильма, ведь среди кинематографистов студии немало отличных операторов, на протяжении многих лет проявляющих истинное дарование в отображении родного края.

В той же мере недостаточно внимательно относятся критики и к проблемам профессионализма в таком ответственном жанре, как фильм-концерт. Легко собрать под одной «крышей» отдельные номера с пояснительным текстом или интервью. Значительно труднее объединить гармонично проявления прекрасного в звукозрительном единстве, сохранив при этом, внешнюю репортажность съёмки.

О достижениях и недостатках на этом пути свидетельствуют работы музыкального тележанра, такие фильмы как «Волшебный саз Камбара» (реж. М.Агамирзаев), «Молодые голоса» (реж. Б.Ахмедов, Ш.Бизаатов), «Песни солнечного Узбекистана» (реж. Х.Ибрагимов), «Мелодии радости» (реж. Ш.Джунайдуллаев).

В разные годы узбекские зрители познакомились с творчеством таких знаменитых представителей искусства, как Галия Измайлова, Бернара Кариева, Розия Каримова, Тамара Ханум, Дильбар Абдурахманова, Таваккаль Кадыров. А такие работы, как «Поёт Рано Шарипова», «Нарисуй мне песню», «Я – балерина», «Картинки с выставки», «Поёт Берта Давыдова», вошли в золотой фонд телевизионного искусства.

Особенной проникновенностью и тонким пониманием предмета киноисследования отличается фильм, посвящённый Батыру Закирову, «Нарисуй мне песню», представивший зрителю необычайно широкий мир увлечений и интересов любимого певца.

Немало содержательных фильмов, яркого публицистического характера было создано талантливым кинохудожником Файзуллою Хаджаевым. «Когда в дом постучалась война», «Узбекская мадонна», «Земля моя - судьба моя», отличались новизной тематики, глубиной исследования материала, основанного на событиях реальных, достоверных. Писательский дар помог ему построить напряжённый сюжет, точные, выразительные диалоги. Вместе с ним работали на студии не менее интересные в творческом

documentary tapes are less official by the subjects and vital material, television journalists were authorized to look for themes in the thick of life, and the characters presented in their works, are more unchained, organic and frank.

Since 1970-s, interest to sights of native land, riches of culture of the past and present has amplified. One of thematic routes is a series of films about cities. Films like «Marks of centuries» and «Youth of the ancient city» by director S.Dzhunajdullaev, «Kokand» and «Nukus» by dir. V.Mirazimov, «Blue ring of Fergana» by dir. S.Mahbubov, «Tashkent» and «Shahrisabz» by dir. S.Bizaatov, «Legendary Bukhara» by B.Ahmedov, «Khiva» by H.Ibragimov, etc. The Majority of these works are attractive by their laconism of expressive means and cognitive depth.

Products of film-concert genre were born in difficult searches. This production is especially demanded by TV. The best Uzbek films-concerts on a screen are differ with high quality of documentary realism, for example such works as «Melodies of Arab», «Play, dutar», «Call of karnaj», «Day of miracles», «Fairy tales by Bukhara».

In Uzbek television documentary cinema many remarkable films, devoted to people of art are created. The most interesting samples of this genre are – «Reporting from a shooting stage», «Truth of terrestrial passions», «Inspiration», «Pleasure», «Smile of Terracotta», «Tamara-khanum», «Artist Samig Abdullaev», «Not sung song» and «I will not be forgotten by my garden».

There is an opinion, that to achieve the truth on the screen, it is enough to fix original drama event on a film. Film «Katjusha» by Victor Lisakovich is brought as an example, where the heroine simply narrates about her gone through on war. But the surprising thing is not this. On the screen Ekaterina Dyomina does not just tell, but creatively experiences the twists and turns of the far event. It is a matter of case when virtuosity of a heroine helps to a documentary film maker.

One of examples of the thoughtful decision of a hero portrait on a screen is a film «Lutfulla Nazrullaev», created by his son, a director and operator Bahodir Nazrullaev.

Despite of lacking sufficient evidences about the first years of the national theatre, the author transferred charm and power of old performances, actor's and director's works. The frames are devoted to the past of remarkable collective of the Theatre named after Hamza (nowadays National theatre of Uzbekistan) and to creative heritage of one of the leading masters of the academic stage. In the film the basic biographical marks of actor L.Nazrullaev are presented. Owing to fragments from the kept films, performances, memoirs of colleagues and his daughter, authors of the film managed to draw a portrait of the uncommon person, to track the growth of his skill, to reproduce an atmosphere saturated by thirst of discovery in which the theatre lived at that time.

Documentary television movies of last years became more various concerning their stylistic and genre, as well as more emotional and artistically expressive.

плане авторы, например, А.Горохов, И.Чернов, К.Бахши, Л.Гуревич, Э.Дубровский, С.Благов, А.Узиевский, известные журналисты и кинодраматурги.

Деятельность молодой телестудии заметно отличалась от «большой», республиканской студии хроники. Телевизионные документальные ленты менее официальные по тематике и жизненному материалу, телепублицистам разрешалось искать темы в гуще жизни, и персонажи, представленные в их работах, более раскованы, органичны и искренни.

Начиная с 1970-х годов, усиливается интерес к достопримечательностям родного края, богатству культуры прошлого и настоящего. Один из тематических маршрутов – фильмы о городах. О великом прошлом повествуют фильмы «Вехи веков» и «Молодость древнего города», реж. Ш.Джунайдуллаев, «Коканд» и «Нукус», реж. В.Миразимов, «Голубое кольцо Ферганы», реж. Ш.Махбубов, «Ташкент» и «Шахрисабз», реж. Ш.Бизаатов, «Легендарная Бухара», Б.Ахмедов, «Хива», Х.Ибрагимов, и др. Большинство этих работ привлекают лаконизмом выразительных средств, познавательной глубиной.

В трудных поисках рождались произведения жанра киноконцерта. Эта продукция особенно востребована на ТВ. Лучшие узбекские фильмы-концерты на телеэкране отличаются высоким качеством документализма, например такие работы, как «Мелодии Арала», «Звени, дутар», «Зов карная», «День чудес», «Сказки по бухарски».

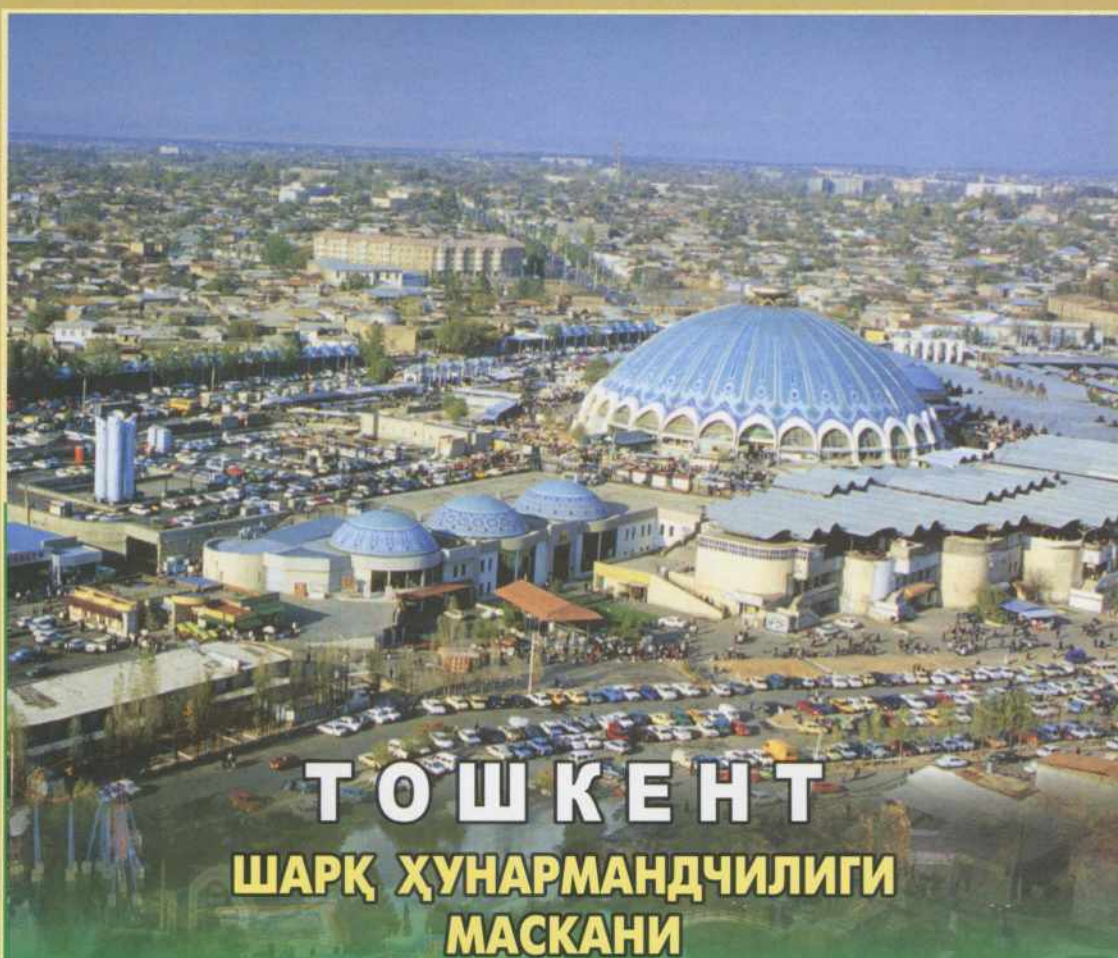
В узбекском теледокументальном кино создано немало замечательных фильмов, посвящённых людям искусства. Наиболее интересные образцы этого жанра – «Репортаж со съёмочной площадки», «Правда страстей земных», «Вдохновение», «Радость», «Улыбка Терракоты», «Тамара-ханум», «Художник Самиг Абдуллаев», «Неспетая песня», «Не забудет меня мой сад».

Бытует мнение, что для того, чтобы достичь правды на экране, достаточно зафиксировать на плёнку подлинное драматическое событие. Приводят в пример фильм Виктора Лисаковича «Катюша», где героиня просто повествует о пережитом на войне. Но удивительно не это. На экране Екатерина Дёмкина не рассказывает, а творчески переживает перипетии далёкого события. Это дело случая, когда документалисту приходит на помощь артистизм героини.

Один из примеров вдумчивого решения на экране портрета героя фильм «Лутфулла Назруллаев», созданный его сыном, режиссёром и оператором Баходыром Назруллаевым.

Несмотря на отсутствие достаточных свидетельств о первых годах национального театра, автор передал очарование и мощь былых постановок, актёрских и режиссёрских работ. Кадры посвящены прошлому замечательного коллектива Театра им. Хамзы (ныне Национальный театр Узбекистана), творческому наследию одного из ведущих мастеров академической сцены. В фильме представлены основные вехи биографии актёра Л.Назруллаева. Благодаря отрывкам из сохранившихся кинокартин, спектаклей, воспоминаний коллег, дочери, создатели фильма сумели нарисовать портрет незаурядного человека, проследить рост его мастерства, воспроизвести атмосферу, насыщенную жаждой открытий, в которой жил тогда театр.

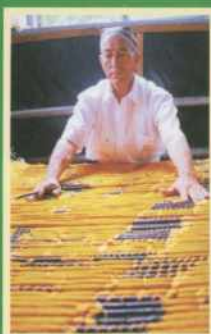
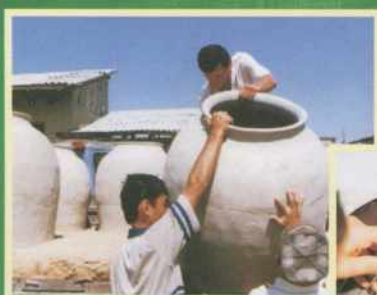
Документальные телефильмы в последние годы стали более разнообразными в стилистическом и жанровом отношении, более эмоциональными и художественно выразительными.

ТОШКЕНТ

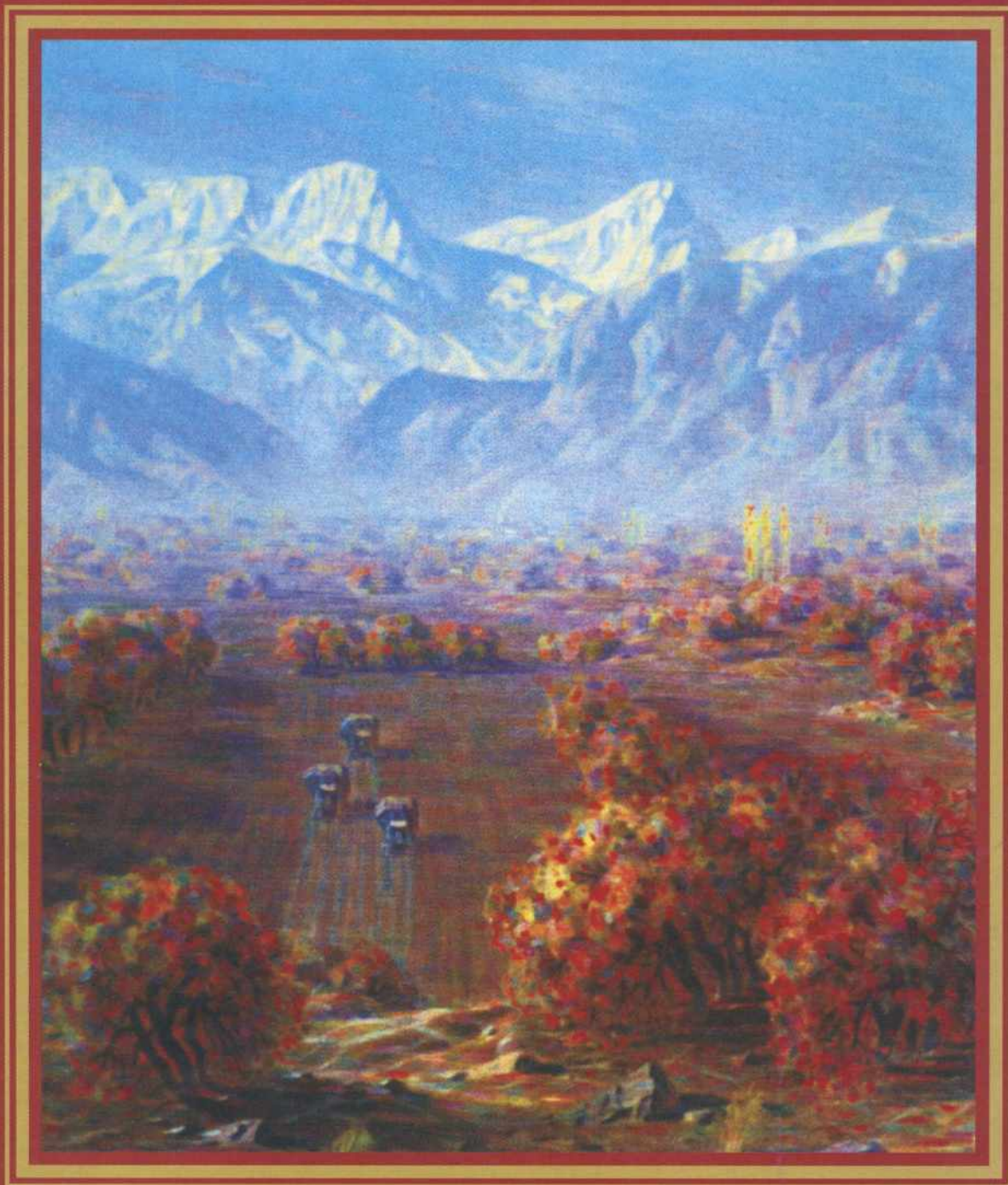
ШАРҚ ҲУНАРМАНДЧИЛИГИ

МАСКАНИ

**ЎЗБЕКИСТОН МУЗЕЙЛАРИ ДУРДОНАЛАРИ
ШЕДЕВРЫ МУЗЕЕВ УЗБЕКИСТАНА
MASTERPIECES OF MUSEUMS OF UZBEKISTAN**

ФАРФОНА ВИЛОЯТ ЎЛКАШУНОСЛИК МУЗЕЙИ
ФЕРГАНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
REGIONAL MUSEUM OF THE AREA FERGANA

В.М. КАСИН. "КУЗ". 1977 й.
В.М. КАСИН. "ОСЕНЬ". 1977 г.
V.M. KASIN. "AUTUMN". 1977.